АНАРХИЗМЪ

764

1004

Сборникъ.

I.

—**Элизе Реклю**. Эволюція и революція.—**Б. Р. Тэккеръ**. Государственный соціализмъ и анархизмъ. — **Маккэй**. Анархія. — —**Ж. Этьеванъ**. Право на жизнь. —**ПетръКропоткинъ**.Государство, его роль въ исторіи.—**Л. Н. Толстой**. Объ отношеніи къ государству.—**Михаилъ Бакунинъ о государствѣ.—**В. Тэ**. Жозефъ Прудонъ о государствѣ. — **Вл. Тэ**. Максъ Штирнеръ о государствѣ. —**М. Неттлау**. Взаимная отвѣтственность и солидарность въ борьбѣ рабочаго класса.—**Ф. Домела-Ньювангуисъ**. Вопросъ о милитаризмѣ. ♣ ♣ ♣ ♣ ♣ ♣ ♣ ♣

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Задача редакціи сборника—дать возможность читателю, хотя бы отчасти, познакомиться съ основными идеями различныхъ теоретиковъ анархизма по работамъ самихъ представителей послѣдняго. Болѣе всего мѣста удѣлено вопросу объ отношеніи къ государству. Помѣщенныя (съ нѣкоторыми несущественными пропусками) очерки **Льва Толстого** ранѣе изданы были въ Лондонѣ В. Чертковымъ. Статья **Петра Кропоткина** «Государство, его роль въ исторіи»—перепечатана съ женевскаго изданія 1904 г. группы «Хлѣбъ и Воля».

Объ отношеніи къ государству **М. Бакунина**, **Ж. Прудона** и **М. Штирнера** повѣствуется, поскольку это оказывается возможнымъ, словами самихъ великихъ анархистовъ. «Право на жизнь» **Ж. Этьевана** есть его извѣстная рѣчь передъ судомъ присяжныхъ. Наконецъ, статьи **Ф. Домела-Ньювангуисъ**—«Вопросъ о милитаризмѣ» и **М. Неттлау**—«Взаимная отвѣтственность и солидарность въ борьбѣ рабочаго класса» взяты изъ собранія «Докладовъ Парижскому Международному Революціонному Конгрессу 1900 года», женевскаго изданія группы русскихъ коммунистовъ-анархистовъ.

ЭВОЛЮЦІЯ И РЕВОЛЮЦІЯ.

Эти два слова „эволюція“ и „революція“ по смыслу очень сходны между собою, хотя часто имъ и придаютъ совершенно различныя значенія.

Слово эволюція, подъ которымъ разумѣютъ постепенное развитіе идей и нравовъ, часто противопоставляется слову революція, подъ которымъ въ такомъ случаѣ имѣютъ въ виду внезапно происшедшій въ жизни даннаго народа переворотъ, влекущій за собою кровавыя катастрофы.

Историческій опытъ долженъ былъ бы насъ научить, однако, что крупныя преобразованія въ области идей и взглядовъ неизбѣжно влекутъ за собою и революціонные перевороты въ соціальной жизни, и что въ исторической жизни народовъ революціи слѣдуютъ за эволюціями, какъ дѣйствія человѣка за его волевыми актами или импульсами. Поэтому, въ сущности, оба эти слова различаются между собою только въ томъ смыслѣ, что знаменуютъ различныя степени развитія.

Въ дальнѣйшихъ своихъ разсужденіяхъ мнѣ нельзя будетъ не остановиться на этомъ положеніи.

Съ самаго же начала мы должны твердо установить, что если нѣкоторые люди, относящіеся съ ненавистью къ революціонерамъ, въ то же время съ живѣйшимъ сочувствіемъ относятся къ процессу эволюціи, то это происходитъ по явному недоразумѣнію, по незнакомству съ истиннымъ значеніемъ того, что именуется эволюціей. Они, поклонники прогресса, во-

обще, чувствуютъ себя неудовлетворенными и сожалѣютъ, если онъ происходитъ въ какомъ-нибудь опредѣленномъ, несоотвѣтствующемъ ихъ взглядамъ направленіи. По ихъ мнѣнію, современное общественное устройство хотя и является изъ рукъ вонъ плохимъ, все же достойно поддержки; они довольны и тѣмъ, что это устройство даетъ имъ возможность удовлетворять собственнымъ вожделѣніямъ въ сферѣ богатства, власти и комфорта. Разъ существуютъ богатые и бѣдные, правители и подданные, господа и рабы, цезари, руководящіе битвами, и гладіаторы, идущіе на смерть, то умнымъ людямъ слѣдуетъ стать на сторону богатыхъ и власть имущихъ и ухаживать за цезарями. Современное общество доставляетъ имъ хлѣбъ, деньги, положеніе и почетъ: на что же имъ еще жаловаться? Эти люди, просто на просто, убѣждаютъ себя, что и всѣ остальные люди столь же довольны своею судьбой, какъ и они.

Въ глазахъ только что пообѣдавшаго человѣка весь міръ является вполнѣ сытымъ. Играя зубочисткой, онъ развязно и невозмутимо толкуетъ о своихъ впечатлѣніяхъ и наблюденіяхъ надъ нищетой презрѣнной массы рабовъ. Все обстоитъ хорошо; проклятіе изможденному голодомъ, стоны котораго мѣшаютъ его пищеваренію! Если общество предусмотрительно заботится объ удовлетвореніи всѣхъ прихотей и капризовъ даннаго эгоиста чуть не съ самой колыбели его, то онъ вполнѣ можетъ разсчитывать добиться положенія въ этомъ обществѣ посредствомъ интригъ, уродливой мести, нѣкоторыхъ усилій или счастливаго случая. Какое ему дѣло до моральнаго развитія? Единственное стремленіе его—въ погонѣ за увеличеніемъ своего благосостоянія!

Иначе думаютъ и дѣйствуютъ революціонеры, являющіеся одновременно и истинными эволюціонистами.

Отбрасывая всѣ книжныя формулы, потерявшія для нихъ всякое значеніе, они стремятся отыскать истину, они критически относятся ко всему, что въ правительствующихъ сферахъ именуется порядкомъ, что наставники называютъ моралью. Они учатся, они срываютъ покрывало со всего, что умышленно облекается тайной, они живутъ и стремятся сдѣлать свою жизнь полезною

для другихъ. То, что они узнали, они об'ьявляютъ во всеуслышанье всему міру; признанное ими за должное, они стараются осуществить. Существующій порядокъ вещей они считаютъ несправедливымъ и желали бы измѣнить его, согласно новому идеалу справедливости. Имъ недостаточно освободить отъ всякихъ путъ свой собственный духъ, они желаютъ освободить и другихъ и уничтожить въ обществѣ духъ рабства. Сообразно съ развитіемъ общества въ разумномъ направленіи, они желаютъ создать тѣ улучшенія, которыя ими признаны, какъ заслуживающія одобренія; слово и дѣло не расходятся у этихъ людей.

Послѣ подавленія коммуны (1871), европейская буржуазія старалась уб'ѣдить себя, что соціализмъ уничтоженъ съ корнемъ. Извѣстный господинъ, изворотливый и предпріимчивый на мелкія дѣла и жалкій пигмей на аренѣ великихъ событій, пошлый и тщеславный выскочка, ненавидѣвшій простонародье, хотя самъ онъ вышелъ изъ него,—публично хвастался тогда, что нанесъ смертельный ударъ соціализму. Онъ думалъ, что похоронилъ его въ могилахъ Père la chais'a... Онъ полагалъ, что погубилъ соціалистическое движеніе, запрятавъ его героевъ въ тюрьмы Новой Каледоніи. Всѣ достойные друзья этого наивнаго простака (господина Тьера, перваго президента французской республики) тотчасъ же со злорадным торжествомъ подхватили его слова.

Однако, какъ извѣстно, это торжество было очень кратковременно, и теперь едва ли найдется кто-нибудь, кто сомнѣвался бы въ томъ, что соціализмъ воскресъ съ новою силой. Армія сознательныхъ борцовъ, стремящихся измѣнить соціальныя условія, стала въ настоящее время столь многочисленна, что ни одно правительство не отважится игнорировать ея тѣсно сплоченные ряды.

Наоборотъ, существующія правительства страдаютъ, скорѣе, преувеличеннымъ страхомъ и стараются отвратить торжествующее наступленіе соціализма при помощи дѣтски-наивнаго законодательства и провокаціонныхъ выходокъ. Страхъ плохой совѣтчикъ...

Временами, повидимому, наступаетъ затишье въ соціальной борьбѣ. На другой день послѣ уличнаго

побоища найдется мало охотниковъ подставлять свои головы подъ пули.

Правда, если за слово, даже за жестъ, угрожаютъ тюремнымъ заключеніемъ, то лицъ, имѣющихъ мужество подвергать себя опасности, приходится искать и днемъ съ фонаремъ...

Не часто можно встрѣтить людей, обладающихъ такимъ безстрашіемъ, чтобы быть готовыми сыграть роль жертвы въ дѣлѣ, торжества котораго можно ожидать лишь въ далекомъ будущемъ.

Не всѣ люди способны на такой героизмъ самопожертвованія, какъ русскіе борцы за освобожденіе, которые умѣютъ издавать манифесты даже въ станѣ враговъ, наклеивая ихъ на стѣну между двухъ часовыхъ.

Нужно самому быть очень преданнымъ дѣлу, чтобы порицать тѣхъ, кто не находитъ въ себѣ мужества открыто заявить себя соціалистомъ, если изъ-за этого признанія возникаетъ опасность потерять работу или же если это угрожаетъ жизни близкихъ лицъ. Но если не всѣ угнетенные обладаютъ героическимъ темпераментомъ, то они не менѣе другихъ чувствуютъ свои страданія, и значительное число ихъ умѣетъ серьезно взвѣсить свои интересы. Во многихъ городахъ, гдѣ еще не существуетъ соціалистическихъ организацій, большинство рабочихъ уже и въ настоящее время являются болѣе или менѣе сознательными соціалистами. Съ горячимъ, почти инстинктивнымъ, сочувствіемъ встрѣчаютъ они товарища, говорящаго имъ про такое общественное устройство, гдѣ продукты работы принадлежатъ самимъ рабочимъ.

Этотъ инстинктъ заключаетъ въ себѣ зародышъ будущаго развитія, со дня на день онъ становится все опредѣленнѣе и превращается въ твердое и ясное самосознаніе. Что вчера представлялось рабочему только въ туманѣ, то сегодня онъ сознаетъ совершенно ясно, и каждый наступающій день все болѣе просвѣтляетъ его сознаніе.

Развѣ крестьяне, не имѣющіе возможности добыть изъ своего скуднаго земельнаго надѣла хотя бы столько, чтобы хватило на мало-мальски сносное существованіе, развѣ еще болѣе многочисленный классъ безземель-

ныхъ, не имѣющихъ, какъ говорится, ни кола, ни двора,—развѣ они не начинаютъ сознавать, что земля должна принадлежать тѣмъ, кто ее обрабатываетъ? Они всегда чувствовали это инстинктивно, но теперь это уже проникло въ ихъ сознаніе, и они готовятся встать на защиту своихъ интересовъ, столь ясно формулируемыхъ на ихъ простомъ, мужицкомъ языкѣ. Таково положеніе вещей; какой же изъ него выходъ? На первый взглядъ, казалась бы совершенно естественной возможность достигнуть соглашенія безъ борьбы. На груди матери-земли хватитъ мѣста на всѣхъ; она достаточно богата, чтобы дать намъ всѣмъ возможность вести безбѣдную жизнь. Плодовъ ея достаточно, чтобы прокормить всѣхъ. Она производитъ столько хлопка, что можно наготовить платья на всѣхъ. Она содержитъ достаточно камня и глины, чтобы хватило жилищъ для людей. Никто не можетъ остаться безъ мѣста на жизненномъ пиру. Это простой экономическій фактъ.

„А намъ-то какое дѣло до всего этого?“,—скажутъ многіе. Богатые будутъ и впредь, какъ и раньше, расточать свои богатства, насколько имъ заблагоразсудится; спекулянты-коммерсанты и маклера различнаго рода станутъ въ свою очередь урывать при этомъ свою часть; арміи будутъ и впредь уничтожать значительную часть земныхъ благъ, а масса народа должна будетъ довольствоваться остатками... „Бѣдные были всегда“,—говорятъ люди довольные и сытые; этой безсмысленной фразой они пытаются укрыться отъ всякихъ сомнѣній.

Но мы стремимся пересоздать общество по лучшему образцу. Арміи должны исчезнуть! Такъ какъ всѣ люди имѣютъ потребность въ жилищѣ, одеждѣ, пищѣ и теплѣ,—то всѣ и должны имѣть то, что имъ нужно. Вотъ этого и добиваются соціалисты и анархисты!

Итакъ, мы видимъ, что человѣчество раздѣлено на два враждебно другъ къ другу настроенныхъ класса общества. Въ одномъ мы видимъ всѣхъ тѣхъ, кто желаетъ навсегда удержать народныя массы въ нищенскомъ состояніи и экономическомъ порабощеніи; въ другомъ объединяются всѣ, кто борется за благо и счастье трудящихся. Боевыя силы въ этихъ обоихъ

лагеряхъ оказываются, на первый взглядъ, распредѣленными весьма неравномѣрно.

Защитники существующаго общественнаго порядка обладаютъ огромными имуществами, многотысячными доходами, въ ихъ распоряженіи вся сила государствъ—съ ихъ арміями чиновниковъ, солдатъ, полицейскихъ и судей—и цѣлый арсеналъ законовъ и оружія.

Что же могутъ противопоставить этому организованному насилію соціалисты, борцы за новый общественный строй? На первый взглядъ можетъ показаться, что они вовсе безоружны. Но это только такъ кажется; на самомъ дѣлѣ, за ними стоитъ непреодолимая сила, ибо они являются представителями эволюціи идей и нравственныхъ воззрѣній. На ихъ сторонѣ прогрессъ человѣческой мысли.

Если внутри общества существуютъ сильные и дѣятельные импульсы, то рано или поздно и внѣшнія общественныя формы должны соотвѣтственно измѣниться. Сокъ поддерживаетъ жизнь дерева, даетъ ему листья и цвѣты, кровь поддерживаетъ жизнь человѣка, а идеи—жизнь общества.

Однако, врядъ ли существуетъ хотя бы одинъ консерваторъ, который не соболѣзновалъ бы тому, что идеи, нравственность и всѣ остальныя высшія функціи человѣческой жизни „добраго стараго времени“ значительно измѣнились. Какъ будто измѣненіе формы общественнаго строя не является необходимымъ послѣдствіемъ внутренней духовной работы человѣка!

Всякій можетъ убѣдиться въ этомъ, вспомнивъ, каковы были общественное мнѣніе и правила морали 50 лѣтъ тому назадъ, и какъ они съ тѣхъ поръ измѣнились. Напримѣръ, взять хотя бы немаловажный фактъ уменьшенія чувства низкопоклонства и преклоненія предъ знатью. Сходите въ общество высшей аристократіи; на что эти люди жалуются? На то, что съ ними обращаются какъ съ обыкновенными людьми. Они болѣе не занимаютъ привилегированнаго положенія; люди часто забываютъ поклониться имъ; менѣе знатныя лица позволяютъ себѣ имѣть болѣе изящную мебель или лучшихъ лошадей; жены менѣе знатныхъ, но болѣе богатыхъ людей, начинаютъ одѣваться съ большей роскошью, чѣмъ жены истинныхъ аристократовъ. Какая

жалоба постоянно звучитъ на устахъ супружеской четы во всякомъ буржуазномъ домѣ?—Что въ настоящее время буквально немыслимо имѣть порядочной служанки: духъ послушанія и повиновенія исчезъ. Теперь прислуга позволяетъ себѣ считать, что умѣетъ лучше готовить, чѣмъ сама госпожа; прислуга не долго остается на одномъ и томъ же мѣстѣ и требуетъ разсчета изъ-за малѣйшей непріятности, или изъ-за увеличенія жалованья на двѣ марки.

Это правда, чувство преклоненія исчезаетъ; не то чувство, которое заставляетъ насъ уважать честнаго человѣка, вѣрнаго своему долгу, но то презрѣнное и постыдное чувство, которое привлекаетъ толпу къ мѣсту, гдѣ проѣзжаетъ король, и вызываетъ восхищеніе лакеями и лошадьми высокопоставленнаго лица. И не только исчезаетъ это чувство рабскаго преклоненія, но и тѣ, кто имѣлъ наибольшія притязанія на почитаніе со стороны остальныхъ, первыми теряютъ свое сверхчеловѣческое обаяніе. Азіатскіе владыки древнихъ временъ владѣли искусствомъ вызывать преклоненіе и благоговѣніе къ себѣ. Блескъ ихъ дворцовъ былъ замѣтенъ издали; на всѣхъ углахъ и во всѣхъ концахъ были воздвигнуты ихъ статуи; ихъ эдикты читались во всеуслышаніе, но сами они были скрыты отъ взоровъ смертныхъ. Самые приближенные царедворцы могли говорить съ ними, лишь стоя на колѣняхъ; отъ времени до времени этихъ властителей показывали народу—мелькомъ, какъ блестящую молнію: быстро взвивался занавѣсъ, который тутъ же внезапно и падалъ. Въ тѣ дни чувство поклоненія было развито настолько сильно, что нерѣдко порождало тупую собачью преданность. Нѣмой посланецъ приносилъ осужденному шелковый шнурокъ и этого было достаточно... Не только слова, но и пояснительные жесты, были совершенно излишни.

Все это уже безвозвратно прошло. Правда, королевская власть еще существуетъ, но всеобщее поклоненіе, составлявшее цѣнность ея, исчезло безвозвратно.

Подъемъ средняго уровня образованія сыгралъ, безъ сомнѣнія, видную роль въ этомъ направленіи. Правда, если бы обученіе производилось исключительно въ школахъ, то правительства могли бы еще

лѣлѣять надежду держать человѣческій духъ въ цѣпяхъ. Но главныя познанія пріобрѣтаются въ настоящее время внѣ школы. Знаніе воспринимается на улицѣ, въ мастерской, въ театрѣ, въ вагонѣ желѣзной дороги, на пароходѣ, при осмотрѣ новыхъ мѣстностей, посѣщеніемъ различныхъ странъ и т. д. Въ наши дни всякому почти приходится путешествовать; одинъ это дѣлаетъ ради удовольствія, другой—по необходимости.

Въ выдающихся произведеніяхъ человѣческаго труда великая школа внѣшняго міра проходитъ одинаково передъ глазами богатыхъ и бѣдныхъ, какъ тѣхъ, кто произвелъ эти чудеса, такъ и тѣхъ, кто пользуется ими. Нищій босякъ видитъ также желѣзныя дороги, телеграфъ, гидравлическій насосъ, машины для буренія почвы, самовоспламеняющіяся спички, въ такой же степени, какъ и его угнетатель-капиталистъ, и всѣ эти вещи оказываютъ одинаковое вліяніе на обоихъ. Привилегія пользованія нѣкоторыми изъ этихъ пріобрѣтеній науки—исчезла. Развѣ инженеръ, мчась на локомотивѣ и увеличивая или ослабляя по своему желанію его ходъ, чувствуетъ себя подчиненнымъ королю, сидящему сзади него въ раззолоченомъ купе и дрожащему отъ сознанія, что его жизнь зависитъ отъ давленія пара, того или иного нажима рычага, или отъ динамитной бомбы? Изученіе природы, непрерывное соприкосновеніе съ произведеніями людскихъ рукъ и кипучая, полная рабочей дѣятельности жизнь являются лучшей школой, гдѣ получается истинное образованіе современнаго общества. Школы въ болѣе узкомъ значеніи слова не имѣютъ такого значенія, хотя и въ нихъ замѣтна эволюція въ сторону всеобщаго равенства. Было время, и это еще не такъ давно, когда все обученіе въ школахъ состояло исключительно въ затверживаніи голыхъ формулъ, мистическихъ фразъ и заучиваніи наизусть священнаго писанія. Посѣтите мусульманскую школу, пріютившуюся возлѣ мечети; тамъ вы увидите дѣтей, цѣлыми часами занятыхъ чтеніемъ по складамъ или заучиваньемъ наизустъ стиховъ изъ корана. Пойдите въ школы христіанскихъ поповъ, протестантскихъ или католическихъ,—и вы услышите пѣніе безсмысленныхъ гимновъ или дурацкую декламацію—по-латыни или на непонятномъ нѣмецкомъ языкѣ. Но

даже и въ этихъ школахъ толчокъ снизу заставилъ измѣнить систему преподаванія такимъ образомъ, что это притупляющее сознаніе и давящее на мозгъ пустозвонство начинаетъ чередоваться съ новыми методами ученія; вмѣсто того, чтобы изучать однѣ формулы, учителя объясняютъ въ настоящее время и явленія, устанавливаютъ между ними связь, выясняютъ дѣйствіе законовъ природы. Къ чему бы ни клонилась тенденціозная учительская отсебятина, все же пройденное ученикомъ, остается у него въ памяти во всей своей первоначальной чистотѣ. Что же въ концѣ концовъ получитъ перевѣсъ? Наука ли, учащая, что дважды два—четыре и что изъ ничего ничего и не можетъ быть создано, или старинное ученіе, по которому все создалось изъ ничего и три лица равняются одному?

Правда, элементарная школа еще не даетъ всего того, что нужно. Недостаточно нахвататься верховъ науки; нужно быть во всѣхъ отношеніяхъ способнымъ примѣнять полученныя познанія къ дѣлу. Поэтому то соціалистическая эволюція и выставила однимъ изъ своихъ лозунговъ необходимость школы, какъ учрежденія обязательнаго и доступнаго для каждаго. Послѣ полученія „общаго образованія“ въ начальной школѣ, каждый гражданинъ долженъ имѣть возможность наилучшимъ образомъ развить свои интеллектуальныя способности на добровольно-избранномъ имъ поприщѣ. Но и въ наши дни рабочему нечего отчаиваться. Всякое крупное пріобрѣтеніе науки въ концѣ концовъ становится общимъ достояніемъ всѣхъ.

Для борьбы съ ложью и невѣжествомъ ученые по призванію должны проводить долгіе годы надъ опытами и наблюденіями. Но когда имъ удастся, наконецъ, открыть истину, то послѣдняя нерѣдко, помимо самихъ ученыхъ, часто благодаря презрѣнному революціонеру, вдругъ, во всемъ своемъ блескѣ, становится достояніемъ всѣхъ.

Прежде ученые полагали, что небо представляетъ изъ себя куполъ круглой формы, родъ металлической крыши или—еще лучше—цѣлый рядъ куполовъ, три, семь, девять, даже тринадцать, каждый съ серіей своихъ звѣздъ, своими собственными законами жизни, своимъ особымъ установленнымъ порядкомъ, своими ангелами

и архангелами. Но съ тѣхъ поръ, какъ эти, одно на другое нагроможденныя, небеса были уничтожены наукой, уже нѣтъ ни одного ребенка, который бы не зналъ, что земля окружена безграничнымъ и безконечнымъ пространствомъ. Эта истина стала частицей общей всемірной сокровищницы.

Также обстоитъ дѣло и съ другими духовными пріобрѣтеніями въ области нравственныхъ ученій и политической экономіи. Было время, когда большинство людей рождалось и жило въ рабствѣ и не знало другого идеала, какъ перемѣну мѣста службы. Имъ никогда не приходило на умъ, что „всѣ люди между собою равны“. Но теперь уже люди знаютъ это и стремятся къ тому, чтобы равенство всѣхъ людей, безъ всякаго различія, было главнымъ основаніемъ соціальнаго строя общества.

Слѣдовательно, каковъ бы ни былъ источникъ пріобрѣтаемыхъ свѣдѣній, все-таки имъ пользуются всѣ и рабочій для своихъ цѣлей не менѣе другихъ. Конечно, правящіе классы весьма охотно присвоили бы исключительно себѣ всю пользу отъ науки, а народъ оставили бы коснѣть въ невѣжествѣ, но ихъ эгоистичныя желанія больше уже не могутъ осуществиться. Съ ними случилось то же самое, что и съ чародѣемъ въ „Тысячѣ и одной ночи“, который распечаталъ вазу, гдѣ былъ заключенъ въ теченіе десяти тысячъ лѣтъ Духъ. Власть имущіе классы охотно бы загнали этого Духа снова въ его заключеніе и заперли за тремя печатями, но они забыли заклинательную формулу, и Духъ—освобожденъ навсегда.

Эта свобода человѣческой воли проявляется въ каждомъ жизненномъ процессѣ. Какъ въ обществѣ, какъ въ цѣломъ, такъ и въ каждой обособленной сферѣ его бытія происходятъ существенныя измѣненія. Консерваторы нисколько не заблуждаются, считая революціонеровъ въ общемъ врагами религіи, семьи и собственности. Да, соціалисты, дѣйствительно, отрицаютъ авторитетъ ученія о вѣрѣ и вмѣшательствѣ сверхъестественныхъ силъ въ дѣла природы и въ этомъ смыслѣ, какъ ни серьезны ихъ стремленія къ осуществленію своего идеала, они—враги религіи. Да, они, въ самомъ дѣлѣ, желаютъ уничтоженія купли и про-

дажи въ бракѣ; они стремятся установить свободные союзы, обусловленные исключительно взаимной любовью, уваженіемъ къ себѣ и достоинству другихъ и въ этомъ смыслѣ они, несмотря на взаимную любовь и преданность по отношенію къ тѣмъ, съ кѣмъ соединяютъ свою жизнь, — являются безусловно врагами мѣщанской семьи. Да, они, дѣйствительно, стремятся положить конецъ монополіи на землю и капиталъ; они хотятъ какъ землю, такъ и капиталъ сдѣлать общею собственностью—и въ этомъ смыслѣ, несмотря на то, что они съ радостью готовы обезпечить каждому отдѣльному лицу наслажденіе плодами земли, они все-таки враги собственности.

Такимъ образомъ, ходъ соціальнаго развитія, подобно набѣгающему приливу, неудержимо влечетъ насъ къ будущему строю общества, въ корнѣ отличающемуся отъ существующаго,—и напрасны будутъ всѣ усилія установить преграды грядущему перевороту. Плотина государственной религіи, далеко превосходящая по устойчивости и непроницаемости всѣ остальныя плотины и препоны, какія только могутъ быть воздвигнуты, уже пошатнулась въ своей непоколебимости; то и дѣло получая трещины по всѣмъ направленіямъ, она рано или поздно будетъ снесена кипучими волнами.

Правда, съ достовѣрностью можно сказать, что эволюція нашего времени протекаетъ совершенно внѣ христіанства. Было время, когда понятіе „христіанинъ“ точно также, какъ и понятіе католикъ, имѣло всемірное значеніе и примѣнялось къ извѣстному кругу лицъ, соединенныхъ братскими узами, одинаковыми въ извѣстной степени привычками, руководимыхъ одними и тѣми же идеями и объединенныхъ однородной культурой. Но не являются ли въ настоящее время абсолютно-несправедливыми притязанія христіанства быть отождествленнымъ съ цивилизаціей? Если говорятъ, что Россія или Англія посылаютъ войска для распространенія въ далекихъ странахъ христіанства и цивилизаціи, то каждый чувствуетъ ту иронію, которая лежитъ въ этихъ словахъ. Христіанство уже не обнимаетъ болѣе всѣхъ народовъ, которыхъ можно считать цивилизованными. Парсы въ Бомбеѣ, какъ и брамины въ Бенаресѣ, съ жадностью изучаютъ наши науки, но

христіанскому миссіонеру они оказываютъ только холодную вѣжливость. Японцы, которые вообще склонны подражать намъ во всемъ, прилагаютъ въ свою очередь всѣ усилія, чтобы не дать у себя распространиться христіанству. Что касается китайцевъ, то они слишкомъ хитры и дальновидны, чтобы принять нашу религію. „Мы не нуждаемся въ вашихъ попахъ“, говоритъ одно китайское стихотвореніе, „у насъ у самихъ достаточно этихъ длинноволосыхъ, или обритыхъ наголо людей. Намъ нужно лишь ваше оружіе и ваши науки, чтобы имѣть возможность побить васъ и выгнать изъ нашей страны, какъ вѣтеръ гонитъ тучи опавшихъ листьевъ“.

Но чѣмъ же въ такомъ случаѣ замѣнить умирающую религію? Этотъ вопросъ, навѣрное, очень часто ставили себѣ правители.

Не удастся ли заставить пролетаріатъ, уже отказывающійся вѣрить въ чудеса, увѣровать вмѣсто этого въ лживыя измышленія? Какъ извѣстно, подобная попытка уже имѣла мѣсто. Нѣсколько политико-экономовъ, академиковъ, купцовъ и рантье выставили положеніе, что собственность и благоденствіе являются плодами усерднаго прилежанія и старались даже провести это измышленіе подъ флагомъ научнаго изслѣдованія. Оспаривать это положеніе едва ли стоитъ труда.

Когда буржуазные политико-экономы утверждаютъ, что воздержаніе и прилежаніе являются источникомъ всякой культуры, то они сами отлично знаютъ, что говорятъ неправду. Они, также какъ и соціалисты, не могутъ не знать, что богатство пріобрѣтается не личнымъ трудомъ, а эксплоатированіемъ труда другихъ; извѣстно имъ также и то, что счастливая игра на биржѣ и отчаянныя, безсовѣстныя спекуляціи, создающія крупныя состоянія, имѣютъ столь же много общаго съ личнымъ продуктивнымъ трудомъ, какъ разбойникъ въ отношеніи награбленной имъ добычи. Даже обладая величайшей беззастѣнчивостью, они не осмѣлятся утверждать, что лицо, расходующее ежедневно 100.000 марокъ, обладаетъ такимъ умомъ, который въ 50.000 или въ 100.000 разъ превосходитъ умъ другихъ людей. Если бы въ наши дни приходилось еще серьезно оспаривать утвержденіе, что разница въ умственномъ раз-

витіи является основной причиной соціальнаго неравенства, то это было бы постыдно для человѣчества.

Но буржуазія защищается другими аргументами, имѣющими, по крайней мѣрѣ, то преимущество, что они не основаны на лжи. Противъ требованій соціализма въ настоящее время часто выдвигаютъ право сильнаго. Утверждаютъ, что теорія Дарвина несогласуема съ соціалистическими вожделѣніями. При монополіи богатствъ право сильнаго торжествуетъ фактически. Владѣющій матеріальными богатствами, если онъ обладаетъ практическимъ умомъ и имѣетъ къ тому же преимущества аристократическаго происхожденія, образованія и протекціи,—всегда является лучше вооруженнымъ въ борьбѣ за существованіе. Суровая борьба находящихся въ постоянной между собою коллизіи эгоистическихъ интересовъ опредѣляется существующимъ соотношеніемъ силъ. Въ прежнее время эта теорія крови и желѣза не выражалась такъ откровенно—беззастѣнчиво. Но научныя изслѣдованія въ области борьбы за существованіе и теорія выживанія сильнѣйшаго дали возможность сторонникамъ теоріи насилія изъ господствующихъ классовъ выставить предъ толпою все дѣло въ такомъ видѣ, что ихъ грубость и безстыдство маскируются до нѣкоторой степени. „Видите ли, говорятъ они, это неизбѣжный законъ, и этотъ законъ управляетъ судьбою человѣчества".

Мы, революціонеры, можемъ лишь радоваться, что вопросъ, такимъ образомъ, упрощается до послѣдней степени, ибо, благодаря этому, мы значительно приближаемся и къ его разрѣшенію. Сила управляетъ міромъ, говорятъ защитники соціальнаго неравенства. Да! сила царитъ надъ міромъ, заявляетъ все громче въ своемъ мѣщанскомъ торжествѣ современная промышленность. Сила управляетъ правомъ—вотъ принципъ, на которомъ основана вся политика господствующихъ классовъ въ отношеніи угнетаемыхъ ими пролетаріевъ *).

*) Интересно отмѣтить, что въ этомъ случаѣ защитники дарвинизма являются болѣе дарвинистами, чѣмъ самъ Дарвинъ. По этому поводу Кропоткинъ пишетъ: „Когда Дарвинъ издалъ двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ „Происхожденія видовъ"—свое „Происхожденіе человѣка", онъ уже совсѣмъ иначе понималъ

Но если вѣрно то, что идеи солидарности получаютъ все болѣе широкое распространеніе, если вѣрно, что завоеванія науки проникаютъ въ самые широкіе круги населенія и ея выводы дѣлаются всеобщимъ достояніемъ,—если, дѣйствительно, въ области морали и справедливости происходитъ эволюція, то несомнѣнно, наступитъ тотъ день, когда право и сила окажутся въ рукахъ пролетаріата и онъ употребитъ тогда эту силу для измѣненія соціальныхъ условій на благо всѣхъ. Что могутъ сдѣлать отдѣльныя лица, какъ бы богаты, образованы и хитроумны они ни были, противъ объединенныхъ массъ?

Когда всѣ бѣдные и обездоленные на землѣ въ своихъ собственныхъ интересахъ объединятся по занятіямъ, по націямъ и по расамъ, когда они совершенно ясно сознаютъ свои страданія и цѣль, къ которой стремятся, тогда, внѣ всякаго сомнѣнія, имъ представится не одинъ случай примѣнить свою силу на службѣ праву, и какъ бы могучи ни были господствующіе

борьбу за жизнь.—„Тѣ животные виды, писалъ онъ въ этомъ сочиненіи, среди которыхъ наиболѣе развиты чувства взаимной симпатіи и общественности, имѣютъ наибольшіе шансы сохранить свое существованіе и оставить по себѣ многочисленное потомство“. Глава, посвященная Дарвиномъ этому предмету, могла бы стать основаніемъ совершенно иного и чрезвычайно плодотворнаго взгляда на природу и на развитіе человѣческихъ обществъ (значеніе котораго провидѣлъ уже Гёте). Но она прошла незамѣченною. Только въ 1879 году находимъ мы въ одной рѣчи русскаго зоолога Кесслера ясное пониманіе взаимной помощи и борьбы за жизнь.—„Для прогрессивнаго развитія вида,—указалъ онъ, ссылаясь на нѣсколько примѣровъ,—законъ взаимной помощи имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ законъ взаимной борьбы“. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ Бюхнеръ выступилъ со своею книгою „Любовь“, въ которой показалъ значеніе симпатіи среди животныхъ для развитія нравственныхъ понятій, но при этомъ, вводя любовь, симпатію, онъ напрасно ограничилъ самъ свой кругъ изслѣдованія. Доказать и развить замѣчательное положеніе Кесслера, распространить его на человѣка, оказалось нетрудно, если обратиться къ точнымъ наблюденіямъ природы и къ нынѣ развивающейся исторіи учрежденій. „Взаимная помощь дѣйствительно является не только самымъ могучимъ орудіемъ въ борьбѣ за существованіе противъ враждебныхъ виду силъ природы и другихъ враговъ, но и орудіемъ прогрессивнаго развитія“. Кропоткинъ. „Современная наука и анархизмъ“. Лондонъ, 1901 г., стр. 31—32.

Прим. переводчика.

классы того времени, они все же окажутся очень слабыми, ставъ лицомъ къ лицу съ голодными массами, объединившимися противъ нихъ. Они не будутъ имѣть возможности оказать великой грядущей революціи дѣятельнаго сопротивленія!

Это будетъ единственнымъ спасеніемъ,—другого исхода нѣтъ. Ибо, если капиталъ удержитъ въ своихъ рукахъ власть, то мы всѣ будемъ рабами его машинъ, простыми колесиками, соединяющими его механизмъ.

Когда грабежъ, неизмѣнно примѣняемый по отношенію къ намъ лицами, считающими себя отвѣтственными только передъ своими кассовыми отчетами, несетъ безостановочно къ грудамъ богатствъ, уже и въ настоящее время заполняющихъ сундуки банкировъ, новыя сокровища,—то тутъ не мѣсто мольбамъ о жалости. Никто не станетъ выслушивать наши жалобы. Тигра еще, пожалуй, можно заставить выпустить изъ когтей жертву, но книги банкировъ выносятъ безапелляціонный приговоръ. Ужасный механизмъ, безжалостная работа котораго зарегистрована столбцами цифръ на листахъ банкирскихъ книгъ, перемалываетъ въ порошокъ какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлые народы. Если капиталъ останется побѣдителемъ, то намъ придется навсегда проститься съ мечтами о золотомъ вѣкѣ. Если въ минуту нашего пораженія мы оглянемся назадъ, мы увидимъ, какъ любовь, радости и надежды—словомъ все, что краситъ жизнь и даетъ ей цѣнность,—исчезаетъ, подобно потухающему огню.

Человѣчество перестанетъ существовать.

Что касается насъ, анархистовъ, которыхъ зовутъ „современными варварами“, то наше требованіе гласитъ: „справедливость для всѣхъ!“ Мы,—злодѣи,—какими насъ считаютъ,—требуемъ для всѣхъ появившихся на свѣтъ хлѣба, свободы и участія въ прогрессѣ!

Пер. С. Ціонъ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦІАЛИЗМЪ И АНАРХИЗМЪ.

Идеи соціализма, охватившія въ настоящее время, широкія массы трудящихся классовъ современнаго общества, по силѣ своего распространенія не могутъ сравниться ни съ какимъ другимъ ученіемъ, до него существовавшимъ. Въ то же время, ни одна изъ теорій въ своемъ практическомъ осуществленіи не толковалась столь разнообразно, какъ современный соціализмъ. Въ данномъ случаѣ, я говорю не только о противникахъ соціализма, но даже и о сторонникахъ названнаго ученія.

Такое положеніе дѣла объясняется съ одной стороны тѣмъ, что соціалистическое движеніе стремится урегулировать не взаимоотношенія одного какого-либо класса или группы классовъ,—но теченіе жизни всего человѣчества; съ другой стороны, по своей природѣ это движеніе несравненно сложнѣе и многообразнѣе всѣхъ тѣхъ, при посредствѣ которыхъ предполагается осуществить необходимыя реформы; самымъ же разнообразнымъ препятствіемъ является то обстоятельство, что общественныя, прогрессивныя и активныя силы, находятся по своему соціальному положенію подъ непосредственнымъ контролемъ лицъ, враждебно настроенныхъ по отношенію къ соціалистамъ, противъ того основного положенія, которое стоитъ на знамени соціализма: „трудъ долженъ быть свободнымъ“...

Отдѣльныя лица, проникнувшіеся до нѣкоторой степени значеніемъ, принципами и цѣлями истиннаго

соціализма, примкнули къ ученію крайнихъ соціалистическихъ группъ, оказавъ тѣмъ самымъ даже нѣкоторое вліяніе и на капиталистическіе элементы общества. Соціализмъ сдѣлался въ послѣднее время предметомъ общаго интереса; его задачи и цѣли обсуждаются вкривь и вкось священниками, профессорами, литераторами...

Но ихъ же собственное отношеніе къ дѣлу, доказываетъ, насколько чужды ихъ пониманію основныя начала соціализма, ибо, оставаясь хотя бы до нѣкоторой степени логически послѣдовательными, они сами давно бы примкнули къ той или иной соціалистической группѣ.

Говоря въ настоящей статьѣ о двухъ путяхъ обновленія общественной жизни, нужно указать, что, хотя они оба сходятся въ своемъ общемъ требованіи свободнаго труда,—въ то же время они рѣзко расходятся въ основныхъ принципахъ будущей соціальной жизни и въ способахъ достиженія намѣченныхъ цѣлей; они расходятся другъ съ другомъ точно также, какъ и со своимъ общимъ врагомъ,—нынѣ существующимъ обществомъ. Ихъ исходныя точки зрѣнія совершенно различны. Исторія этого противорѣчія подобна исторіи міра съ момента появленія на землѣ человѣка, и вытекаетъ изъ взаимныхъ компромисовъ, на которыхъ построены отношенія современныхъ господствующихъ классовъ общества.

Всякая же прогрессивная, серьезно обоснованная оппозиція противъ существующаго порядка вещей можетъ исходить лишь отъ одного изъ указанныхъ выше двухъ теченій общественной жизни; вытекая изъ другого какого-либо источника, она теряетъ свой революціонный характеръ, путается въ чисто внѣшнихъ модификаціахъ, да и не въ силахъ удѣлить столько вниманія и интереса современному соціализму, сколько его вообще необходимо.

Авторитетъ и свобода—это два принципа, противоположные по существу; имена же, соотвѣтствующихъ имъ соціальныхъ теченій: государственный соціализмъ и анархизмъ. Тотъ, кто близко не знакомъ съ цѣлями и задачами обоихъ

направленій, не сможетъ и понять основные идеалы современнаго соціализма.

Какъ между чувствомъ и разумомъ нѣтъ промежуточныхъ инстанцій, точно также ихъ нѣтъ и между государственнымъ соціализмомъ и анархизмомъ. Это два непрерывные потока изъ одного соціалистическаго центра, собирающіе въ себѣ и правыхъ, и лѣвыхъ. Можно заранѣе сказать, что въ случаѣ побѣды соціализма, оба его отдѣльныя теченія, раздѣливши человѣчество на два лагеря, вызовутъ кровопролитную и ужасную борьбу. Несомнѣнно, что всѣ сторонники восьмичасоваго рабочаго дня, всѣ ремесленники, всѣ рабочіе, всѣ землепашцы, всѣ интеллигенты,—словомъ, всѣ ратники тысячи и одного легіона современной безчисленной рабочей арміи, отрекшись отъ старыхъ боговъ, станутъ въ ряды своей партіи,—и начнется чудовищный бой.

Цѣль настоящаго очерка вкратцѣ охарактеризовать окончательные результаты побѣды государственнаго соціализма и тѣ формы, въ которыя могла бы вылиться побѣда анархизма.

Но, прежде чѣмъ коснуться этого вопроса, я долженъ намѣтить существеннѣйшія черты того и другого теченія.

Экономическіе принципы современнаго соціализма являются логическимъ выводомъ изъ основного положенія Адама Смита, получившаго должное развитіе въ его „Богатствѣ Народовъ“, положенія, что только трудъ является мѣриломъ заработной платы. Но, придя къ этому правильному и ясному заключенію, А. Смитъ не далъ ему дальнѣйшей разработки; онъ не опредѣлилъ того, что же въ дѣйствительности представляетъ собою заработная плата, и какимъ образомъ должна быть распредѣлена существующая собственность. Его примѣру послѣдовали и другіе экономисты всѣхъ странъ; они не пошли дальше описанія общества и изображенія его такимъ, какимъ оно является въ своихъ промышленныхъ и коммерческихъ фазахъ... Соціализмъ же расширилъ свои задачи, занявшись разсмотрѣніемъ способовъ и путей, которые привели бы общество къ

такому состоянію, въ какомъ оно должно быть въ дѣйствительности.

Полъ вѣка спустя послѣ обнародованія А. Смитомъ вышеприведеннаго принципа, соціализмъ положилъ его въ основу своего ученія и на его почвѣ построилъ новую политическую философію.

Эта работа, независимо другъ отъ друга, произведена была тремя лицами: Варреномъ въ Америкѣ, Прудономъ во Франціи и Карломъ Марксомъ въ Германіи. Несомнѣнно, Варренъ и Прудонъ пришли къ своимъ окончательнымъ выводамъ самостоятельно, но, относительно Маркса,—этотъ вопросъ остается открытымъ, такъ какъ возможно, что онъ заимствовалъ часть своихъ экономическихъ идей отъ Прудона. Какъ бы то ни было, эти идеи тѣмъ не менѣе были такъ своеобразно имъ разработаны, что онъ имѣетъ полное право на оригинальность творческой мысли. Тотъ фактъ, что работы этихъ трехъ ученыхъ совпадаютъ почти во времени, несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что идеи соціализма уже носились въ воздухѣ, и что уже назрѣло благопріятное время для развитія этого ученія.

Первымъ заговорилъ о соціализмѣ американецъ Варренъ, что особенно слѣдовало бы принять къ свѣдѣнію его соотечественникамъ, возстающимъ противъ соціализма, какъ философіи, привезенной къ нимъ изъ-за моря. Тотъ же Варренъ пострадалъ за свои идеи, какъ истинный революціонеръ, проливая кровь при Бункеръ-Гиллѣ...

На основаніи ученія А. Смита, который доказывалъ, что трудъ является истиннымъ мѣриломъ цѣнности, названные выше соціалисты пришли къ слѣдующимъ выводамъ: естественная заработная плата опредѣляется тѣмъ, насколько она производительна; эта плата является единственнымъ справедливымъ источникомъ дохода (даръ, наслѣдство и т. п. въ счетъ не идутъ); всѣ, получающіе доходъ изъ другого источника, прямо или косвенно понижаютъ естественную заработную плату; процессъ этого пониженія выражается въ трехъ формахъ: процентѣ, рентѣ и прибыли. Капиталъ есть ничто иное, какъ накопленный человѣческій трудъ,—

который долженъ получать полное свое вознагражденіе въ силу того основного закона, что работа является единственнымъ базисомъ цѣнности. Владѣлецъ капитала не имѣетъ права противиться такому взаимообращенію, единственное основаніе, въ силу котораго банкиръ, владѣлецъ акцій, земледѣлецъ, фабрикантъ и купецъ могутъ урѣзывать доходъ отъ работы,—покоится на освященныхъ закономъ привиллегіяхъ, или монополіи, и единственнымъ путемъ повышенія доходности труда и обезпеченія естественной платы является ниспроверженіе этой монополіи.

Я не хочу сказать, что Варренъ, Прудонъ или Марксъ дословно такъ формулировали вышеприведенныя положенія. Я хочу лишь подчеркнуть то, что въ основныхъ своихъ выводахъ они всѣ сошлись на указанной точкѣ зрѣнія. Желая избѣгнуть обвиненій въ неправильномъ толкованіи ихъ изглядовъ и аргументовъ, считая нужнымъ заранѣе объяснить, что, позволивъ себѣ извѣстную свободу въ резюмированіи ихъ взглядовъ и заключеній, я лишь классифицировалъ, по своему усмотрѣнію, ихъ основные выводы, отнюдь не извращая ни единой подробности ихъ ученія. Въ одномъ, весьма существенномъ пунктѣ,—въ вопросѣ о необходимости уничтоженія существующихъ монополій, ихъ пути расходятся... Отсюда они идутъ или вправо, или влѣво, либо по пути авторитета, либо по пути свободы.

Марксъ взялъ одно направленіе, Варренъ и Прудонъ пошли по другому.

Такъ произошли государственный соціализмъ и анархизмъ.

Какъ доктрина, государственный соціализмъ требуетъ, чтобы человѣческая жизнь въ каждомъ отдѣльномъ своемъ моментѣ была подчинена государству независимо отъ индивидуальныхъ желаній. Марксъ, его основатель, пришелъ къ заключенію, что уничтоженіе классовой монополіи можетъ быть осуществлено лишь при посредствѣ централизаціи всѣхъ промышленныхъ и коммерческихъ интересовъ, и тщательнѣйшаго координированія дѣйствій всѣхъ производителей и потребителей въ одной чудовищной монопольной организаціи—

государствѣ. Въ такой организаціи правительство станетъ и банкиромъ, и фабрикантомъ, и фермеромъ, и транспортеромъ, не позволяя никому съ собою конкурировать. Земля, орудія и всѣ способы производства должны сосредоточиться въ рукахъ государства и составить коллективную собственность. Отдѣльная личность можетъ пользоваться только продуктами потребленія, но ни въ какомъ случаѣ не орудіями или средствами производства.

Человѣку принадлежитъ его пища и его платье, но ни въ какомъ случаѣ ни швейная машина, на которой онъ самъ шьетъ, ни лопата, вырывающая его картофель. Продуктъ и капиталъ—два предмета различные, такъ сказать по существу: первый принадлежитъ индивидууму, второй составляетъ собственность государства. Общество обязано бороться съ принадлежностью капитала отдѣльнымъ лицамъ всѣми средствами, имѣющимися въ его распоряженіи—отъ простого голосованія до революціи. Весь капиталъ долженъ принадлежать государству, которое и распредѣляетъ всѣ средства производства и потребленія, назначаетъ цѣну за всякую работу и сосредоточиваетъ все населеніе въ своихъ мастерскихъ, угодьяхъ, магазинахъ и т. д. Весь народъ долженъ составить собой единое бюрократическое учрежденіе, гдѣ каждая личность будетъ являться государственнымъ чиновникомъ.

Принципъ дѣйствительной стоимости предметовъ производства долженъ явиться уравнивающимъ элементомъ и уничтожающимъ въ то же время всякіе мотивы къ взаимной борьбѣ. Человѣкъ уже не сможетъ болѣе захватить въ свои руки капиталъ, отъ него уже не будетъ зависѣть дать работу кому-либо другому, но даже самому себѣ. Каждый сдѣлается наемникомъ государства, и государство будетъ единственнымъ работодателемъ. Кто не станетъ работать для государства, будетъ или голодать или, что вѣроятнѣе, будетъ отправленъ въ тюрьму. Свобода торговли прекратится совсѣмъ. Конкуренція уничтожится. Всякая промышленная или коммерческая дѣятельность будетъ составною частью одной всеобщей монополіи.

Спасительнымъ средствомъ противъ монополіи, явится та же монополія.

Въ такомъ видѣ была представлена Марксомъ хозяйственная программа государственнаго соціализма.

Съ момента ея возникновенія ея успѣхъ неизмѣнно возросталъ. Послѣдователи этого ученія, соединяясь въ такъ называемыя рабочія соціалистическія партіи, и, образуя большія или меньшія группы, стали организовываться во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ городахъ земного шара.

Послѣдствія такого подчиненія государственному авторитету ясны сами собой. Создается абсолютный контроль надъ всякимъ частнымъ дѣломъ каждой отдѣльной личности. Право такого контроля уже и теперь утверждено государственными соціалистами, хотя они и обѣщаютъ личности болѣе широкую свободу въ будущемъ. Но эта „свобода“ лишь на словахъ, ибо человѣкъ не сможетъ воспользоваться своими правами.

Права перестанутъ существовать, останутся только привиллегіи.

Такая свобода основывается лишь на „разрѣшеніи“ и можетъ быть отнята каждое мгновеніе.

Всѣ конституціонныя гарантіи, каковы бы онѣ ни были, нисколько не мѣняютъ дѣла. Въ конституціи страны, построенной на принципѣ государственнаго соціализма, существуетъ лишь одно положеніе: „право большинства есть нѣчто абсолютное“.

Увѣреніе государственныхъ соціалистовъ, что такое право не коснется частныхъ дѣлъ каждаго не подтверждается исторіей когда-либо существовавшихъ правительствъ. Власть всегда стремилась къ расширенію, къ неограниченному произволу; и тамъ, гдѣ во время не останавливали ея развитіе, гдѣ личность дѣятельно не отстаивала свои права,—тамъ душилось безпощадно все, что носило характеръ индивидуальнаго и правительство, или государство становилось — всѣмъ. Непрестанный контроль вѣдь исключаетъ всякую личную отвѣтственность. При системѣ государственнаго соціализма, налагающей на общество отвѣтственность не только за благосостояніе каждой отдѣльной личности,

но и за духовный уровень и ея здоровье,—такой контроль не можетъ не стать самодовлѣющимъ, такъ какъ общество, вынуждаемое велѣніями большинства къ абсолютному приспособленію къ даннымъ условіямъ личнаго благосостоянія,—теряетъ индивидуальную независимость и самое чувство индивидуальной отвѣтственности.

Для того, чтобы упрочить однажды принятую систему, государственные соціалисты намѣрены ввести одну обязательную для всѣхъ государственную религію; одну государственную медицинскую академію, помощью которой будутъ пользоваться всѣ больные; одну государственную систему гигіены, предписывающую пищу, платье и жизненный режимъ; одинъ государственный моральный кодексъ, карающій не только обычныя преступленія, но и все, что найдетъ недостойнымъ большинство; одну государственную систему преподаванія, запрещающую всѣ частныя учебныя заведенія; одинъ дѣтскій садъ для совмѣстнаго воспитанія маленькихъ дѣтей,—и, наконецъ, одну государственную семью, готовую слѣдить и за тѣмъ, чтобы никто не позволилъ себѣ имѣть дѣтей, когда государство этого не хочетъ, чтобы дѣти рождались, если государство этого требуетъ...

Такимъ образомъ, авторитетъ государства доходитъ до своей вершины и достигаетъ своего апогея. Таковъ идеалъ послѣдовательнаго государственнаго соціализма, начало которому положено Карломъ Марксомъ.

Постараемся теперь разсмотрѣть ученіе Варрена и Прудона, направившееся по другому пути, пути свободы.

Этотъ-то путь и привелъ ихъ къ анархизму.

Анархизмъ, какъ доктрина, гласитъ: весь укладъ человѣческой жизни долженъ быть приспособленъ къ законамъ развитія личности, организующейся въ свободныя ассоціаціи, государство же должно быть уничтожено.

Въ страстномъ исканіи справедливыхъ нормъ вознагражденія за трудъ и Варренъ, и Прудонъ, сталкиваясь съ недостатками классовой монополіи и убѣ-

дившись, что эта монополія основывается на принципѣ власти, пришли къ заключенію, что нужно не укрѣплять институтъ властвованія и вмѣстѣ съ нимъ все расширяющуюся монополію,—но совершенно уничтожить ее, непрерывно развивая принципъ свободы, какъ самой дѣйствительной конкуренціи возможной при монополіи. Въ этой конкуренціи видятъ они исходъ для примиренія между собою заработной платы и цѣнности продуктовъ.

Многіе экономисты согласились съ такимъ взглядомъ.

Такимъ образомъ, является вопросъ, почему заработная плата не соотвѣтствуетъ затраченной рабочей силѣ; почему прибыль, пріобрѣтенная работой одного, принадлежитъ другому; однимъ словомъ, почему существуетъ ростовщикъ, владѣлецъ процента, ренты, прибыли.

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ является одностороннее развитіе существующей въ настоящее время конкуренціи.

Находясь подъ покровительствомъ государственнаго законодательства, капиталъ достигъ такой неограниченной мощи, при которой заработная плата понизилась до послѣдней крайности. Создалась усиленная конкуренція между промышленными классами, страстная погоня за барышомъ, понижающая цѣну товара. Сконцентрированный въ рукахъ одного класса, капиталъ не въ силахъ уже вознаградить производительную работу, соотвѣтственно доброкачественности производимыхъ товаровъ. Процентъ, земельная рента и рента съ недвижимыхъ имуществъ, а также барышъ фабриканта на патентованныхъ товарахъ поднялись настолько высоко, насколько только могутъ еще ихъ выдерживать стѣсненныя потребности народа.

Руководствуясь этими положеніями, Варренъ и Прудонъ обвинили всѣхъ экономистовъ въ боязни ихъ же собственнаго ученія. Непослѣдовательно считаться съ свободной конкуренціей рабочихъ, конкуренціей, понижающей заработную плату, не обращая вниманія на конкуренцію капиталистовъ, понижающую ихъ прибыль. Принципъ „Laissez faire“ можно было бы съ успѣхомъ примѣнить къ работающимъ, но это явилось бы

невыгоднымъ для капитала. Какъ же примирить это противорѣчіе, какъ заставить капиталъ служить не торговлѣ—а труду, вотъ тотъ острый вопросъ, который требуетъ немедленнаго разрѣшенія.

Какъ мы видѣли, Марксъ рѣшаетъ его тѣмъ выводомъ, что капиталъ, какъ нѣчто совершенно отдѣльное отъ продукта, принадлежитъ обществу, долженъ служить интересамъ всего общества и, слѣдовательно, какъ частная собственность, долженъ быть уничтоженъ.

Прудонъ не признаетъ этого отдѣленія капитала отъ продукта. По его мнѣнію, капиталъ и продуктъ—это два тѣсно сплетенныя, измѣнчивыя состоянія или функціи богатства, и всякое богатство непрерывно превращается изъ капитала въ продуктъ и обратно. Если даже предположить, что когда-либо въ мірѣ останется одинъ только человѣкъ, и тогда его достояніе необходимо разсматривать, какъ капиталъ и продуктъ вмѣстѣ. Прибыль, полученная отъ работы А, будетъ продуктомъ А; проданный же Б,—онъ составитъ капиталъ Б. (предполагая Б. не производительнымъ объектомъ, но лишь человѣкомъ, расточающимъ богатство, внѣ его зависимости отъ хозяйственныхъ соображеній). Паровая—машина точно такой же продуктъ, какъ сюртукъ, а сюртукъ—точно такой же капиталъ, какъ и паровая машина; слѣдовательно, человѣкъ имѣетъ законное право собственности, какъ на то, такъ и на другое.

Соотвѣтственно этимъ соображеніямъ и Прудонъ и Варренъ стали рѣзкими противниками всякой централизаціи капитала въ рукахъ общества. Но, отрицая общественную централизацію капитала, они мечтаютъ о всеобщемъ равенствѣ въ экономическомъ отношеніи, объ уничтоженіи нынѣ существующаго и живущаго на общій счетъ капиталистическаго меньшинства. Этотъ идеалъ, по ихъ мнѣнію, долженъ осуществиться благодаря подчиненію капитала естественнымъ законамъ конкуренціи, что повело бы къ приближенію высоты заработной платы къ ея дѣйствительной цѣнности и уравновѣсило бы обмѣнъ и потребленіе...

Поднимая знамя свободной торговли, они тѣмъ самымъ осуществляютъ общеизвѣстный принципъ „laissez

faire". Со знаменемъ свободной торговли они объявляютъ войну монополіи, всеобъемлющей монополіи государственнаго соціализма и классовой монополіи современнаго общества.

Монополія классоваго характера проявляется въ слѣдующихъ четырехъ видахъ: денежная, земельная, тарифная и монополія патентовъ.

Разсмотримъ сначала денежную монополію во всѣхъ отрицательныхъ ея проявленіяхъ. Сущность ея заключается въ томъ, что правительство ограничиваетъ свободу торговли тѣми привилегіями, которыми пользуются лица, владѣющія тѣмъ или другимъ видомъ частной собственности. Лица, не имѣющія такой привилегіи на право торговли тѣмъ же товаромъ, уплачиваютъ десятипроцентный налогъ, или преслѣдуются закономъ, какъ преступники. Всѣмъ извѣстно, что лица, не имѣющія означенныхъ привилегій, подъ видомъ указанныхъ выше процентовъ, или ренты на недвижимую собственность, находятся подъ непосредственнымъ и постояннымъ контролемъ правительства; первыя—прямо, вторыя—косвенно.

Полная свобода торговли и уничтоженія денежной монополіи привели бы къ такимъ условіямъ, когда конкурренція могла бы хорошо развиваться, въ результатѣ чего значительно бы понизился процентъ на займахъ, не превышая трехъ четвертей одного процента. При такомъ положеніи дѣла тысячи гражданъ освободились бы отъ тяжести чрезвычайно высокихъ процентовъ и смогли бы для своихъ дѣловыхъ оборотовъ легко достать необходимый капиталъ. Собственники, не желающіе продавать свое имущество, заложили бы его банку подъ ссуду, на которую наростало бы менѣе одного процента дисконта. Лица, не имѣющія собственности, но обладающія достаточными знаніями, добросовѣстныя и работоспособныя,—за поручительствомъ знакомыхъ имъ кредитоспособныхъ людей, могли бы получать изъ банка ссуду на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ, можно достигнуть уничтоженія процентовъ. Выдаваемыя банкомъ ссуды уже не будутъ являться займами; это—сдѣлки, при которыхъ банкъ обмѣниваетъ свой капи-

талъ на капиталъ своихъ кліентовъ. Менѣе чѣмъ одинъ процентъ, взимаемый при такомъ обмѣнѣ, не будетъ чистой прибылью банка, но лишь вознагражденіемъ за произведенную работу. Разъ всякому обезпечится возможность безъ труда доставать необходимыя средства,—обмѣнъ и торгъ разовьются въ такомъ широкомъ объемѣ, что спросъ на трудъ превыситъ предложеніе, что сразу же измѣнитъ нынѣшнее положеніе рабочаго рынка. Такимъ образомъ, фактически осуществится справедливость словъ Рихарда Кобдена, что когда два работника ищутъ работодателя, цѣна падаетъ, когда же два работодателя ищутъ рабочаго,—цѣна поднимается. Работа сама опредѣлитъ свою плату, сама обезпечитъ себѣ свой естественный полный доходъ. Слѣдовательно, съ паденіемъ процента повысится заработная плата. Вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшится и чистый барышъ. Вмѣсто того, чтобы дѣлать заготовку товаровъ въ кредитъ по высокимъ цѣнамъ,—получая изъ банка почти безпроцентныя ссуды, торговые люди могутъ дѣлать свои покупки значительно дешевле,—и цѣна товаровъ упадетъ сама собою. Кромѣ того, исчезнетъ рента на недвижимую собственность. Вмѣсто того, чтобы платить домовладѣльцу ренту,—съ помощью взятаго въ банкѣ капитала возможно будетъ выстроить себѣ собственный домъ.

Таково въ наиболѣе общихъ чертахъ главнѣйшее изъ того, что, по мнѣнію Прудона и Варрена, послѣдуетъ за уничтоженіемъ денежной монополіи.

Второе зло существующаго общественнаго строя—земельная рента. Ея гибельное вліяніе легко наблюдать въ такихъ чисто-земледѣльческихъ странахъ, какъ, напримѣръ, Ирландія.

По этому вопросу Варренъ и Прудонъ высказываются въ томъ смыслѣ, что коль скоро человѣкъ сможетъ обрабатывать землю и пользоваться продуктами ея обработки лишь для личнаго потребленія,—земельная рента исчезнетъ и злоупотребленія на этой почвѣ прекратятся...

Третьимъ зломъ является тарифная монополія, вызывающая исключительно высокія цѣны. На основаніи установленныхъ законовъ государство облагаетъ штра-

фомъ каждаго, кто пустилъ на рынокъ продуктъ своего производства по болѣе дешевой цѣнѣ...

Этотъ видъ монополіи не только создаетъ огромныя, ничѣмъ неоправдываемыя прибыли, но и порождаетъ цѣлый рядъ злоупотребленій, являясь такимъ образомъ болѣе страшнымъ зломъ, чѣмъ обыкновенное ростовщичество... Уничтоженіе такой монополіи значительно понизило бы цѣну всѣхъ товаровъ, и рабочіе, затрачивающіе въ настоящее время всѣ свои деньги на закупку этихъ товаровъ, вмѣсто того могли бы дѣлать сбереженія. Такая перемѣна на рынкѣ, естественно, явилась бы слѣдующимъ шагомъ къ обезпеченію человѣку такой оплаты труда, которая соотвѣтствовала бы его дѣйствительной стоимости. Однако, Прудонъ утверждаетъ, что уничтоженіе одной лишь тарифной монополіи, при сохраненіи денежной, повело бы къ еще большему злу. Во-первыхъ потому, что тѣмъ самымъ еще болѣе усилились бы злоупотребленія этой послѣдней, такъ какъ ввозъ денегъ превысилъ бы ихъ вывозъ изъ страны,—и во-вторыхъ, та заработная плата, которая существуетъ при современномъ положеніи денежнаго рынка, при другихъ условіяхъ значительно должна была бы понизиться.

По мнѣнію Прудона, свобода торговли только въ томъ случаѣ можетъ обезпечить нормальную заработную плату и достаточный спросъ на рабочія руки, если принципъ „свободной торговли“ будетъ признанъ всѣми странами земного шара.

Четвертой монополіей является институтъ патентовъ, дающій возможность изобрѣтателямъ на извѣстный промежутокъ времени быть застрахованными отъ всякой посторонней конкуренціи. Патенты даютъ право взимать за изобрѣтенный предметъ плату, большею частью превышающую его дѣйствительную стоимость. Другими словами, нѣкоторымъ членамъ общества предоставляется захватывать на извѣстный періодъ времени исключительное право собственности на природныя богатства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на могущество,— что, конечно, заставляетъ всѣхъ другихъ за пользованіе этими натуральными богатствами (по справедливости принадлежащими всѣмъ) платить особую дань...

Уничтоженіе этой монополіи поставило бы въ необходимость подобныхъ бенефиціантовъ бояться конкурренціи и довольствоваться тѣмъ вознагражденіемъ за свои открытія, которое слѣдовало бы имъ по дѣйствительной стоимости издѣлія; равнымъ образомъ, также не создавалось бы на рынкѣ тѣхъ дутыхъ цѣнъ, которыя вызываются существованіемъ института патентовъ и привилегій.

Проведеніе въ жизнь экономической программы, уничтожающей всѣ монополіи и замѣняющей ихъ свободной конкурренціей, не могло бы не привести сторонниковъ и послѣдователей этой программы къ тѣмъ принципамъ, которые основаны главнымъ образомъ на идеѣ свободы индивидуума, на правѣ свободнаго самосовершенствованія своей личности, на правѣ каждаго протестовать противъ диктатуры всякаго посторонняго авторитета. Марксъ стоялъ за идею порабощенія личности и концентрацію капитала, за апоѳеозъ власти и соотвѣтствующее униженіе индивидуальности; Прудонъ и Варренъ поставили на первый планъ уничтоженіе всѣхъ поддерживаемыхъ правительствомъ монополій, царство индивидуальности и полное отрицаніе власти. Личность должна быть свободна, она должна находиться внѣ всякой правительственной тиранніи.

Отсюда вытекаетъ необходимость уничтоженія государства.

Это основное положеніе является краеугольнымъ камнемъ философіи анархизма. Самъ Прудонъ назвалъ истинный строй общества—анархіей,—что означаетъ неотсутствіе порядка, а именно безвластіе. Анархисты по своимъ принципамъ—демократы... Они считаютъ лучшимъ правительствомъ то, которое менѣе всего управляетъ, слѣдовательно, идеальнымъ правительствомъ является то, которое совсѣмъ не будетъ управлять. Анархисты отрицаютъ всякое принудительное дѣйствіе правительства даже въ дѣлѣ простой полицейской охраны личной собственности. Если такая охрана необходима, то она должна выражаться въ свободныхъ ассоціаціяхъ и кооперацiяхъ, самостоятельно опредѣляющихъ для каждаго продукта или товара его

настоящую цѣну. Личность должна сама защищаться противъ налоговъ и пошлинъ, если ей не предложатъ этой защиты. Одна лишь свобода личности способна уничтожить бѣдность и преступленія. Принудительный налогъ является основнымъ принципомъ всякой монополіи и пассивное сопротивленіе этимъ налогамъ является однимъ изъ лучшихъ средствъ для достиженія цѣлей анархизма...

Точно такъ же анархисты относятся и ко всѣмъ другимъ политическимъ и соціальнымъ вопросамъ... Вѣрные принципу: во всемъ поступать по собственному усмотрѣнію, они не признаютъ религіи... Они атеисты, потому что разсматриваютъ авторитетъ Бога и различныя моральныя проблемы, какъ главное средство въ рукахъ привилегированныхъ классовъ для усмиренія человѣческаго авторитета... Прудонъ сказалъ: „Если Богъ существуетъ, онъ врагъ человѣка". И, въ противоположность извѣстнымъ словамъ Вольтера: „Если Бога нѣтъ, то нужно Его выдумать", извѣстный русскій нигилистъ Михаилъ Бакунинъ создалъ слѣдующую антитезу: „Если Богъ существуетъ, слѣдуетъ Его уничтожить".

Но, отрицая теологическую іерархію, анархисты предоставляютъ каждому, кто пожелаетъ, — полную свободу вѣры. Анархисты всегда возставали противъ какихъ бы то ни было ограниченій свободы религіи.

За всякимъ индивидуумомъ анархисты признаютъ право свободнаго усмотрѣнія въ вопросѣ выбора священниковъ изъ своей среды или на сторонѣ.

Точно такую же свободу предоставляютъ они и на всѣхъ иныхъ поприщахъ, въ области медицины, гигіены и пр. Никакой монополіи ни въ теологіи, ни въ медицинѣ не должно быть. Общая конкуренція какъ теологическихъ, такъ и медицинскихъ мнѣній можетъ то подниматься, то падать, подчиняясь собственнымъ своимъ законамъ. Точно такъ же и въ области вопросовъ гигіены они осуществляютъ принципъ полной свободы. Каждый можетъ заботиться о своемъ здоровьи, когда и какъ ему заблагоразсудится, равно какъ и лѣчиться, когда и какъ пожелаетъ. Никто не вмѣшивается въ жизнь другого,—не контролируетъ,

что ѣстъ другой, какъ одѣвается, что пьетъ, какъ проводитъ время, чѣмъ занимается.

Никакихъ моральныхъ кодексовъ анархисты также не считаютъ нужнымъ вырабатывать... „заботься только о своихъ собственныхъ дѣлахъ“,—вотъ ихъ единственное этическое требованіе... Вмѣшательство въ дѣла другого является единственнымъ преступленіемъ, которое всегда будетъ предупреждаться и пресѣкаться. Что же касается до попытокъ „уврачеванія“ человѣческой испорченности, то анархисты, конечно, и въ данномъ случаѣ протестуютъ противъ всякихъ вмѣшательствъ со стороны, считая подобныя поползновенія вмѣшиваться въ дѣла другого—однимъ изъ видовъ того же преступленія.

Въ одной свободѣ, полной свободѣ, какъ самомъ высшемъ человѣческомъ благѣ, видятъ анархисты пресѣченіе всѣхъ пороковъ. Въ то же время они признаютъ право игрока, пьяницы, развратника, безпутной женщины и т. д. слѣдовать своимъ влеченіямъ до тѣхъ поръ, пока они сами не найдутъ нужнымъ жить иначе.

Въ дѣлѣ воспитанія дѣтей долженъ проводиться тотъ же принципъ свободы. Анархисты не собираются учреждать общественныхъ воспитательныхъ домовъ, какъ это проектируютъ государственные соціалисты; они не собираются также поддерживать нынѣ существующую коммунальную школьную систему. И мамку, и учителя, какъ врача и священника, каждый будетъ выбирать самостоятельно, вознаграждая ихъ трудъ, соотвѣтственно его стоимости. Родительскія права и родительская отвѣтственность принадлежитъ только родителямъ.

Даже въ такомъ сложномъ вопросѣ, какъ половыя отношенія, анархисты ни на іоту не отступаютъ отъ своихъ принциповъ... Они признаютъ и защищаютъ право каждаго мужчины и право каждой женщины, или право извѣстной группы мужчинъ и женщинъ сходиться и любить другъ друга ровно столько времени, сколько они могутъ, хотятъ, считаютъ нужнымъ... И законный бракъ и разводъ, по мнѣнію анархистовъ, одинаково нелѣпы. И мужчины и женщины должны сами о себѣ заботиться, должны жить отдѣльно другъ

отъ друга, все равно, въ своемъ ли собственномъ домѣ или въ наемной квартирѣ. Руководясь лишь своими любовными влеченіями, они имѣютъ право сходиться и расходиться по собственному усмотрѣнію, причемъ дѣти, рожденныя при такихъ условіяхъ, принадлежатъ исключительно матери.

Таковъ въ своихъ главныхъ положеніяхъ окончательный соціальный идеалъ анархизма.

Недостатокъ мѣста лишаетъ меня возможности подробно разработать эту часть моего очерка. Мнѣ бы только хотѣлось еще разъ подчеркнуть, что этотъ идеалъ совершенно несовмѣстимъ съ идеаломъ тѣхъ коммунистовъ, которые также называютъ себя анархистами, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ихъ идеалъ будущаго соціальнаго устройства такъ же деспотиченъ, какъ и общественный идеалъ государственныхъ соціалистовъ... Ихъ идеалъ такъ мало соотвѣтствуетъ тѣмъ формамъ общественнаго строя, за которыя боролись Іоганъ Мостъ и князь Кропоткинъ, неоднократно подвергавшіеся за свою проповѣдь осужденію на годы тюремнаго заключенія.

На этомъ я и хотѣлъ было закончить свою статью, но мнѣ вспомнилась напечатанная въ одной парижской газетѣ статья Эрнеста Лезинье, въ которой онъ пытается провести параллель между разбираемыми здѣсь двумя направленіями. Съ своей стороны, я рѣшилъ такимъ же противоположеніемъ закончить свою работу.

Существуютъ два соціализма; одинъ коммунистическій, другой взаимно обязывающій.

Одинъ зиждется на диктатурѣ, другой на свободѣ.

Одинъ метафизическій, другой позитивный.

Одинъ чувствующій—другой рефлекторный.

Одинъ разрушающій, другой созидающій.

Оба стремятся къ усовершенствованію человѣческаго благосостоянія.

Одинъ хочетъ добиться счастья для всѣхъ, другой хочетъ каждому доставить возможность быть по своему счастливымъ.

Первый разсматриваетъ государство, какъ общество sui generis, какъ стройное божественное твореніе съ

особыми правами и полномочіями, требующими безусловнаго повиновенія.

Второй разсматриваетъ государство, какъ всякую ассоціацію, управляемую обыкновенно хуже всякой другой.

Одинъ требуетъ господства государственной власти, другой отрицаетъ всякое государство.

Одинъ желаетъ передать монополію въ руки государства, другой желаетъ уничтожить всякую монополію.

Одинъ желаетъ правящіе классы подвести подъ управленіе, другой желаетъ уравнять всѣ классы.

Оба считаютъ, что существующій порядокъ вещей продолжаться не можетъ.

Одинъ разсматриваетъ революцію, какъ неизбѣжное слѣдствіе эволюціи, другой думаетъ, что только одно притѣсненіе создаетъ въ эволюціи революцію.

Второй убѣжденъ, что соціальный прогрессъ развовьется путемъ свободнаго индивидуализма.

Оба признаютъ, что мы стоимъ у входа въ новую историческую эру.

Одинъ желаетъ, чтобы существовали только пролетаріи... Другой желаетъ, чтобы совсѣмъ не было пролетаріевъ.

Одинъ говоритъ: „Поступай согласно постановленіямъ правителей“.

Другой провозглашаетъ: „Поступай по своему усмотрѣнію“.

Одинъ угрожаетъ деспотизмомъ.

Другой призываетъ свободу.

Одинъ дѣлаетъ гражданина подданнымъ государства.

Другой заставляетъ государство служить гражданину.

Одинъ думаетъ, что рожденіе новаго свѣта будетъ сопровождаться ужасными муками.

Другой стоитъ за безболѣзненность всякаго истиннаго прогресса...

Одинъ вѣритъ въ соціальную войну.

Другой довѣряетъ только миру.

Одинъ стремится приказывать, регулировать, властвовать.

Другой хочетъ свести къ минимуму всякую власть.

Одинъ привелъ бы къ ужасной реакціи.

Другой открываетъ прогрессу неограниченные горизонты.

Одинъ, несомнѣнно, прекратитъ свое существованіе, другому принадлежитъ будущее.

Оба стремятся къ одному и тому же:

Одинъ хочетъ отнять власть у правящихъ.

Другой—возстановить права поверженныхъ нынѣ.

Одинъ сводитъ равенство къ общему игу.

Другой признаетъ равенствомъ полную свободу.

Одинъ нетерпимый; другой весь проникнутъ терпимостью.

Одинъ запугиваетъ, другой ободряетъ.

Первый желаетъ учить каждаго,—

Второй хочетъ каждому доставить возможность учиться самостоятельно.

Одинъ хочетъ каждаго содержать,—

Другой хочетъ каждому доставить возможность содержать себя самостоятельно.

Одинъ говоритъ:

Земля—государству.

Рудникъ—государству.

Орудіе—государству.

Продуктъ—государству.

Другой говоритъ:

Земля—земледѣльцу.

Рудникъ—рудокопу.

Орудіе—рабочему.

Продуктъ—производителю.

Существуютъ только эти два соціализма.

Первый—это дѣтство соціализма, второй его расцвѣтъ.

Одинъ—прошедшее, другой—будущее.

Одинъ уступитъ мѣсто другому.

Въ наше время каждый долженъ принять сторону того или другого, или же признать, что онъ не соціалистъ.

Пер. Н. С.

АНАРХІЯ*).

Распространенію въ Европѣ идей анархизма въ значительной мѣрѣ препятствуютъ существующія о немъ нелѣпыя понятія.

Одни въ анархистахъ видятъ метателей бомбъ; другіе же, поверхностно ознакомившись съ программой анархистовъ, считаютъ ихъ—коммунистами.

Въ то время, какъ въ Америкѣ въ темный міръ предразсудковъ и предубѣжденій уже успѣли проникнуть кое-какіе лучи свѣта,—въ Европѣ еще все окутано туманомъ.

Прежде всего, необходимо провѣрить и объяснить неправильно въ большинствѣ случаевъ понимаемое слово—„анархизмъ“

Тѣмъ, кто принимаетъ все на вѣру и кто въ анархіи видитъ лишь хаосъ, а въ анархистахъ—разрушителей, необходимо показать, что, напротивъ, анархія—цѣль человѣческаго развитія, и что она знаменуетъ собою такой строй, въ которомъ свобода индивидуума и его труда служитъ залогомъ какъ его собственнаго счастья, такъ и благосостоянія всѣхъ.

Другимъ же, тѣмъ именно, которые не вѣрятъ въ идеалъ свободы при братскомъ коммунизмѣ, должно быть показано, что анархія далека отъ того, чтобы видѣть свободу индивидуума въ обобществленіи продук-

*) Настоящій очеркъ взятъ изъ романа Маккэя „Анархисты“.

товъ труда и самопожертвованіи; наоборотъ, она стремится достигнуть этой свободы путемъ уничтоженія вполнѣ опредѣленныхъ, насильственныхъ препятствій и искусственныхъ преградъ.

Какъ только будетъ произведена эта первая, самая грубая и неблагодарная подготовительная работа и лишь только проникнетъ, сперва хотя бы въ среду немногихъ лицъ, сознаніе, что анархія не есть какое то небо на землѣ, и что людямъ необходимо лишь познать свою истинную природу и ея потребности, а не „измѣнить ее въ корнѣ“, чтобы сдѣлать возможной свободу,—тогда ближайшая задача опредѣлится совершенно ясно: показать, что институтъ государства есть величайшее препятствіе для человѣчества на пути его культурнаго развитія.

Необходимо выяснить, что государство является привилегированнымъ насиліемъ, на которомъ оно и зиждется; что оно превращаетъ гармонію природы въ безпорядокъ; что вся вина за совершающіяся вокругъ преступленія падаетъ на него, что это его преступленія; что это оно предоставляетъ неестественныя преимущества однимъ и ограничиваетъ естественныя права другихъ; что это оно парализуетъ широкое развитіе силъ во всѣхъ областяхъ, тормозитъ свободу торговли и тѣмъ самымъ подтачиваетъ благосостояніе цѣлаго народа; что оно во всемъ защищаетъ посредственность и все, что оно предпринимаетъ, могло бы быть выполнено и безъ него гораздо лучше, съ гораздо большею пользою и выгодою, если бы дѣло было предоставлено свободной конкурренціи частныхъ лицъ; что нація тѣмъ богаче и счастливѣе, чѣмъ въ меньшей степени она зависитъ отъ управляющихъ ею; что государство, если даже допустить, что оно должно выражать общую волю, въ большинствѣ случаевъ является выразителемъ исключительно воли тѣхъ, которые стоятъ во главѣ его, а эти послѣдніе, конечно, заботятся о себѣ и о „своихъ“, но никакъ не о тѣхъ, которые имѣютъ достаточно глупости ввѣрять имъ свои интересы; что государство, будучи само по себѣ непродуктивной организаціей, можетъ давать лишь то, что оно раньше само получало, и что государство, возвращая полученное, почти всегда отдаетъ меньше, чѣмъ

имъ было взято.—Другими словами, необходимо показать, что государство вообще, какъ бы оно ни называлось, является ничѣмъ инымъ, какъ чудовищнымъ, длящимся уже много вѣковъ, безстыднымъ обманомъ, посредствомъ котораго одни устраиваются и живутъ на счетъ другихъ...

Когда, такимъ образомъ, будетъ поколеблена въ нѣкоторыхъ пунктахъ вѣра во всеспасающій идеалъ государства и тѣмъ самымъ укрѣпится довѣріе къ силѣ личной иниціативы, тогда явится необходимость создать такіе законы, которые, дѣйствительно, будутъ регулировать хозяйственную жизнь народа. Необходимо признать ту истину, что интересы людей не основаны на взаимной враждѣ, а, наоборотъ, гармонируютъ другъ съ другомъ, если, конечно, не лишать ихъ свободнаго поля дѣятельности и не суживать границы ихъ свободнаго развитія.

Когда право свободы труда, завоеванное уничтоженіемъ института государства, которое уже не будетъ больше монополизировать деньги, не будетъ стѣснять кредитъ, не будетъ удерживать другіе капиталы, тормозить свободное обращеніе цѣнностей—однимъ словомъ, не будетъ контролировать дѣйствій каждаго отдѣльнаго человѣка, когда, говорю я, свобода труда станетъ дѣйствительнымъ фактомъ,—тогда и взойдетъ солнце анархіи.

Свѣтъ этого солнца почувствуютъ всѣ, какъ тепло, наступившее послѣ долгой холодной ночи и постоянной нужды...

Не надо обѣщать ничего. Обѣщаютъ лишь тѣ, которые сами не знаютъ, чего они хотятъ. Нужно убѣждать, а не уговаривать.

Для этого необходимы новыя силы, а не тѣ разглагольствованія политическаго характера, которыми думаютъ уговорить толпу, поступать очень часто противъ ея собственнаго желанія. Наоборотъ, надо предоставить каждому принимать собственное рѣшеніе и довѣрять собственному разуму.

Чтобы развить во всей полнотѣ теорію нарождающагося новаго ученія, необходимо воспользоваться результатами изученія самыхъ разнообразныхъ отраслей знанія; необходимо воспользоваться данными исторіи,

чтобы избѣжать на будущее время ошибокъ прошлаго; психологіи, чтобы понять насколько духъ подчиненъ условіямъ, зависящимъ отъ тѣла; философіи, чтобы показать, насколько всякое мышленіе исходитъ только отъ индивидуума и къ нему же возвращается...

Когда все это будетъ сдѣлано, для того, чтобы доказать, что свобода индивидуума есть крайняя стадія развитія,—останется разрѣшить еще послѣднюю задачу.

Должны быть указаны не только цѣли, но и отысканы также и наилучшіе и наивѣрнѣйшіе пути къ достиженію этихъ цѣлей. Усматривая въ насиліи величайшее зло, необходимо уничтожить насиліе. Какимъ же путемъ?

И это ясно. Не на бой надо вызывать государство, вооруженное съ ногъ до головы и во всемъ превосходящее своими разнообразными средствами. Исходъ такого боя былъ бы заранѣе предрѣшенъ. Нѣтъ, это чудовище, живущее и поддерживаемое кровью нашего труда, должно погибнуть отъ недостатка питанія,—и достигнуть этого можно лишь путемъ лишенія его той дани, которой чудовище требуетъ себѣ, какъ нѣчто само собою разумѣющееся. Оно должно погибнуть отъ самоистощенія, отъ голода; оно должно умереть хотя бы медленной, но неотвратимой и вѣрной смертью. Теперь у него есть еще сила и наглость безпрепятственно требовать дань отъ своихъ подданныхъ и пресѣкать всѣ малѣйшія попытки, какого бы то ни было протеста. Но наступитъ день, и оно столкнется лицомъ къ лицу съ массой людей, разсудительныхъ, спокойныхъ и непоколебимыхъ, которые со скрещенными на груди руками дадутъ ему отпоръ и спросятъ:

— „Чего ты отъ насъ хочешь?
— Намъ отъ тебя ничего не нужно.
— Мы отказываемся повиноваться тебѣ.
— Питайся тѣми, кто имѣетъ въ тебѣ надобность.
— Насъ же оставь въ покоѣ!“

И въ этотъ день—свобода одержитъ свою первую побѣду, свою безкровную побѣду, вѣсть о которой съ быстротою вѣтра облетитъ всю вселенную, и всюду пробудитъ голосъ разума.

Развѣ стачки, передъ которыми трепещутъ эксплуа-

таторы, являются чѣмъ-либо другимъ, какъ не пассивнымъ возстаніемъ?

Развѣ рабочіе не должны черезъ нихъ достигнуть полезныхъ результатовъ? Тѣхъ результатовъ, которыхъ они напрасно будутъ ждать, довѣряясь преступной игрѣ политическихъ фигляровъ?

Пассивное возстаніе, примѣнявшееся въ теченіе послѣдняго столѣтія, лишь въ единичныхъ случаяхъ, для достиженія извѣстныхъ политическихъ цѣлей, можетъ считаться уже испытаннымъ и принципіально удачнымъ пассивнымъ средствомъ, направленнымъ противъ самого государства—особенно въ формѣ отказа отъ платежа податей и должно стать главнымъ орудіемъ, отъ котораго государство постепенно истечетъ кровью...

Ну, а до тѣхъ поръ?

До тѣхъ поръ надо быть наготовѣ и ждать.

Нѣтъ другого пути къ достиженію цѣли, кромѣ спокойнаго, неустаннаго и надежнаго просвѣщенія, основаннаго на вліяніи собственнымъ примѣромъ, который въ извѣстный моментъ будетъ творить чудеса.

* * *

Для того, чтобы оказаться жизнеспособнымъ, новый міръ долженъ народиться безболѣзненно.

Соціальный вопросъ—вопросъ экономическій. Онъ можетъ быть разрѣшенъ только слѣдующимъ образомъ. Съ ослабленіемъ государственной власти, индивидуумъ становится все болѣе и болѣе самостоятельнымъ. Отказавшись ходить на помочахъ парламентаризма, онъ пріобрѣтетъ самостоятельность воли и поступковъ. Неограниченно пользуясь правомъ самоопредѣленія, онъ прежде всего постарается превратить въ ничто всѣ тѣ привилегіи, которыя раньше существовали. Отъ нихъ не должно ничего остаться, кромѣ огромной кучи бумаги.

Незапаханныя поля, не являясь больше собственностью людей, чуждыхъ земледѣлія, будутъ обрабатываться тѣми, кто ихъ захватитъ. Запущенныя до сихъ поръ земли, отнынѣ будутъ приносить плоды и хлѣбъ, будутъ обильно прокармливать освобожденныя поко-

лѣнія. Капиталъ, не будучи въ состояніи дальше рости за счетъ чужого труда, будетъ вынужденъ пожрать самого себя: если еще отецъ и сынъ смогутъ на него просуществовать, не ударивъ для этого пальцемъ о палецъ, то передъ внукомъ уже явится альтернатива—очернить „славу отцовъ“ и трудиться, или умереть съ голоду. Ибо, съ исчезновеніемъ всѣхъ привилегій, отвѣтственность за свои поступки будетъ лежать на самомъ индивидуумѣ. Неужели ему будетъ тяжелѣе отъ нея, чѣмъ отъ тысячи обязанностей по отношенію къ ближнимъ, которыми прежде государство обременяло своихъ гражданъ, церковь—своихъ членовъ, мораль—праведниковъ?

Существуетъ только одно рѣшеніе соціальнаго вопроса: не находиться во взаимной зависимости, и тѣмъ самымъ и себѣ, и другимъ открыть путь къ независимости.—Не требовать больше отъ сильнаго міра сего—невозможнаго: сдѣлаться слабыми!—Нѣтъ, надо, наконецъ, слабому крикнуть: „Стань сильнымъ!“—Не ждать дольше помощи „сверху“, а приняться самому за дѣло.

Девятнадцатый вѣкъ избавился отъ „царя небеснаго“. Онъ уже не вѣритъ больше ни въ какую божественную силу, которой человѣкъ былъ-бы подчиненъ.

Но лишь дѣти двадцатаго вѣка будутъ настоящими атеистами: сомнѣваясь уже въ божественномъ совершенствѣ, они должны будутъ начать рѣзкую критику справедливости вообще и человѣческаго авторитета въ частности.

Они проникнутся сознаніемъ собственнаго достоинства. Вмѣсто того, чтобы находить гордость въ подчиненіи, въ жертвѣ и собачьей вѣрности,—они поймутъ, что приказаніе есть присвоеніе, послушаніе—отреченіе, а то и другое вмѣстѣ—самоуниженіе, которое достойно презрѣнія съ точки зрѣнія свободнаго человѣка.

Изуродованному человѣчеству понадобится много времени, чтобы возстановить свой естественный ростъ и сознаніе собственнаго достоинства. Тѣмъ не менѣе, великія перемѣны соціальныхъ органовъ потребуютъ, быть можетъ, столѣтій, прежде чѣмъ будутъ достигнуты равныя для всѣхъ условія жизни.

Процессъ развитія идеи желанной свободы будетъ тѣмъ продолжительнѣе, чѣмъ сильнѣе и побѣдоноснѣе будетъ противное теченіе идеи власти.

Насильственные акты будутъ вездѣ мѣшать мирному ходу развитія. Они—неизбѣжны. Слишкомъ разрослись ненависть и слѣпота съ обѣихъ сторонъ, чтобы дѣло обошлось безъ столкновеній, отъ которыхъ вся земля можетъ прійти въ содроганіе.

Природа вещей должна идти своимъ путемъ. Логика фактовъ разрушаетъ желаніе невозможнаго.

Глупостямъ всегда приходится платить дань опыту прежде, чѣмъ послѣдній выйдетъ на свѣтъ божій.

Соціализмъ это—послѣдняя универсальная глупость человѣчества. И нужно пройти этотъ послѣдній этапъ страданій по пути къ свободѣ.

Только тогда можно будетъ распять бога безумія. Лишь тогда придетъ время истиннаго „царства небеснаго на землѣ“, когда всякая вѣра будетъ повергнута ницъ на землю, когда надежды лишатся крыльевъ, на которыхъ онѣ прежде улетали въ небеса; тогда лишь настанетъ царство счастья, радости и наслажденья жизнью, которое и есть свобода...

Но свобода имѣетъ и могучаго союзника: расколъ въ лагерѣ своихъ враговъ.

Вездѣ разрозненность; вездѣ безпокойство; вездѣ страхъ. И всюду и вездѣ слышенъ призывъ къ большому насилію

„Насиліе, насиліе, насиліе,“—вотъ что должно излѣчить всѣ раны. Какъ изъ подъ земли выступятъ цѣлыя арміи, народы застынутъ съ оружіемъ въ рукахъ, и страхъ передъ кровавымъ будущимъ разгонитъ сонъ тѣхъ, кто имѣетъ очи, чтобы видѣть.

Для „сильныхъ міра сего“ не будетъ болѣе выхода. Подобно древнему полководцу, они велятъ наказывать море, которое своими волнами покрываетъ уже палубу и угрожаетъ смыть все живущее.

Неизбѣжны войны, кровавыми потоками которыхъ властители міра будутъ стараться потушить огонь возстанія народовъ,—войны, какихъ еще свѣтъ никогда не видалъ...

Слишкомъ велика вина,—страшнымъ будетъ и искупленіе!

А потомъ, послѣ хаоса и революцій, послѣ сраженій и битвъ, когда опустошенная земля будетъ умирать отъ истощенія, когда самый горькій опытъ уничтожитъ послѣднюю вѣру въ авторитетъ, тогда, быть можетъ, поймутъ, кто были *они* и чего *они* хотѣли; они,—эти одинокіе, которые во всей этой суетѣ и шумѣ спокойно и твердо вѣрили въ свободу—они, которыхъ называютъ—анархистами...

ПРАВО НА ЖИЗНЬ.

Въ насъ нѣтъ никакихъ врожденныхъ идей: всѣ идеи мы воспринимаемъ посредствомъ чувствъ изъ среды, въ которой мы живемъ. Это настолько вѣрно, что если у насъ не хватаетъ какого-нибудь чувства, то мы не можемъ имѣть никакого представленія о томъ свойствѣ предметовъ, которое воспринимается этимъ чувствомъ. Слѣпой отъ рожденія, напримѣръ, не можетъ себѣ представить различія цвѣтовъ, потому что у него недостаетъ того чувства, которое необходимо людямъ для воспріятія зрительныхъ впечатлѣній. Кромѣ того, мы усваиваемъ тѣ или иныя идеи легче или труднѣе, смотря по природнымъ способностямъ и сообразно степени нашей воспріимчивости къ нимъ. Однимъ, напримѣръ, дается легко математика; другимъ изученіе языковъ. Природныя способности могутъ развиваться до самыхъ разнообразныхъ степеней, смотря по человѣку и въ зависимости отъ ихъ упражненія.

Если мы будемъ упражнять почти исключительно только одинъ какой-нибудь органъ, напр., мускулы рукъ, то развитіе ихъ произойдетъ въ ущербъ другимъ частямъ тѣла. Тоже и въ области идей. Чѣмъ чаще мы будемъ воспринимать однѣ и тѣ же впечатлѣнія, чѣмъ постояннѣе будемъ усваивать идеи одного только опредѣленнаго порядка, тѣмъ труднѣе намъ будетъ воспринимать идеи изъ противоположной об-

ласти. Напримѣръ, если мы увѣрены, что наша идея хороша и вѣрна, что она—истина, то всякое противоположное мнѣніе будетъ насъ коробить и мы окажемъ громадное сопротивленіе къ его усвоенію. Другому-же это мнѣніе будетъ казаться такимъ естественнымъ и правильнымъ, что онъ не сможетъ себѣ представить, чтобы кто-нибудь чистосердечно могъ думать иначе.

Если это такъ, и, если всякое дѣйствіе есть слѣдствіе одной или нѣсколькихъ идей, то очевидно, что для того, чтобы судить человѣка, чтобы признать его отвѣтственнымъ въ совершеніи какого-нибудь поступка, необходимо знать всѣ чувства и впечатлѣнія, вызвавшія его поступокъ; необходимо оцѣнить ихъ силу; знать степень воспріимчивости и силу сопротивленія даннаго человѣка по отношенію къ нимъ. Нужно принять во вниманіе, впродолженіи какого времени онъ жилъ среди этихъ чувствъ и впечатлѣній.

Но, откуда у васъ явится способность чувствовать такъ же, какъ воспринимаютъ и чувствуютъ другіе? Какъ вы будете судить человѣка, если вы не можете понять точно причины, вызвавшія его поступокъ? А какъ вы можете понять всѣ эти причины и ихъ взаимное между собой отношеніе, если вы не можете проникнуть въ тайники чужой души, чтобы постигнуть чужое „я“. Вѣдь для этого нужно было бы знать темпераментъ этого человѣка лучше, чѣмъ часто знаешь свой собственный! Больше того! Нужно имѣть подобный же темпераментъ, подвергаться тѣмъ же вліяніямъ, жить одновременно съ нимъ въ той же средѣ. Это единственное средство, чтобы отдать себѣ отчетъ въ силѣ вліянія среды на поступки человѣка.

Невозможно, слѣдовательно, судить другихъ людей! Это вытекаетъ изъ невозможности точно знать всѣ вліянія, которымъ они подвергались, силу чувствъ и впечатлѣній, вызвавшихъ ихъ поступки, природныя способности этихъ людей и степень развитія ихъ. Но, если бы даже было возможно узнать все это, то, самое большее, мы добились бы только точнаго представленія о тѣхъ вліяніяхъ, которымъ человѣкъ подвергался, о податливости и силѣ сопротивленія его

этимъ вліяніямъ. Признать же отвѣтственнымъ человѣка въ совершеніи поступка мы все же не могли бы, такъ какъ *отвѣтственность не существуетъ*!

Достаточно взглянуть на ходъ мыслительной дѣятельности человѣка, чтобы убѣдиться въ отсутствіи отвѣтственности. Чтобы отвѣтственность существовала, нужно, чтобы воля опредѣляла впечатлѣнія, какъ эта послѣдняя опредѣляетъ идею, а идея—поступокъ. Воля есть ничто иное, какъ желаніе совершить какое-нибудь дѣйствіе, предназначенное для удовлетворенія какой-нибудь нашей потребности, т. е. для доставленія намъ чувства удовольствія или для устраненія чувства боли. Слѣдовательно, нужно, чтобы мы испытали эти чувства, чтобы въ насъ могла зародиться воля. Воля, результатъ впечатлѣній и ощущеній, можетъ быть измѣнена только подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній и ощущеній. Она можетъ принять другое направленіе, преслѣдовать иную цѣль только въ томъ случаѣ, если новыя чувства вызовутъ въ насъ новое теченіе идей или видоизмѣнятъ прежнее. Это признавалось во всѣ времена, и всѣ, несомнѣнно, признаютъ это. Вѣдь допускать обвиненіе и защиту на судѣ, значитъ, признать, что доходящія до васъ черезъ органъ слуха новыя впечатлѣнія, могутъ вызвать въ васъ желаніе дѣйствовать въ иномъ направленіи, видоизмѣнить вашу прежнюю волю. Не такъ ли? Но, какъ я уже говорилъ въ началѣ, если кто-нибудь впродолженіи долгаго времени получаетъ однородныя впечатлѣнія и вслѣдствіе этого привыкъ смотрѣть на ту или другую вещь или идею, какъ на хорошую и справедливую, то всякое противоположное мнѣніе его будетъ отталкивать отъ себя и встрѣтитъ въ немъ враждебное къ себѣ отношеніе.

Въ силу этого пожилые люди воспринимаютъ менѣе легко новыя идеи. Въ теченіи своей жизни они получали массу впечатлѣній, исходящихъ изъ окружающей ихъ среды, и эти впечатлѣнія привели ихъ къ опредѣленнымъ взглядамъ: они считаютъ хорошими тѣ идеи, которыя соотвѣтствуютъ общимъ понятіямъ этой среды о справедливомъ и несправедливомъ.

Понятіе о справедливомъ и несправедливомъ по-

стоянно измѣнялось въ разные историческіе періоды; и въ наши дни понятія эти неодинаковы: они разнятся смотря по климату, народу и, даже, смотря по человѣку. Эти различныя понятія могутъ быть только относительно правильными. Поэтому то мы должны заключить, что, если не все человѣчество, то во всякомъ случаѣ большинство его заблуждается еще на этотъ счетъ. Это объясняетъ намъ, почему какой-нибудь доводъ можетъ убѣдить одного и остаться безъ всякаго вліянія на другого.

Тотъ, на котораго доводъ подѣйствовалъ, не можетъ сдѣлать такъ, чтобы это не отразилось на его волѣ, тотъ же, на котораго доводъ не оказалъ вліянія, сохранитъ свою прежнюю волю. Слѣдовательно, дѣйствія ихъ будутъ въ рѣзкихъ чертахъ различаться, развѣ только новыя впечатлѣнія измѣнятъ волю того или другого.

Хотя это покажется парадоксомъ, но мы не дѣлаемъ ни одного хорошаго или дурного поступка, даже самаго ничтожнаго, если мы не вынуждены къ тому. Въ самомъ дѣлѣ, каждое дѣйствіе есть слѣдствіе отношенія между впечатлѣніями, приходящими къ намъ изъ окружающей насъ среды, и степенью нашей воспріимчивости.

Мы не можемъ быть отвѣтственными за степень нашей воспріимчивости къ тому или другому роду впечатлѣній, за существованіе или отсутствіе вліяній окружающей насъ среды и за доходящія до насъ оттуда впечатлѣнія. Мы не можемъ, поэтому, быть отвѣтственными за то, каковъ будетъ результатъ этихъ впечатлѣній. Онъ не только не зависитъ отъ нашей воли, но еще и опредѣляетъ ее. *Стало быть никакой судъ невозможенъ, и всякая награда, какъ и всякое наказаніе несправедливы, какъ бы они не были ничтожны, и какъ бы не были велики заслуги или проступки.*

Нельзя, значитъ, судить ни людей, ни ихъ поступки, не имѣя для этого достаточнаго критеріума. Критеріумъ же такой не существуетъ. Во всякомъ случаѣ, не въ законахъ можно найти его, потому что истинная справедливость незыблема, а законы измѣняются. О законахъ можно сказать то же, что и о всемъ дру-

гомъ. Если законы хороши, для чего тогда депутаты и сенаторы, которые должны ихъ мѣнять? А если они плохи, для чего тогда чиновники, которые должны ихъ прилагать?

* * *

Самымъ фактомъ своего рожденія каждое существо пріобрѣтаетъ право на жизнь и на счастье. Это первѣйшее, неотъемлемое, природное право, право свободно передвигаться съ мѣста на мѣсто, созерцая солнце и вдыхая воздухъ, оспаривается у милліоновъ человѣческихъ существъ.

Милліоны обездоленныхъ, у которыхъ богатые отняли землю, нашу общую кормилицу, не могутъ ступить шага безъ позволенія другихъ людей; только съ позволенія другихъ они могутъ ѣсть, пить, словомъ, пользоваться своими органами, удовлетворять свои потребности и жить. Ихъ необезпеченная жизнь отдана на произволъ капризовъ тѣхъ, которые сдѣлались ихъ господами. На громадныхъ земельныхъ пространствахъ, принадлежащихъ всему человѣчеству, эти бѣдняки не могутъ ступить шага безъ того, чтобы не наткнуться на какую-нибудь заставу; на каждомъ шагу ихъ останавливаютъ слѣдующія слова: не ходите въ это поле, оно принадлежитъ такому-то; не ходите въ этотъ лѣсъ, онъ принадлежитъ тому-то; не рвите эти плоды, не ловите эту рыбу, она собственность такого-то.

А если они спросятъ: а что же намъ принадлежитъ? Ничего! отвѣтятъ имъ. У васъ ничего нѣтъ.—Уже съ колыбели, посредствомъ религіи и законовъ, пріучаютъ ихъ мозгъ безропотно принимать эту кричащую несправедливость.

Корни растеній всасываютъ сокъ изъ земли, но ихъ продукты не для васъ, говорятъ имъ. Дождь васъ мочитъ также, какъ и другихъ, но не для васъ онъ даетъ урожаи. Солнце свѣтитъ для того, чтобы разстилались золотыя нивы и зрѣли плоды, но не вамъ придется ихъ отвѣдать.

Земля вертится вокругъ солнца, поочередно подставляя его живительному вліянію то ту, то другую

сторону; но это движеніе земли дѣлается не въ пользу всѣхъ людей: земля принадлежитъ однимъ и не принадлежитъ другимъ! Часть человѣчества купила ее на свое золото и серебро! Но какой фокусъ употребила она для этого? Вѣдь золото и серебро находятся въ землѣ.

Какимъ образомъ вышло, что часть всего стоитъ столько же, сколько и все?

Какъ это случилось, что, послѣ того, какъ богачи купили на свое золото землю, у нихъ въ рукахъ очутилась не только вся земля, но и все золото? Тайна!?

А эти необъятные лѣса, милліоны вѣковъ тому назадъ погребенные въ нѣдрахъ земли геологическими переворотами? Они не могли ихъ ни купить, ни наслѣдовать отъ своихъ отцовъ, потому что тогда людей не было на землѣ! Однако, это принадлежитъ имъ—собственникамъ! Отъ самыхъ нѣдръ земли, отъ самаго дна океана и до самыхъ верхушекъ горъ, все принадлежитъ имъ. Эти лѣса росли когда то, чтобы одинъ смогъ теперь дать приданое своей дочери! Геологическія революціи совершались для того, чтобы другой смогъ теперь подарить роскошный домъ своей любовницѣ! И для того, чтобы эти господа могли теперь напиваться шампанскимъ, эти лѣса постепенно превращались въ каменный уголь.

Если обездоленные спросятъ: какъ же мы будемъ жить, когда у насъ ничего нѣтъ? Успокойтесь, отвѣтятъ имъ: собственники—хорошіе люди, и лишь бы только вы были благоразумны, лишь бы вы повиновались всѣмъ ихъ прихотямъ, они позволятъ вамъ жить; а взамѣнъ этого вы будете обрабатывать ихъ поля, шить имъ одежду, строить имъ дома, стричь ихъ овецъ, подрѣзать ихъ деревья, дѣлать машины, печатать книги; словомъ, доставлять имъ всевозможныя физическія и умственныя удовольствія, на которыя они одни имѣютъ право. Если богатые настолько добры, что позволяютъ вамъ ѣсть ихъ хлѣбъ, пить ихъ воду, то вы должны быть и за это безконечно благодарны, такъ какъ ваша жизнь принадлежитъ имъ вмѣстѣ со всѣмъ другимъ.

Вы имѣете право жить, только благодаря доброй

волѣ собственниковъ, и при условіи, что вы будете работать на нихъ. Они будутъ управлять вами; они будутъ смотрѣть на васъ, когда вы будете работать; они будутъ пользоваться плодами вашего труда,—это ихъ право. Все, что вы употребляете во время работы, всѣ орудія производства также принадлежатъ имъ. Въ то время, какъ они, одновременно съ вами родившіеся, будутъ всю свою жизнь приказывать,—вы будете повиноваться всю вашу жизнь! Въ то время, какъ они могутъ отдыхать подъ тѣнью деревьевъ, предаваться поэтическимъ мечтамъ при журчаніи ручья, оживлять свои мускулы въ морскихъ волнахъ, поправлять свое здоровье въ горячихъ источникахъ, наслаждаться широкими видами съ вершинъ горъ, владѣть всѣмъ умственнымъ достояніемъ человѣчества и, такимъ образомъ, бесѣдовать съ многими сѣятелями идей, съ неутомимыми изслѣдователями міра,—вы, каторжники по рожденію, едва переступивши младенческій возрастъ, должны начать влачить жалкое существованіе. Вы должны производить, чтобы другіе потребляли, вы должны работать, чтобы другіе могли бездѣльничать, должны умирать, чтобы другимъ давать возможность наслаждаться жизнью.

Тогда какъ одни могутъ разъѣзжать во всѣ стороны, наслаждаться прекрасными видами, жить въ постоянномъ общеніи съ природой и черпать изъ этого неистощимаго источника поэзіи самыя тонкія и нѣжныя чувства, какія только можно испытывать,—весь вашъ горизонтъ будетъ заключаться въ четырехъ стѣнахъ вашихъ мезониновъ, вашихъ мастерскихъ, тюрьмы или каторги. Вы,—человѣческая машина, жизнь которой ограничивается одними и тѣми же, вѣчно повторяемыми, дѣйствіями;—вы должны будете каждый день дѣлать ту же работу, какую дѣлали наканунѣ. И такъ до тѣхъ поръ, пока не сломается въ васъ какое нибудь колесо, или пока васъ не выкинутъ за бортъ, когда вы, износившіеся и состарѣвшіеся, не будете больше доставлять достаточныхъ барышей!

Горе вамъ, если болѣзнь васъ подкосила!—Если, стары ли, молоды ли, вы слишкомъ слабы, чтобы производить столько, сколько заблагоразсудится отъ васъ

требовать собственникамъ. Горе вамъ, если вы никого не найдете, кому бы можно было продать вашъ мозгъ, ваши руки, ваше тѣло! Вы попадете тогда изъ одной бѣды въ другую; — вамъ вмѣнятъ въ преступленіе ваши лохмотья, и крики голода послужатъ безчестіемъ для васъ. Общество во всемъ своемъ цѣломъ броситъ вамъ анафему, а власть, появившаяся съ закономъ въ рукахъ, вамъ крикнетъ: „Горе бездомнымъ, горе тому, кому негдѣ укрыть свою голову, горе тому, у кого нѣтъ койки, гдѣ бы могли отдохнуть его утомленные члены! Горе тому, кто позволяетъ себѣ чувствовать голодъ, въ то время, когда другіе слишкомъ много ѣли; горе, кому холодно, когда другимъ тепло, бродягамъ, горе побѣжденнымъ“.—И общество накажетъ васъ за то, что вы позволили себѣ ничего не имѣть въ то время, какъ у другихъ есть все.

— „Это справедливость“, говоритъ законъ.—„Это преступленіе! отвѣтимъ мы, этого не должно быть, горе это должно перестать существовать, потому что это несправедливо!“

Слишкомъ долго люди принимали за нравственное—выраженіе воли сильныхъ и могущественныхъ. Слишкомъ долго злые поступки однихъ находили себѣ союзниковъ въ невѣжествѣ и трусливости другихъ. Слишкомъ долго люди оставались глухими къ голосу разума, справедливости и правды. Слишкомъ долго они принимали ложь за истину! А вотъ что истина: Жизнь есть безпрерывный процессъ ассимиляціи и дезассимиляціи, который присоединяетъ къ организмамъ частички матеріи въ ея различныхъ формахъ и снова отрываетъ ихъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ тысячи новыхъ соединеній; вѣчный процессъ воздѣйствія и противодѣйствія между индивидомъ и окружающей его природой. Такова жизнь. Своимъ непрерывнымъ воздѣйствіемъ все окружающее индивида, какъ живыя существа, такъ и неорганическія тѣла, стремится къ его поглощенію, къ дезагрегаціи (разрушенію) его организма, къ его смерти.

Только изъ стараго природа дѣлаетъ новое. Она всегда разрушаетъ, чтобы создавать. Она всегда только изъ смерти вызываетъ новую жизнь, она должна убивать, чтобы вызвать къ жизни будущее. Слѣдовательно

жизнь возможна для индивида только при условіи его вѣчнаго противодѣйствія совокупности всего его окружающаго. Онъ можетъ жить только при условіи постоянной борьбы съ разрушающимъ вліяніемъ всего существующаго, заимствуя новыя частицы изъ окружающаго міра.

Всѣ живыя существа, на какой бы ступени зоологической лѣстницы онѣ ни стояли, начиная съ зоофитовъ и кончая человѣкомъ, всѣ обладаютъ способностями, позволяющими имъ бороться противъ дезассимиляціи ихъ организма посредствомъ присоединенія новыхъ элементовъ изъ внѣшняго міра. Всѣ обладаютъ болѣе или менѣе совершенными органами, увѣдомляющими о присутствіи причинъ, способныхъ привести къ быстрой дезассимиляціи ихъ существа. Всѣ обладаютъ органами, позволяющими имъ бороться съ разрушительнымъ вліяніемъ окружающей природы.

Къ чему бы намъ были всѣ эти органы, еслибъ мы не могли ими пользоваться, еслибъ мы не имѣли права ихъ употреблять?

Для чего служатъ легкія, какъ не для того, чтобы дышать? Для чего глаза, какъ не для того, чтобы смотрѣть? Мозгъ,—чтобы думать? Желудокъ—переваривать пищу? Да, это такъ! Нашими легкими мы имѣемъ право дышать; нашимъ желудкомъ—переваривать пищу, нашимъ мозгомъ—думать, языкомъ—говорить, ушами—слушать, глазами—смотрѣть, нашими ногами мы имѣемъ право ходить. На все это мы имѣемъ право, п. ч. мы имѣемъ право жить. Ни у кого нѣтъ органовъ болѣе сильныхъ, чѣмъ надо. Ни у кого нѣтъ зрѣнія—слишкомъ остраго, слуха—слишкомъ тонкаго; слишкомъ свободной рѣчи, слишкомъ обширнаго ума, слишкомъ хорошаго желудка, слишкомъ крѣпкихъ ногъ, лапъ, крыльевъ или плавательныхъ перепонокъ. Слѣдовательно, мы имѣемъ право на все пространство, которое мы можемъ пройти своими ногами, на весь воздухъ, какой мы можемъ вдохнуть своими легкими, на всю пищу, какую мы можемъ переварить своимъ желудкомъ. Нашъ мозгъ даетъ намъ право на все, о чемъ мы можемъ мыслить и что можемъ усвоить изъ мыслей другихъ. Способность рѣчи даетъ намъ право

на все, что мы можемъ сказать; наши уши на все, что мы можемъ слышать. Мы имѣемъ право на все это, п. ч. *имѣемъ право на жизнь*, а все это составляетъ жизнь. Это настоящія права человѣка! *Нѣтъ никакой надобности ихъ декретировать; онѣ существуютъ, какъ существуетъ солнце.*

Онѣ не вписаны ни въ какую конституцію, ни въ какіе законы, но они записаны неизгладимыми буквами въ великой книгѣ природы.

Отъ букашки до слона, отъ стебелька травы до дуба, отъ каждаго атома до звѣзды,—все объ этомъ говоритъ. Послушайте великій голосъ природы: она вамъ скажетъ, что все въ ней солидарно! Что общее вѣчное движеніе, являющееся условіемъ жизни вселенной, состоитъ изъ общаго вѣчнаго движенія каждаго изъ ея атомовъ, которое, въ свою очередь, есть условіе жизни каждаго творенія.

Движенія безконечно малыхъ, какъ и безконечно большихъ безпрерывно сталкиваются и дѣйствуютъ другъ на друга. И, такъ какъ все существующее воздѣйствуетъ на насъ такъ или иначе, то мы имѣемъ право воздѣйствовать въ свою очередь на все, п. ч. мы имѣемъ право на жизнь, а жизнь невозможна безъ этого.

Появленіемъ своимъ на свѣтъ, мы становимся въ числѣ собственниковъ всей вселенной и мы имѣемъ право на все существующее, на все, что было и на все, что будетъ. Своимъ рожденіемъ каждый изъ насъ пріобрѣтаетъ право на все, безъ всякихъ другихъ ограниченій, кромѣ тѣхъ, которыя ставитъ сама природа, т. е. границъ нашей способности усваивать.

Вы говорите: это поле мое, этотъ лѣсъ мой, этотъ источникъ мой; мои—этотъ прудъ, эти луга, эта жатва, этотъ домъ. Вамъ, говорящимъ это, я отвѣчу: когда вы сдѣлаете такъ, чтобы ваша собственность—часть всей вселенной,—постояннымъ воздѣйствіемъ на мой организмъ ведущая и меня, какъ и васъ, къ могилѣ, перестанетъ меня въ нее толкать, я признаю, что вы одни имѣете право пользоваться нашей собственностью.

Когда вы сдѣлаете такъ, чтобы разрушительныя

вліянія природы оказывали дѣйствіе только на васъ, вы одни будете имѣть право черпать въ природѣ все необходимое для возстановленія организма. Но пока влажность будетъ дѣйствовать какъ на васъ, такъ и на меня, ручьи и пруды будутъ такъ же моими, какъ и вашими.

Пока вы не помѣшаете теплотѣ солнца дѣйствовать на меня, плоды и жатва будутъ зрѣть для меня, какъ и для васъ.

Человѣкъ въ двадцать лѣтъ не имѣетъ ни одной изъ частицъ, составлявшихъ его организмъ десять лѣтъ тому назадъ. Такимъ образомъ, когда вы сумѣете устроить такъ, чтобы то, что было прежде моимъ, не вступало, при помощи дождя, вѣтра, или какимъ нибудь инымъ способомъ, въ ваши владѣнія,—вы будете имѣть право помѣшать мнѣ вводить въ свой организмъ то, что мнѣ попадаетъ изъ вашихъ владѣній.

Но пока вы не сдѣлаете такъ, чтобы мы, отверженные паріи, могли жить не усваивая постоянно элементовъ изъ окружающаго міра, мы, также какъ и вы, будемъ имѣть право на весь этотъ міръ и на каждую изъ его частей. Мы родились такими же, какъ и вы, мы подобны вамъ, у насъ тѣ же органы и потребности, и мы имѣемъ право на жизнь и на счастіе одинаково съ вами.

Если бъ мы происходили изъ какой-нибудь низшей животной породы, чѣмъ вы, я, пожалуй, бы понялъ это исключеніе. Наши организмы и нашъ образъ жизни были бы различны; но, такъ какъ мы устроены такими же, какъ и вы, значитъ, мы одинаковы съ вами и имѣемъ равныя съ вами права на блага всего міра.

Если же вы мнѣ скажете, что такая-то вещь ваша потому, что вы получили ее въ наслѣдство, то я вамъ отвѣчу, что оставившіе ее вамъ не имѣли права этого дѣлать. Въ продолженіе своей жизни они имѣли право пользоваться всѣми благами міра, какъ и мы, съ своей стороны, имѣемъ полное право ими пользоваться, пока мы живемъ; но они не имѣли ни малѣйшаго права распоряжаться своимъ добромъ послѣ смерти. Какъ своимъ рожденіемъ мы пріобрѣтаемъ

право на все, своей смертью мы теряемъ всѣ права, потому что тогда намъ ничего не нужно.

По какому праву тѣ, которые отжили, захотѣли бы помѣшать жить намъ?

По какому праву агрегатъ (совокупность) частицъ захотѣлъ бы помѣшать своимъ собственнымъ частицамъ вылиться въ ту или иную форму? По какому праву то, что было, захотѣло бы помѣшать тому, что будетъ? Какъ! Кто-нибудь, чья жизнь является только мгновеніемъ въ сравненіи съ безграничностью времени, благодаря тому, что онъ жилъ въ одномъ изъ уголковъ земного шара, можетъ располагать имъ на вѣчныя времена? Есть ли что-нибудь нелѣпѣе этой претензіи смертнаго, эфемернаго существа завѣщать навѣчно такимъ же смертнымъ, какъ и онъ самъ, существамъ и кратковременнымъ учрежденіямъ.

Мы не должны уважать подобныя претензіи людей, желающихъ жить послѣ смерти; людей, которые хотятъ сохранить за собой право на всѣ блага, послѣ того, какъ они имъ не нужны, которые хотятъ распоряжаться послѣ смерти тѣмъ, чѣмъ только во время жизни они имѣли право пользоваться по мѣрѣ своихъ потребностей.

Можетъ быть вы скажете, что эти люди имѣли право завѣщать свое имущество, потому что это сбереженная ими часть ихъ труда? Но если они не потребили весь продуктъ своего труда, значитъ они могли безъ него обойтись. Разъ они не нуждались въ немъ, они не имѣли на него права, а слѣдовательно, не могли вамъ его завѣщать. Они уступили вамъ права, которыхъ не имѣли.

Право прекращается тамъ, гдѣ прекращается потребность.

Тоже самое, если вы мнѣ скажете, что такая то вещь ваша, потому что вы ее купили, я отвѣчу, что тѣ, у которыхъ вы ее купили, не имѣли права ее продавать. Они точно также, какъ и мы, имѣли право ею пользоваться по своимъ потребностямъ. Они имѣли право уступить *свою* часть пользованія въ ущербъ своей жизни, но не *нашу*. Они могли отказаться отъ

счастья за себя, но не за насъ, и намъ нечего считаться со сдѣлками, происходившими помимо насъ и во вредъ намъ.

Природа говоритъ намъ: бери, а не покупай. Въ каждой покупкѣ есть надуватель и надутый. Первый—извлекаетъ для себя пользу отъ сдѣлки, тогда какъ другой—остается пострадавшимъ. Но, если каждый беретъ, что ему нужно, никто не страдаетъ, такъ какъ всякій, имѣя все то, что ему нужно, имѣетъ тѣмъ самымъ все, на что онъ имѣетъ право.

Коммерческія сдѣлки, конечно, одна изъ самыхъ главныхъ причинъ развращенія человѣчества.

Не безполезно замѣтить, на этотъ счетъ, что все, что въ современномъ обществѣ противорѣчитъ правиламъ естественной философіи, есть въ то же время источникъ всѣхъ золъ и преступленій. Если бы всѣ имѣли въ своемъ распоряженіи всѣ блага, если бы всѣмъ было обезпечено на завтра все необходимое имъ для жизни и для счастья, на что они имѣютъ право, девять десятыхъ преступленій не существовало бы, потому что побудительной причиной ихъ является то, что вы называете кражей.

Намъ нужно хорошенько проникнуться той истиной, что если человѣкъ продаетъ что нибудь, значитъ ему это не нужно; значитъ, съ этихъ поръ онъ не имѣетъ уже права распоряжаться этой вещью и помѣшать тѣмъ, кому она нужна, взять ее. Уже по одному тому, что имъ нужна эта вещь, они имѣютъ на нее право!

Вмѣстѣ съ кражей исчезнетъ и проституція вслѣдствіе проникновенія въ жизнь нашихъ принциповъ. Зачѣмъ женщина будетъ продаваться, когда въ ея распоряженіи будетъ все, что можетъ обезпечить ея жизнь и счастье? И какъ мужчина могъ бы ее купить, когда онъ не въ состояніи будетъ ей дать ничего такого, что она не имѣла бы права сама взять! И такъ будетъ со всѣми преступленіями, со всѣми пороками. Они пропадутъ, потому что исчезнутъ причины, ихъ вызывающія.

Только свободно развиваясь, человѣкъ

становится здоровымъ и полнымъ существомъ.

Откуда происходитъ ложь, двойственность, хитрость, если не вслѣдствіе притѣсненія однихъ другими? Это оружіе слабыхъ, которые прибѣгаютъ къ нему только потому, что сильные ихъ къ этому принуждаютъ.

Ложь—порокъ не лжеца, а того, кто его принуждаетъ лгать. Устраните принудительность, наказаніе— и вы увидите, что лжецъ станетъ говорить правду.

Пусть одни перестанутъ оспаривать у другихъ право на жизнь и на счастье, и проституція и убійство исчезнутъ, потому что люди всѣ рождаются одинаково свободными и добрыми. Это общественные законы дѣлаютъ ихъ дурными и несправедливыми, рабами или господами, ограбленными или грабителями, палачами или жертвами.

Каждый человѣкъ есть существо самостоятельное, независимое, и надо уважать независимость каждаго.

Всякое посягательство на нашу природную свободу, всякое принужденіе является преступленіемъ, которое вызываетъ возмущеніе.

Я прекрасно знаю, что мое разсужденіе ничуть не походитъ на политическую экономію, преподаваемую г. Леруа Болье, ни на нравственность Мальтуса, ни на христіанскій соціализмъ Льва XIII, который проповѣдуетъ отказъ отъ богатства среди горъ золота, проповѣдуетъ покорность, провозглашая себя первымъ изъ всѣхъ. Я хорошо знаю, что естественная философія идетъ прямо въ разрѣзъ со всѣми общепризнанными идеями, религіозными, нравственными и политическими. Но торжество ея обезпечено. Она выше всѣхъ философскихъ теорій, выше всѣхъ другихъ нравственныхъ понятій, потому что она не требуетъ для однихъ никакихъ правъ, какихъ бы она не требовала равнымъ образомъ и для другихъ, и потому что, будучи абсолютнымъ равенствомъ, она носитъ въ самой себѣ абсолютную справедливость. Она не приноравливается къ обстоятельствамъ времени и среды и не провозглашаетъ поочередно то хорошимъ, то дурнымъ одинъ и тотъ же поступокъ. Она не имѣетъ ничего общаго съ той двуличной моралью,

которая въ ходу между современными людьми, и по которой одна и та же вещь хороша или дурна, смотря по географической широтѣ и долготѣ.

Она не провозглашаетъ, напримѣръ, что завладѣть чьимъ нибудь достояніемъ, оставивъ на мѣстѣ только трупъ прежняго владѣльца, то возмутительный, то величественный актъ. Возмутительный,—если дѣло происходитъ въ окрестностяхъ Парижа, величественный,—если оно происходитъ въ окрестностяхъ Гюе или Берлина. И такъ какъ она не признаетъ ни наказанія, ни вознагражденія, она не требуетъ эшафота для однихъ, возвеличенія для другихъ. На мѣсто всѣхъ безчисленныхъ и измѣнчивыхъ нравственныхъ правилъ, изобрѣтенныхъ одними съ цѣлью порабощенія другихъ, и уже одной своей численностью доказывающихъ свою хрупкость, она ставитъ естественную справедливость: это незыблемое правило добра и зла, которое не есть чье-нибудь произведеніе, а вытекаетъ изъ внутренняго устройства каждаго. Добро, это то, что для насъ хорошо, что намъ доставляетъ чувство наслажденія. Такъ какъ чувства опредѣляютъ волю, то добро есть то, чего мы хотимъ. Зло есть то, что для насъ плохо, что намъ доставляетъ ощущеніе боли, то, чего мы не хотимъ. „Дѣлай то, чего хочешь“—вотъ единственный законъ, который признаетъ наша справедливость, такъ какъ она провозглашаетъ свободу каждаго при всеобщемъ равенствѣ.

Тѣ, которые думаютъ, что никто не хочетъ работать безъ обязательнаго принужденія, забываютъ, что неподвижность это смерть; что у насъ есть силы, которыя мы постоянно расходуемъ и снова возобновляемъ, и что только дѣятельностью и трудомъ мы сохраняемъ наше здоровье и счастье. Никто не пожелаетъ быть несчастливымъ и больнымъ, слѣдовательно, всѣ должны будутъ занимать всѣ свои органы, чтобы пользоваться *всѣми* своими способностями. Способность, остающаяся безъ употребленія, не существуетъ, и тѣмъ самымъ уменьшается доля счастья въ жизни индивида.

Завтра, также какъ сегодня и какъ вчера, люди будутъ желать счастья: всегда они будутъ расходовать

свою дѣятельность, всегда они будутъ работать. Трудъ всѣхъ будетъ производителемъ общаго богатства, счастье всѣхъ и каждаго увеличится, и каждый будетъ пользоваться роскошью, на которую онъ имѣетъ право. Излишекъ не существуетъ и все, что можетъ существовать, необходимо.

У человѣка не только одно брюхо; у него есть также и мозгъ: онъ нуждается въ книгахъ, картинахъ, статуяхъ, музыкѣ, поэзіи, какъ въ хлѣбѣ, воздухѣ и солнцѣ.

Какъ въ потребленіи, такъ и въ производствѣ онъ долженъ быть ограниченъ только своими въ первомъ случаѣ потребительными, во второмъ производительными способностями. Потребляя по своимъ потребностямъ, онъ долженъ производить по своимъ силамъ. Но кто же лучше его самого можетъ знать его потребности? Кто лучше его можетъ знать его силы? Никто. Слѣдовательно, человѣкъ долженъ производить и потреблять только соотвѣтственно своему желанію.

Человѣчество всегда носило въ себѣ скрытое сознаніе, что именно при коммунизмѣ оно будетъ счастливо и что только при немъ могутъ развернуться всѣ прекрасныя качества человѣческой природы.

Золотой вѣкъ древнихъ былъ основанъ на общей собственности. Поэтамъ и мыслителямъ древнихъ, воспѣвавшимъ далекое прошлое, никогда и въ голову не приходило, чтобы человѣческое счастье было совмѣстимо съ частной собственностью. Посредствомъ предугадыванія или опыта они знали, что все зло и всѣ пороки людскіе вытекаютъ изъ антагонизма интересовъ, созданнаго частнымъ присвоеніемъ. Никогда они не мечтали объ обществѣ безъ войнъ, убійствъ, проституціи, безъ преступленій и пороковъ, которое не было бы въ то же время и безъ собственниковъ.

Мы боремся за свободу и достоинство человѣка, и не хотимъ ни войнъ, ни убійствъ, ни проституціи, ни пороковъ, ни преступленій. Сколько ни зажимайте намъ ротъ, а слово истины разнесется по землѣ и люди встрепенутся при его звукахъ, они поднимутся при крикѣ свободы и сдѣлаются кузнецами сво-

его счастья. Мы сильны въ самой нашей слабости п. ч. мы побѣдимъ, что бы ни случилось съ нами!

Наше порабощеніе учитъ людей, что они имѣютъ право на возмущеніе, наше тюремное заключеніе,— что они имѣютъ право на свободу и наша смерть научитъ ихъ, что они имѣютъ право на жизнь.

Когда мы возвращаемся въ тюрьму, а вы въ ваши семьи, поверхностные умы думаютъ, что мы побѣждены. Ошибка!—Мы люди будущаго, а вы, вы люди прошлаго!

Мы завтрашніе, вы вчерашніе! И ничто не въ состояніи помѣшать, чтобы каждая проходящая минута не приближала насъ къ „завтра“ и не удаляла насъ отъ „вчера“. Всегда „вчера“ хотѣло загородить дорогу къ „завтра“, и всегда оно оставалось побѣжденнымъ въ самой своей побѣдѣ. Время, которое оно тратило на побѣду, приближало его къ пораженію.

Это „вчера“ заставило выпить ядъ Сократа, это оно заставило въ пыткѣ отречься Галлилея, оно сожгло Гусса, Этьена Доле, Вильгельма Пражскаго, Джіордано Бруно; это оно взвело на эшафотъ Гебера, Бабефа, оно засадило въ тюрьму Бланки, разстрѣляло Флуранса и Ферре. Какъ звались судьи Сократа и Галлилея, судьи Іогана Гусса, Вильгельма Пражскаго, Дж. Бруно, Э. Доле, судьи Гебера, Бабефа, Бланки, Флуранса, Ферре? Никто не знаетъ: они—прошлое. Еще во время жизни они уже умерли. У нихъ не было даже славы Герострата. Тогда какъ Сократъ вѣченъ, Галлилей живъ, І. Гуссъ существуетъ, тогда какъ Вильгельмъ Пражскій, Дж. Бруно, Э. Доле, Геберъ, Бабефъ, Бланки, Флурансъ, Ферре живутъ.

Итакъ, мы будемъ счастливы въ своемъ несчастіи, торжествующими въ своей бѣдности, побѣдителями въ своемъ пораженіи. Мы будемъ счастливы, чтобы съ нами ни случилось. Мы увѣрены, что при дуновеніи обновляющей идеи, другіе придутъ къ истинѣ, другіе продолжатъ прерванную нами работу и успѣшно поведутъ ее. Наступитъ день, когда небесное свѣтило, золотящее нивы, будетъ сіять надъ человѣчествомъ безъ армій, безъ пушекъ, безъ границъ, безъ заставъ, безъ тюремъ, безъ судей, безъ полиціи, безъ

законовъ и безъ боговъ, надъ человѣчествомъ, наконецъ то свободнымъ умственно и физически. И люди, примирившіеся съ природой и другъ съ другомъ, смогутъ, наконецъ, утолить свою жажду справедливости во всеобщей гармоніи.

Что въ томъ, что заря этого великаго дня обагрится отблескомъ пожара! Что въ томъ, что въ это утро роса будетъ красной отъ крови!

Буря полезна для очистки воздуха!—Солнце ярче свѣтитъ послѣ грозы!

Оно засіяетъ, заблистаетъ это чудное солнце свободы, и наступитъ день счастья для человѣчества!

И когда счастье каждаго найдетъ себѣ опору въ счастьѣ всѣхъ, никто не будетъ дѣлать больше зла!—Зло не станетъ больше никому приносить пользу, оно не будетъ служить ничьимъ интересамъ.

Человѣчество избавится, наконецъ, отъ преградъ, тормозящихъ ходъ его впередъ. Свободный человѣкъ въ освободившемся человѣчествѣ, безконечно развивая свой умъ, будетъ дѣлать для пользы всѣхъ одни завоеванія за другими!

Загадка, заданная человѣчеству сфинксомъ Революціи: Свобода, Равенство и Братство, найдетъ свою разгадку только въ Анархіи!

ГОСУДАРСТВО, ЕГО РОЛЬ ВЪ ИСТОРІИ *)

I.

Избирая предметомъ этого очерка Государство и ту роль, которую оно играло въ исторіи, я имѣлъ въ виду замѣчаемую теперь потребность въ серьезномъ изслѣдованіи самой идеи государства,—его сущности, его роли въ прошломъ и тэго значенія, которое оно можетъ имѣть въ будущемъ.

Соціалисты разныхъ оттѣнковъ расходятся, главнымъ образомъ, по вопросу о государствѣ. Среди многочисленныхъ фракцій, существующихъ между ними и отвѣчающихъ разницѣ въ темпераментахъ, въ привычкахъ мышленія и, особенно, въ степени довѣрія къ надвигающейся революціи,—можно прослѣдить два главныхъ направленія. На одной сторонѣ стоятъ всѣ тѣ, кто надѣется осуществить соціальную революцію посредствомъ государства, сохраняя большую часть его отправленій и даже расширяя ихъ и пользуясь ими для революціи. А на другой стоятъ тѣ, кто, подобно намъ,

*) Первоначально этотъ очеркъ былъ написанъ, какъ одна изъ лекцій, которыя я долженъ былъ прочесть весною 1896 года въ Парижѣ. Прочесть ихъ мнѣ, однако не удалось, такъ какъ при въѣздѣ во Францію меня заарестовали и изгнали изъ страны. Тогда я нѣсколько разработалъ эту лекцію и составилъ изъ нея предлагаемый очеркъ. *П. К.*

видитъ въ государствѣ,—и не только въ современной, или какой-нибудь другой его формѣ, которую оно можетъ принять, но въ самой сущности его—препятствіе для развитія общества на началахъ равенства и свободы, такъ какъ государство представляетъ историческую форму, выработавшуюся и сложившуюся съ цѣлью помѣшать этому развитію. Люди, стоящіе на такой точкѣ зрѣнія, стремятся поэтому, не преобразовать, а совершенно уничтожить государство.

Различіе, очевидно, очень глубокое. Ему соотвѣтствуютъ два теченія, борющіяся теперь повсюду—и въ философіи, и въ литературѣ, и въ общественной дѣятельности нашего времени. И если ходячія понятія о государствѣ останутся такими же сбивчивыми, каковы онѣ теперь, то вокругъ нихъ и произойдетъ ожесточенная борьба, едва только настанетъ то, надѣюсь, близкое время, когда коммунистическія идеи попытаются осуществить на практикѣ, въ жизни общества.

Поэтому мнѣ кажется, что для насъ, такъ часто нападавшихъ на современное государство, особенно важно выяснить теперь причину его зарожденія, изслѣдовать ту роль, которую оно играло въ прошломъ, и сравнить его съ предшествовавшими ему учрежденіями.

* *
*

Условимся прежде всего въ томъ, что мы разумѣемъ подъ словомъ „государство“. Извѣстно, что въ Германіи существуетъ цѣлая школа писателей, которые постоянно смѣшиваютъ государство съ обществомъ. Такое смѣшеніе встрѣчается даже у серьезныхъ нѣмецкихъ мыслителей, а также и у тѣхъ французскихъ писателей, которые не могутъ представить себѣ общества безъ государственнаго подавленія личной и мѣстной свободы. Отсюда и возникаетъ обычное обвиненіе анархистовъ въ томъ, что они хотятъ „разрушить общество“ и проповѣдуютъ „возвращеніе къ вѣчной войнѣ каждаго со всѣми“.

А между тѣмъ, такое смѣшеніе двухъ, совершенно разныхъ понятій, „государство“ и „общество“, идетъ

въ разрѣзъ со всѣми пріобрѣтеніями, сдѣланными въ области исторіи въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ; въ немъ забывается, что люди жили обществами многія тысячи лѣтъ, прежде чѣмъ создались государства, и что среди современныхъ европейскихъ народностей государство есть явленіе самаго недавняго происхожденія, развившееся лишь съ шестнадцатаго столѣтія,— причемъ самыми блестящими эпохами въ жизни человѣчества были именно тѣ, когда мѣстныя вольности и мѣстная жизнь не были еще задавлены государствомъ, и когда массы людей жили въ общинахъ и въ вольныхъ городахъ.

Государство есть лишь одна изъ тѣхъ формъ, которыя общество принимало въ теченіе своей исторіи. Какимъ же образомъ можно смѣшивать понятія объ обществѣ и государствѣ?

* * *

Съ другой стороны, государство нерѣдко смѣшиваютъ съ правительствомъ. И такъ какъ государство не мыслимо безъ правительства, то иногда говорятъ, что слѣдуетъ стремиться къ уничтоженію государства.

Мнѣ кажется, однако, что государство и правительство представляютъ собою опять-таки два разнородныхъ понятія. Понятіе о государствѣ обнимаетъ собою не только существованіе власти надъ обществомъ, но и сосредоточеніе управленія мѣстною жизнью въ одномъ центрѣ, т. е. территоріальную концентрацію, а также сосредоточеніе многихъ отправленій общественной жизни въ рукахъ немногихъ, или даже всѣхъ. Оно предполагаетъ возникновеніе совершенно новыхъ отношеній между различными членами общества.

Это характерное различіе, ускользающее на первый взглядъ, ясно выступаетъ при изученіи происхожденія государства. И для того чтобы понять государство есть только одинъ способъ: это прослѣдить его историческое развитіе.

* *
*

Древняя Римская Имперія была государствомъ въ точномъ смыслѣ слова. До сихъ поръ она остается идеаломъ всѣхъ законниковъ. Ея органы, какъ сѣтью, покрывали ея обширныя владѣнія. Все сосредоточивалось въ Римѣ: экономическая жизнь, военное управленіе, юридическія отношенія, богатства, образованность и даже религія. Изъ Рима шли законы, судьи, легіоны для защиты территоріи, губернаторы для управленія провинціями, боги. Вся жизнь имперіи восходила къ Сенату, а позднѣе—къ кесарю, всемогущему, всевѣдующему богу имперіи. Въ каждой провинціи, въ каждомъ округѣ былъ свой Капитолій въ миніатюрѣ, своя частица римскаго самодержавія, отъ которой вся мѣстная жизнь получала свое направленіе. Единый законъ, законъ установленный Римомъ, управлялъ имперіей; и эта имперія была не союзомъ гражданъ, а сборищемъ подданныхъ.

Юристы и государственники, даже и въ наще время, восхищаются единствомъ этой имперіи, единымъ духомъ ея законовъ, красотой—говорятъ они — и гармоніей ея организаціи.

И, несмотря на это, внутреннее разложеніе съ одной стороны и вторженіе варваровъ извнѣ съ другой,— т. е. смерть мѣстной жизни, потерявшей способность противостоять нападенію извнѣ, а также испорченность въ самомъ народѣ, распространявшаяся отъ центра,— привели къ распаденію имперіи, на развалинахъ которой зародилась и развилась новая цивилизація,—наша цивилизація.

Если, оставляя въ сторонѣ древнюю исторію Востока, мы обратимся къ изученію происхожденія и роста этой молодой варварской цивилизаціи, вплоть до періода, когда она породила въ свою очередь наши современныя государства, то сущность государства станетъ намъ совершенно ясной, яснѣе даже, если бы мы погрузились въ изученіе Римской имперіи, Македонскаго царства и деспотическихъ монархій Востока.

II.

Большинство философовъ прошлаго столѣтія объясняло происхожденіе человѣческихъ обществъ очень просто.

Вначалѣ, говорили они, люди жили маленькими семьями, и постоянная вражда между этими семьями была обычнымъ, нормальнымъ состояніемъ. Но въ одинъ прекрасный день, люди, убѣдившись въ неудобствахъ этой безконечной борьбы, рѣшили образовать общество. Разъединенныя семьи согласились между собою, заключили общественный договоръ и добровольно подчинились власти, которая—со школьной скамьи насъ такъ учили — сдѣлалась отнынѣ источникомъ и началомъ всяческаго прогресса въ человѣчествѣ. Наши теперешнія правительства и до сего дня олицетворяютъ эту благороднѣйшую роль соли земли, роль умиротворителей и цивилизаторовъ рода человѣческаго. Такъ значится, по крайней мѣрѣ, во всѣхъ учебникахъ и даже во многихъ философскихъ трактатахъ.

Возникнувши въ эпоху, когда о происхожденіи человѣка было извѣстно еще очень мало, эта теорія господствовала въ продолженіе всего прошлаго столѣтія. И мы должны признать, что въ рукахъ энциклопедистовъ и Руссо, идея „общественнаго договора“ была могучимъ орудіемъ въ борьбѣ съ божественнымъ правомъ королей. Но тѣмъ не менѣе, какія бы услуги эта теорія ни оказала въ прошедшемъ, въ настоящее время она должна быть признана ошибочной и отвергнута.

На самомъ дѣлѣ, всѣ животныя, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ хищниковъ и нѣкоторыхъ вымирающихъ видовъ, живутъ обществами. Въ борьбѣ за существованіе виды животныхъ, живущихъ обществами, имѣютъ всегда преимущество передъ необщественными видами. Въ каждомъ классѣ животныхъ они занимаютъ вершину лѣстницы, и теперь не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что первыя человѣкоподобныя существа уже жили обществами. Общество не было вы-

думано человѣкомъ; оно существовало раньше появленія первыхъ человѣкоподобныхъ существъ *).

* * *

Мы также знаемъ теперь—антропологія вполнѣ доказала это,—что исходнымъ пунктомъ для человѣчества послужила не обособленная семья, а родъ или племя. Патріархальная семья, въ томъ видѣ, какъ она существуетъ у насъ, или какъ мы находимъ ее въ древне-еврейскихъ преданіяхъ, явилась уже гораздо позднѣе. Раньше этого, десятки тысячъ лѣтъ люди жили родами или племенами, и въ теченіе этого первоначальнаго періода—будемъ, если угодно, называть его періодомъ дикихъ или первобытныхъ племенъ—въ человѣчествѣ выработался уже цѣлый рядъ учрежденій, обычаевъ или общественныхъ привычекъ, задолго предшествовавшихъ учрежденіямъ патріархальной семьи.

Въ первобытномъ племени, обособленной семьи не существовало, точно также какъ ея не существуетъ среди многихъ другихъ млекопитающихъ, живущихъ обществами. Племя дѣлилось скорѣе по поколѣніямъ, и съ самыхъ дальнихъ временъ, теряющихся въ темной глубинѣ до-исторіи человѣческаго рода, возникали ограниченія, недопускавшія брачныхъ союзовъ между мужчинами и женщинами разныхъ поколѣній и дозволявшія ихъ только внутри одного и того же поколѣнія. Слѣды этого періода можно еще и теперь встрѣтить среди нѣкоторыхъ племенъ, а также ихъ находятъ въ языкахъ, нравахъ и суевѣріяхъ народовъ, стоящихъ даже на гораздо болѣе высокомъ уровнѣ развитія.

Племя сообща охотилось и собирало служившія въ пищу растенія, а затѣмъ, утоливъ свой голодъ, дикари со страстью предавались своимъ драматическимъ танцамъ. До сихъ поръ мы находимъ на окраинахъ нашихъ материковъ и въ наименѣе доступныхъ горныхъ областяхъ племена, недалеко ушедшія отъ этой первобытной ступени.

*) Болѣе полное изложеніе этихъ взглядовъ можно найти въ моей книгѣ, Mutual Aid, 2-е изданіе 1904; въ нѣмецкомъ переводѣ, Gegenseitige Hilfe. Leipzig, 1904.

Накопленіе частной собственности въ этотъ періодъ было невозможно, потому что все, принадлежавшее лично отдѣльному члену племени, послѣ его смерти сжигалось или уничтожалось вмѣстѣ съ трупомъ. Это до сихъ поръ практикуется, даже въ Англіи, среди цыганъ; слѣды же этого обычая мы находимъ въ похоронныхъ церемоніяхъ у всѣхъ такъ называемыхъ цивилизованныхъ народовъ: китайцы сжигаютъ сдѣланныя изъ бумаги изображенія тѣхъ вещей, которыми владѣлъ умершій, а у насъ за умершимъ военнымъ ведутъ его коня и несутъ его шпагу и ордена. Смыслъ этихъ обычаевъ утраченъ; сохранилась одна форма.

* * *

Эти первобытные люди не только не презирали человѣческой жизни, а, напротивъ того, испытывали отвращеніе къ убійству и кровопролитію. Пролить кровь— и не только кровь человѣка, но даже нѣкоторыхъ животныхъ, напр. медвѣдя,—считалось такимъ большимъ преступленіемъ, что за каждую каплю пролитой крови виновный въ этомъ долженъ былъ поплатиться соотвѣтственнымъ количествомъ своей крови.

Убійство члена своего племени было, такимъ образомъ, дѣломъ совершенно неизвѣстнымъ; мы видимъ это теперь, напр. у инуитовъ или эскимосовъ, которые представляютъ собою остатки людей каменнаго вѣка, еще до сихъ поръ уцѣлѣвшіе въ полярныхъ областяхъ. Но когда племенамъ, различнымъ по происхожденію, по цвѣту и по языку, случалось, во время своихъ странствій, сталкиваться между собою, между ними дѣйствительно нерѣдко происходили войны. Правда, что уже въ тѣ времена люди старались по возможности смягчить эти столкновенія, какъ показали изслѣдованія Мэна, Поста, Ниса и др.; уже и тогда обычай начиналъ вырабатывать то, изъ чего впослѣдствіи должно было возникнуть международное право. Такъ, напримѣръ, нельзя было нападать на деревню, не предупредивши объ этомъ ея жителей; также никто никогда не смѣлъ убивать на тропинкахъ, по которымъ женщины ходили за водой. А при заключеніи мира, у

нѣкоторыхъ племенъ излишекъ убитыхъ на одной изъ сторонъ вознаграждался соотвѣтственной платой съ другой.

Одно общее начало господствовало тогда надъ всѣми остальными: „Ваши убили или ранили одного изъ нашихъ, поэтому мы вправѣ убить одного изъ вашихъ, или нанести ему совершенно такую же рану“ — все равно кому, потому что за всякій поступокъ каждаго изъ своихъ членовъ отвѣчало все племя. Извѣстное библейское изреченіе — „кровь за кровь, око за око, зубъ за зубъ, рана за рану и жизнь за жизнь“ („но отнюдь не болѣе“, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ Кенигсвартеръ), произошло отъ этого же обычая! Таково было понятіе этихъ людей о справедливости, и намъ нечего особенно гордиться передъ ними: принципъ — „жизнь за жизнь“, до сихъ поръ еще царящій въ нашихъ уголовныхъ законахъ, — ничто иное, какъ одно изъ многочисленныхъ переживаній.

Такимъ образомъ, уже въ этотъ первобытный періодъ выработался цѣлый рядъ общественныхъ учрежденій (многія изъ нихъ я оставляю въ сторонѣ), и сложилось цѣлое уложеніе (конечно устное) племенной нравственности. И для поддержанія этого ядра общественныхъ привычекъ достаточно было силы обычая, привычки и преданія: никакой другой власти не существовало.

У первобытныхъ людей были, конечно, свои временные вожди. Колдуны и призыватели дождя—иначе, ученые того времени—старались воспользоваться своимъ дѣйствительнымъ или кажущимся знаніемъ природы для того, чтобы управлять своими соплеменниками. Точно также пріобрѣтали вліяніе и силу и тѣ, кто лучше другихъ запоминалъ поговорки и пѣсни, въ которыхъ воплощалось преданіе. Уже тогда „знающіе“ старались удержать за собой право на управленіе людьми, не передавая своихъ знаній никому, кромѣ избранныхъ. Всѣ религіи, и даже всѣ искусства и всѣ ремесла были, какъ мы знаемъ, вначалѣ окружены различными „таинствами“.

Такимъ же образомъ, во время столкновеній между племенами и во время переселеній, наиболѣе храбрый,

смѣлый, а въ особенности, наиболѣе хитрый, естественно, становился временнымъ вождемъ. Но союза между хранителемъ „закона", военнымъ вождемъ и колдуномъ тогда еще не было, а потому о существованіи среди этихъ первобытныхъ племенъ государства такъ же не можетъ быть рѣчи, какъ о существованіи его въ обществахъ пчелъ и муравьевъ, или у современныхъ намъ патагонцевъ и эскимосовъ.

* * *

А между тѣмъ, въ этомъ состояніи люди жили многія тысячи лѣтъ; его пережили и варвары, разорившіе Римскую имперію: въ то время они только что выходили изъ него.

Въ первые вѣка нашего лѣтосчисленія, среди племенъ и союзовъ племенъ, населявшихъ среднюю и сѣверную Азію, произошло громадное передвиженіе. Цѣлые потоки народовъ, тѣснимые болѣе или менѣе образованными сосѣдями, шли съ азіатскихъ плоскогорій— откуда ихъ гнало, вѣроятно, быстрое высыханіе рѣкъ и озеръ — устремляясь въ равнины, на западъ, на Европу, тѣсня другъ друга, смѣшиваясь и переплетаясь другъ съ другомъ.

Во время этихъ передвиженій, когда столько племенъ, различныхъ по происхожденію и по языку, смѣшались между собою, тотъ первобытный племенной бытъ, который существовалъ тогда у большинства дикихъ туземцевъ Европы, неизбѣжно долженъ былъ распасться. Первобытный племенной союзъ былъ основанъ на общности происхожденія, на поклоненіи общимъ предкамъ. Но какая же могла быть общность происхожденія между группами, образовавшимися въ хаосѣ переселеній, въ войнахъ между различными племенами, причемъ среди нѣкоторыхъ племенъ кое-гдѣ зарождалась уже патріархальная семья, образовавшаяся благодаря захвату нѣсколькими лицами женщинъ, отнятыхъ или похищенныхъ у сосѣднихъ племенъ?

Старыя связи были порваны, и чтобы избѣгнуть совершенной гибели (участь, которая въ дѣйствительности и постигла многія племена, съ того времени

совершенно исчезнувшія для исторіи), приходилось создавать новыя связи. И онѣ возникли. Ихъ нашли въ общинномъ владѣніи з е м л е й, т. е. тою областью, на которой каждое племя наконецъ осѣло.

Владѣніе сообща извѣстной областью, той или другой долиной, тѣми или другими холмами, сдѣлалось основаніемъ новаго соглашенія. Боги-предки потеряли всякое значеніе, ихъ мѣсто заняли новые, мѣстные боги долинъ, рѣкъ и лѣсовъ, которые и дали религіозное освященіе новымъ союзамъ. Позднѣе, христіанство, всегда готовое приноравливаться къ остаткамъ язычества, создало изъ нихъ мѣстныхъ святыхъ.

Съ этихъ поръ сельская община, состоящая вполнѣ или отчасти изъ обособленныхъ семей, соединенныхъ однако же общимъ владѣніемъ землей, сдѣлалась на всѣ послѣдующіе вѣка необходимымъ связующимъ основаніемъ народнаго союза. На громадныхъ пространствахъ восточной Европы, Азіи и Африки сельская община существуетъ и до сихъ поръ. Подъ такимъ же строемъ жили и варвары, разрушившіе Римскую имперію—германцы, скандинавцы, славяне и т. д. И благодаря изученію варварскихъ законовъ *), а также обычаевъ и законовъ, господствующихъ среди современныхъ намъ союзовъ сельскихъ общинъ у кабиловъ, монголовъ, индусовъ, африканцевъ и другихъ народовъ, стало возможнымъ возстановить во всей ея полнотѣ ту форму общества, которая послужила исходной точкой нашей современной цивилизаціи.

Всмотримся же поближе въ эти учрежденія.

---

*) Подъ этимъ названіемъ обыкновенно разумѣютъ уцѣлѣвшіе памятники древняго права Лангобардовъ, Баварцевъ и т. д., къ которымъ принадлежитъ и наша «Русская Правда Ярослава».—Ради краткости я пропускаю „надѣленую семью“,—чрезвычайно распространенную бытовую форму, встрѣчающуюся въ Индіи, составляющую основу жизни въ Китаѣ, а у насъ встрѣчающуюся среди „семейскихъ“, т. е. раскольниковъ на Забайкальѣ. Она стоитъ между родомъ и сельскою общиною.

III.

Сельская община состояла въ прежнія времена,—какъ состоитъ и теперь—изъ отдѣльныхъ семей, которыя, однако же, въ каждой деревнѣ владѣли землею сообща. Онѣ смотрѣли на нее, какъ на общее наслѣдіе и распредѣляли ее между собою, смотря по величинѣ семей, по ихъ нуждамъ и силамъ. Сотни милліоновъ людей и до сихъ поръ еще живутъ при такомъ порядкѣ въ Восточной Европѣ, въ Индіи, на Явѣ и въ другихъ мѣстахъ. Такимъ же образомъ устроились и въ наше время русскіе крестьяне, когда государство предоставило имъ свободу населять, какъ они хотятъ, огромныя пространства Сибири.

Вначалѣ обработка земли также происходила сообща,—и во многихъ мѣстахъ этотъ обычай сохранился еще до сихъ поръ,—по крайней мѣрѣ, при обработкѣ нѣкоторыхъ участковъ общинной земли. Точно также свозка лѣса и расчистка чищобъ, постройка укрѣпленій или „городковъ“ или башенъ, которыя служили убѣжищемъ въ случаѣ нашествія—все это дѣлалось сообща, какъ и до сихъ поръ еще дѣлается сотнями милліоновъ крестьянъ тамъ, гдѣ сельской общинѣ удалось устоять противъ вторженія государства. Но, выражаясь современнымъ языкомъ, „потребленіе“ происходило посемейно,—каждая семья имѣла свой скотъ, свой огородъ и свои запасы, такъ что могла уже накоплять и передавать накопленное по наслѣдству. Во всѣхъ дѣлахъ міръ имѣлъ верховную власть. Мѣстный обычай былъ закономъ; а общее собраніе всѣхъ главъ семействъ—мужчинъ и женщинъ—было судьей, и притомъ единственнымъ судьей, и по гражданскимъ, и по уголовнымъ дѣламъ. Обиженному общиннику достаточно было воткнуть свой ножъ въ землю на томъ мѣстѣ, гдѣ міръ обыкновенно собирался, и міръ былъ обязанъ „постановить приговоръ“ на основаніи мѣстнаго обычая, послѣ того, какъ свидѣтели обѣихъ сторонъ установятъ подъ присягой фактъ обиды.

* * *

Трудно было бы изложить здѣсь все то, что представляетъ интереснаго эта ступень развитія общественности. Достаточно сказать, что всѣ учрежденія, которыми различныя государства впослѣдствіи воспользовались въ интересахъ меньшинства, всѣ понятія о правѣ, которыя мы находимъ въ нашихъ законахъ (искаженныя къ выгодѣ опять-таки меньшинства), и всѣ формы судебной процедуры, насколько онѣ охраняютъ личность, получили свое начало въ общинномъ бытѣ. Такъ что, когда мы воображаемъ, что сдѣлали большой шагъ впередъ, вводя у себя, напримѣръ, судъ присяжныхъ,—мы, въ дѣйствительности, только возвращаемся къ учрежденію варваровъ, претерпѣвшему рядъ измѣненій въ пользу правящихъ классовъ. Римское право было ничѣмъ инымъ, какъ надстройкою надъ правомъ обычнымъ.

Одновременно съ этимъ, благодаря обширнымъ добровольнымъ союзамъ сельскихъ общинъ, развивалось и сознаніе ихъ національнаго единства.

* * *

Основанная на общемъ владѣніи землею, а нерѣдко и на общей ея обработкѣ, обладающая верховной властью, и судебною, и законодательною на основаніи обычнаго права—сельская община удовлетворяла большей части общественныхъ потребностей своихъ членовъ.

Но не всѣ нужды были удовлетворены; оставались еще такія, которымъ нужно было искать удовлетворенія. Но духъ того времени былъ таковъ, что человѣкъ не обращался къ правительству, какъ только возникнетъ какая-нибудь новая потребность, а самъ бралъ починъ и создавалъ по соглашенію съ другими союзъ, общество, большихъ или малыхъ размѣровъ, многочисленное или малочисленное, чтобы удовлетворить эту

вновь народившуюся потребность. И дѣйствительно, общество того времени было буквально покрыто сѣтью клятвенныхъ братствъ, союзовъ для взаимопомощи, задругъ,—какъ внутри сельской общины, такъ и внѣ ея, въ союзѣ общинъ. Мы можемъ наблюдать эту ступень развитія и проявленіе этого духа даже теперь, среди тѣхъ варваровъ, союзы которыхъ не были поглощены государствами, сложившимися по римскому, или вѣрнѣе, по византійскому типу. Такъ, у кабиловъ, напримѣръ, довольно хорошо сохранилась сельская община со всѣми только что упомянутыми ея отправленіями. Но у человѣка существуетъ потребность распространить свою дѣятельность и за тѣсные предѣлы своей деревни. Одни отправляются странствовать по свѣту, въ поискахъ за приключеніями, въ качествѣ купцовъ; другіе берутся за то или другое ремесло, за то или другое искусство. Такъ вотъ, тѣ и другіе, купцы и ремесленники соединяются между собою въ „братства", даже если они принадлежатъ къ различнымъ деревнямъ, племенамъ или союзамъ общинъ. Союзъ необходимъ имъ для взаимной защиты въ далекихъ странствованіяхъ, для передачи другъ другу секретовъ ремесла—и они соединяются. Они приносятъ клятву въ братствѣ и дѣйствительно практикуютъ его—на удивленіе европейцамъ—на дѣлѣ, а не только на словахъ.

Помимо этого, съ кѣмъ бѣды не случается? Обыкновенно тихій и спокойный человѣкъ, быть можетъ, завтра въ какой-нибудь дракѣ переступитъ границы, положенныя правилами приличія и общежитія, нанесетъ кому нибудь раны или увѣчье. А въ такомъ случаѣ придется уплатить раненому или обиженному очень тяжелое вознагражденіе; обидчикъ долженъ будетъ защищаться передъ деревенскимъ судомъ и возстановить истину при помощи свидѣтельствующихъ подъ присягой, шести, десяти или двѣнадцати „соприсягателей". Это—еще одна причина, почему ему важно вступить въ какое-нибудь братство.

Мало того, у людей является потребность потолковать о политикѣ, можетъ быть даже поинтриговать, потребность распространять то или иное нравственное убѣжденіе, тотъ или другой обычай. Наконецъ, внѣш-

ній миръ также требуетъ охраны; приходится заключать союзы съ сосѣдними племенами, устраивать обширныя федераціи, распространять понятія между-племенного права... И вотъ, для удовлетворенія всѣхъ этихъ нравственныхъ и умственныхъ потребностей, кабилы, монголы, малайцы и проч. не обращаются ни къ какому правительству,—да у нихъ его нѣтъ; они—люди обычнаго права и личнаго почина, не испорченные на все готовыми правительствомъ и церковью. Они поэтому соединяются прямо; они образуютъ братства, политическія и религіозныя общества, союзы ремеслъ—гильдіи, какъ ихъ называли въ средніе вѣка въ Европѣ, или софы, какъ ихъ называютъ теперь кабилы. И эти софы выходятъ далеко за предѣлы своей деревни; они распространяются въ далекихъ пустыняхъ и чужеземныхъ городахъ; и въ этихъ союзахъ, дѣйствительно, практикуется братство. Отказать въ помощи члену своего софа, даже если бы для этого пришлось рискнуть всѣмъ своимъ имуществомъ и самою жизнью,—значитъ стать измѣнникомъ „братству“: съ такимъ человѣкомъ обращаются какъ съ убійцей „брата“.

* *
*

То, что мы находимъ теперь среди кабиловъ, монголовъ, малайцевъ и т. д., было существенной чертой общественной жизни такъ-называемыхъ варваровъ въ Европѣ, отъ пятаго до двѣнадцатаго, и даже до пятнадцатаго вѣка. Подъ именемъ гильдій, задругъ, университатовъ (universitas) и т. п. повсюду существовало множество союзовъ для самыхъ разнообразныхъ цѣлей; для взаимной защиты и для совмѣстнаго наказанія обидчика; для замѣны мести „око за око“ вознагражденіемъ за обиду, послѣ чего обидчикъ обыкновенно принимался въ братство; для совмѣстной работы въ своемъ ремеслѣ, для взаимной помощи во время болѣзни, для защиты территоріи, для сопротивленія нарождавшейся внѣшней власти, для торговли, для поддержанія добраго сосѣдства, для распространенія тѣхъ или другихъ идей—однимъ словомъ, для всего того, зачѣмъ современный европеецъ, воспитавшійся

на завѣтахъ кесарьскаго и папскаго Рима, обыкновенно, обращается къ государству. Очень сомнительно даже, можно ли было въ тѣ времена найти хоть одного человѣка — свободнаго или крѣпостного, — за исключеніемъ, конечно, изгнанныхъ изъ братствъ—изгоевъ,— который не принадлежалъ бы къ какимъ-нибудь союзамъ или гильдіямъ, помимо своей общины. Въ скандинавскихъ сагахъ воспѣваются дѣла этихъ братствъ; „безпредѣльная вѣрность побратимовъ“ составляетъ предметъ лучшихъ изъ этихъ эпическихъ пѣсенъ, между тѣмъ какъ церковь и нарождающаяся королевская власть, представительницы вновь всплывшаго Византійскаго или Римскаго Закона, обрушиваются на нихъ своими проклятіями и указами, которые къ счастью остаются мертвой буквой.

Вся исторія того времени теряетъ свой смыслъ и дѣлается совершенно непонятной, если не принимать въ разсчетъ этихъ союзовъ братьевъ и сестеръ, которые возникали повсюду для удовлетворенія самыхъ разнообразныхъ нуждъ, какъ экономической, такъ и духовной жизни человѣка.

Чтобы понять громадный шагъ впередъ, сдѣланный во время существованія этихъ двухъ учрежденій—сельской общины и свободныхъ братствъ — внѣ всякаго вліянія со стороны Рима, христіанства, или государства—достаточно сравнить Европу, какою она была во время нашествія варваровъ, съ тѣмъ, чѣмъ она стала въ десятомъ или одиннадцатомъ вѣкѣ.

За эти пятьсотъ или шестьсотъ лѣтъ, человѣкъ успѣлъ покорить дѣвственные лѣса и заселить ихъ; страна покрылась деревнями, окруженными полями и изгородями, и находящимися подъ защитой укрѣпленныхъ городковъ; между ними, черезъ лѣса и болота, проложены тропы. Въ этихъ деревняхъ мы находимъ уже зачатки различныхъ ремеслъ и цѣлую сѣть учрежденій для поддержанія внутренняго и внѣшняго мира. За убійство или нанесеніе ранъ сельчане уже не мстятъ убійствомъ обидчика или кого-нибудь изъ его родныхъ, или нанесеніемъ имъ соотвѣтственныхъ ранъ, какъ это дѣлалось въ былыя времена. Бывшіе дружинники—бояре и дворяне—еще держатся этого устарѣ-

лаго правила (и въ этомъ причина ихъ безконечныхъ войнъ), но у крестьянъ уже вошло въ обычай платить вознагражденіе за обиду, послѣ чего миръ возстановляется, и обидчикъ, если не всегда, то въ большинствѣ случаевъ, принимается въ семью обиженнаго.

Во всѣхъ спорахъ и тяжбахъ мы находимъ здѣсь третейскій судъ, какъ глубоко укоренившееся учрежденіе, вполнѣ вошедшее въ ежедневный обиходъ, наперекоръ епископамъ и нарождающимся князьямъ, которые требуютъ, чтобы каждая тяжба разбиралась ими, или ихъ ставленниками, чтобы имѣть, такимъ образомъ, возможность взимать въ свою пользу ту пеню, которую міръ налагалъ на нарушителей общественнаго спокойствія.

Наконецъ, сотни селъ объединяются уже въ могучіе союзы—зачатки будущихъ европейскихъ н а ц і й,— которые клятвою обязуются поддерживать внутренній миръ, считаютъ занимаемую ими землю общимъ наслѣдіемъ и заключаютъ между собою договоры для взаимной защиты. Такіе союзы мы встрѣчаемъ еще и до сихъ поръ у монгольскихъ, тюрко-финскихъ и малайскихъ племенъ.

* * *

Тѣмъ не менѣе черныя точки мало по малу начинаютъ собираться на горизонтѣ. Рядомъ съ этими союзами возникаютъ другіе союзы — союзы правящаго меньшинства, которые пытаются превратить этихъ свободныхъ людей въ крѣпостныхъ, въ подданныхъ. Римъ погибъ, но его преданія оживаютъ: съ другой стороны, и христіанская „церковь“, мечтающая о восточныхъ всемогущихъ церковныхъ государствахъ, охотно оказываетъ свою поддержку нарождающейся гражданской и военной власти.

Человѣкъ далеко не такой кровожадный звѣрь, какимъ его обыкновенно представляютъ, чтобы доказать необходимость господства надъ нимъ; онъ, наоборотъ, всегда любилъ спокойствіе и миръ. Иногда онъ, можетъ быть, и не прочь подраться, но онъ не кровожаденъ по природѣ и во всѣ времена предпочиталъ скотовод-

ство и обработку земли военнымъ похожденіямъ. Вотъ почему, какъ только крупныя передвиженія варваровъ начали ослабѣвать, какъ только толпы пришельцевъ осѣли болѣе или менѣе на занятыхъ ими земляхъ, мы видимъ, что забота о защитѣ страны отъ новыхъ пришельцевъ и воителей поручается одному человѣку, который набираетъ себѣ небольшую дружину изъ искателей приключеній, привыкшихъ къ войнамъ, или прямо разбойниковъ, тогда какъ остальная масса народа занимается разведеніемъ скота или обработкой земли.

Затѣмъ, мало по малу „защитникъ“ начинаетъ уже накоплять богатства: бѣдному дружиннику онъ даетъ лошадь и оружіе (стоившее тогда очень дорого) и такимъ образомъ порабощаетъ его; онъ пріобрѣтаетъ первые зачатки власти. Съ другой стороны, большинство начинаетъ забывать преданія, служившія ему закономъ; изрѣдка лишь какой-нибудь старикъ, удержавшій въ памяти тѣ разсказы о прежнихъ случаяхъ рѣшенія, изъ которыхъ складывается обычное право, поетъ о нихъ пѣсни или разсказываетъ были народу во время большихъ общинныхъ праздниковъ. Тогда, мало по малу обособляются семьи, которыя дѣлаютъ какъ бы своимъ ремесломъ, переходящимъ отъ отца къ сыну, запоминаніе этихъ стиховъ и пѣсенъ, т. е. сохраненіе „закона“ во всей его чистотѣ. Къ нимъ обращаются сельчане за разрѣшеніемъ запутанныхъ споровъ и тяжбъ, особенно, когда двѣ деревни или два союза деревень отказываются признать рѣшеніе третейскихъ судей, выбранныхъ изъ ихъ среды.

Въ этихъ семьяхъ гнѣздятся уже зачатки княжеской или королевской власти, и чѣмъ больше изучаешь учрежденія того времени, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ томъ, что знаніе обычнаго права способствовало больше пріобрѣтенію этой власти, чѣмъ сила оружія. Люди дали себя покорить гораздо больше изъ-за желанія „наказать“ обидчика „по закону“, чѣмъ вслѣдствіе прямого покоренія оружіемъ.

Такимъ образомъ создается первое „объединеніе властей“—первое общество для взаимнаго обезпеченія совмѣстнаго господства—то-есть, союзъ между судьей и военноначальникомъ, какъ сила враждебная сельской

общинѣ. Обѣ эти должности соединяются въ одномъ лицѣ, которое окружаетъ себя вооруженными людьми, чтобы приводить въ исполненіе судебные приговоры, укрѣпляется въ своей крѣпости, начинаетъ накоплять и сохранять за своей семьей богатства того времени, т. е. хлѣбъ, скотъ, оружіе, и мало по малу утверждаетъ свое господство надъ сосѣдними крестьянами. Ученые люди того времени, т. е. знахари, волхвы и попы, оказываютъ ему поддержку и получаютъ свою долю власти; присоединяя силу меча къ грозному могуществу колдуна, они пытаются утвердить власть за собой.

Не одну книжку, а цѣлый рядъ книгъ потребовалось бы на то, чтобы изложить подробно этотъ въ высшей степени важный предметъ, и разсказать, какъ должно, почему свободные люди превратились постепенно въ крѣпостныхъ, обязанныхъ работать на своихъ свѣтскихъ или духовныхъ господъ; какъ понемногу и какъ бы ощупью создавалась власть надъ деревнями и городами; какъ соединялись и возставали крестьяне, пытаясь бороться противъ этого растущаго господства, и какъ они были побѣждаемы въ борьбѣ противъ крѣпкихъ стѣнъ замковъ, и противъ охраняющихъ ихъ, съ головы до ногъ вооруженныхъ людей.

Довольно будетъ сказать, что около одиннадцатаго вѣка Европа видимо шла по пути къ образованію варварскихъ монаркій, подобныхъ тѣмъ, какія мы находимъ теперь напр. въ Африкѣ, или церковныхъ государствъ (теократій), въ родѣ тѣхъ, которыя встрѣчаются въ исторіи Востока. Это не могло, конечно, произойти сразу; но во всякомъ случаѣ, зачатки такихъ деспотическихъ королевствъ и теократій уже были на лицо, и имъ оставалось только развиваться все больше и больше...

Къ счастью, однако, тотъ „варварскій“ духъ скандинавовъ, саксовъ, кельтовъ, германцевъ и славянъ, который въ теченіе семи или восьми вѣковъ заставлялъ ихъ искать удовлетворенія своихъ нуждъ путемъ свободнаго соглашенія братствъ и гильдій,—еще жилъ въ деревняхъ, городахъ и мѣстечкахъ. Варвары, правда, позволили поработить себя и уже работали на господъ,

но духъ свободнаго почина и свободнаго соглашенія еще не былъ въ нихъ убитъ. Ихъ союзы оказались въ высшей степени живучими, а крестовые походы только способствовали ихъ пробужденію и развитію въ Западной Европѣ.

И вотъ, въ двѣнадцатомъ столѣтіи по всей Европѣ вспыхиваетъ съ замѣчательнымъ единодушіемъ возстаніе городкихъ общинъ, задолго до того подготовленное этимъ федеративнымъ духомъ, и выросшее на почвѣ соединенія ремесленныхъ гильдій съ сельскими общинами.

Это возстаніе, которое большая часть оффиціальныхъ историковъ предпочитаетъ замалчивать, спасло Европу отъ грозившей ей опасности. Оно остановило развитіе теократическихъ и деспотическихъ монархій, въ которыхъ наша цивилизація, вѣроятно, погибла бы послѣ нѣсколькихъ вѣковъ пышнаго показнаго могущества, какъ погибли цивилизаціи Месопотаміи, Ассиріи и Вавилона. Этой революціей началась новая полоса жизни—полоса свободныхъ городскихъ общинъ.

IV.

Не удивительно, что современные историки, воспитанные въ духѣ римскаго права и привыкшіе смотрѣть на Римъ, какъ на источникъ всѣхъ учрежденій, не могутъ понять духа коммуналистическаго движенія двѣнадцатаго вѣка. Это смѣлое признаніе правъ личности и образованіе общества путемъ свободнаго соединенія людей въ деревни, города и союзы — было рѣшительнымъ отрицаніемъ того духа единства и централизаціи, которымъ отличался древній Римъ, и которымъ проникнуты всѣ историческія представленія современной оффиціальной науки.

Возстаніе двѣнадцатаго столѣтія нельзя приписать, ни какой-нибудь выдающейся личности, ни какому-нибудь центральному учрежденію. Оно представляетъ собою естественное явленіе роста человѣчества, подобное родовому строю и деревенской общинѣ; оно при-

надлежитъ не какому-нибудь одному народу или какой-нибудь области, а извѣстной ступени человѣческаго развитія.

Вотъ почему оффиціальная наука не можетъ понять смысла этого движенія, и потому во Франціи Огюстенъ Тьерри и Сисмонди, оба писавшіе въ началѣ 19-го столѣтія и дѣйствительно понимавшіе этотъ періодъ, до настоящаго времени не имѣли послѣдователей. Теперь только Люшеръ попытался — и то очень несмѣло, слѣдовать по пути, указанному великимъ историкомъ меровингскаго и коммуналистическаго періода (Ог. Тьерри). Потому же и въ Германіи изслѣдованія этого періода и смутное пониманіе его духа только теперь выдвигаются впередъ. Въ Англіи, вѣрную оцѣнку этихъ вѣковъ можно найти только у поэта Уильяма Мориса, а не у историковъ, за исключеніемъ развѣ Грина, который только подъ конецъ своей жизни началъ понимать его. Въ Россіи же, гдѣ, какъ извѣстно, вліяніе римскаго права менѣе глубоко, Бѣляевъ, Костомаровъ, Сергѣевичъ и нѣкоторые другіе превосходно поняли духъ вѣчевого періода.

* * *

Средневѣковая община составилась, съ одной стороны изъ сельской общины, а съ другой, изъ множества союзовъ и гильдій, существовавшихъ внѣ территоріальныхъ границъ. Она образовалась изъ федераціи этихъ двухъ родовъ союзовъ, подъ защитой городскихъ стѣнъ и башень.

Во многихъ мѣстахъ она явилась, какъ результатъ медленнаго роста. Въ другихъ же — какъ во всей Западной Европѣ — она была результатомъ революціи. Когда жители того или другого мѣстечка чувствовали себя въ достаточной безопасности за своими стѣнами, они составляли „со-присягательство“ (con-juration). Члены его клялись забыть всѣ прежнія дѣла объ обидахъ, дракахъ, или увѣчіяхъ, а въ будущемъ не прибѣгать, въ случаѣ ссоры, ни къ какому другому судьѣ, кромѣ выбранныхъ ими самими гильдейскихъ или городскихъ синдиковъ.

Во всякомъ ремесленномъ союзѣ, во всякой гильдіи добрыхъ сосѣдей, во всякой задругѣ, этотъ обычай существовалъ издавна. Тоже было и въ сельской общинѣ, пока епископу или князю не удалось ввести въ нее, а впослѣдствіи навязать силою своихъ судей. Теперь всѣ слободы и приходы, вошедшіе въ составъ города, вмѣстѣ съ братствами и гильдіями, создавшимися въ немъ, составляли amitas („дружбу“), выбирали своихъ судей и клялись быть вѣрными возникшему постоянному союзу между всѣми этими группами.

Наскоро составлялась и принималась хартія. Иногда посылали для образца за хартіей въ какой-нибудь сосѣдній городъ (мы знаемъ теперь сотни такихъ хартій) — и новая община была создана. Епископу или князю, которые до сихъ поръ вершили судъ среди общинниковъ и часто дѣлались ихъ господами, — теперь оставалось только признать совершившійся фактъ, или же бороться противъ молодого союза оружіемъ. Нерѣдко король, т. е. такой князь, который старался добиться главенства надъ другими князьями, и казна котораго была всегда пуста, „жаловалъ“ хартію за деньги. Онъ отказывался этимъ отъ назначенія общинѣ *своего* судьи, но вмѣстѣ съ тѣмъ возвышался, пріобрѣталъ больше значенія передъ другими феодальными баронами, какъ покровитель такихъ-то городовъ. Но это далеко не было общимъ правиломъ; сотни вольныхъ городовъ жили безъ всякаго другого права, кромѣ собственной воли, подъ защитой своихъ стѣнъ и копій.

* * *

Въ теченіе одного столѣтія это движеніе распространилось (нужно замѣтить путемъ подраженія) съ замѣчательнымъ единодушіемъ по всей Европѣ. Оно охватило Шотландію, Францію, Нидерланды, Скандинавію, Германію, Италію, Испанію, Польшу и Россію. И когда мы сравниваемъ теперь хартіи и внутреннее устройство вольныхъ городовъ французскихъ, англійскихъ, шотландскихъ, ирландскихъ, скандинавскихъ, германскихъ, богемскихъ, русскихъ, швейцарскихъ,

итальянскихъ или испанскихъ—насъ поражаетъ почти буквальное сходство этихъ хартій и республикъ, выросшихъ подъ сѣнію такого рода общественныхъ договоровъ. Какой знаменательный урокъ всѣмъ поклонникамъ Рима и гегельянцамъ, которые не могутъ себѣ представить другого способа достигнуть однообразія учрежденій, кромѣ рабства передъ закономъ!

Отъ Атлантическаго океана до Волги и отъ Норвегіи до Италіи, вся Европа была покрыта подобными же вольными городами, изъ которыхъ одни, какъ Флоренція, Венеція, Нюренбергъ, или Новгородъ, сдѣлались многолюдными центрами, другіе же оставались небольшими городами, состоявшими всего изъ сотни семействъ, причемъ они всетаки считались равными въ глазахъ другихъ, болѣе цвѣтущихъ городовъ.

Развитіе этихъ, полныхъ жизни и силы организмовъ шло, конечно, не вездѣ однимъ и тѣмъ же путемъ. Географическое положеніе и характеръ внѣшнихъ торговыхъ сношеній, препятствія, которыя приходилось преодолѣвать—все это создавали для каждой изъ этихъ общинъ свою исторію. Но въ основѣ всѣхъ ихъ лежалъ одинъ и тотъ же принципъ. Какъ Псковъ въ Россіи, такъ и Брюгге въ Нидерландахъ, какъ какое-нибудь шотландское мѣстечко съ тремя стами жителей, такъ и цвѣтущая Венеція со своими людными островами, какъ любой городокъ въ сѣверной Франціи или Польшѣ, такъ и красавица Флоренція — всѣ они составляли тѣ же amitas, тѣ же союзы сельскихъ общинъ и соединенныхъ гильдій. Въ общихъ чертахъ, ихъ внутреннее устройство было вездѣ одно и тоже.

* * *

По мѣрѣ роста городского населенія, стѣны города раздвигались, становились толще, и къ нимъ прибавлялись новыя и все болѣе высокія башни; каждая изъ этихъ башень воздвигалась тѣмъ или другимъ кварталомъ города, той или другой гильдіей и носила свой особый характеръ. Городъ дѣлился обыкновенно на нѣсколько кварталовъ или концовъ,—четыре, пять или

шесть, ограниченныхъ улицами, которыя расходились по радіусамъ отъ центральнаго кремля къ стѣнамъ. Эти концы или кварталы были обыкновенно заселены, каждый, особымъ ремесломъ или мастерствомъ; новыя ремесла,—молодые цехи — занимали слободы, которыя со временемъ также вносились въ черту города и городскихъ стѣнъ.

Каждая улица и приходъ представляютъ особую земельную единицу, соотвѣтствующую старинной сельской общинѣ; они имѣютъ своего уличанскаго или приходскаго старосту, свое уличанское вѣче, свое судилище, своего избраннаго священника, свою милицію, свое знамя и часто свою печать — символъ государственной независимости. Эту независимость они сохраняютъ и при вступленіи въ союзъ съ другими улицами и приходами *).

Профессіональной единицей, часто совпадающей или почти совпадающей съ улицей или приходомъ, является гильдія—ремесленный союзъ. Этотъ союзъ точно также сохраняетъ своихъ святыхъ, свои уставы, свое вѣче, своихъ судей. У него своя касса, свое ополченіе, свое знамя. Онъ точно также имѣетъ свою печать и сохраняетъ полную независимость. Въ случаѣ войны, если гильдія сочтетъ нужнымъ, ея милиція пойдетъ рядомъ съ милиціями другихъ гильдій, и ея знамя будетъ водружено рядомъ съ большимъ знаменемъ, или carosse всего города.

Городъ представляетъ собою союзъ этихъ концовъ, улицъ, приходовъ и гильдій; онъ имѣетъ свое общенародное собраніе всѣхъ жителей въ главномъ вѣчѣ, свою главную ратушу, выборныхъ судей и свое знамя, вокругъ котораго собираются знамена всѣхъ гильдій и улицъ. Онъ вступаетъ въ переговоры съ другими городами, какъ вполнѣ полноправная единица, соединяется съ кѣмъ ему угодно и заключаетъ, съ кѣмъ захочетъ, національные и международные союзы. Такъ англійскіе „Cinque Ports“, расположенные около Дувра, образуютъ союзъ съ французскими и нидерландскими

*) Для Россіи, см. въ особенности Бѣляева, „Разсказы изъ Русской Исторіи“.

портовыми городами по другую сторону пролива; точно также русскій Новгородъ соединяется съ скандинавогерманской Ганзой, и т. д. Во внѣшнихъ сношеніяхъ каждый городъ имѣетъ всѣ права современнаго государства. Именно въ это время и создается, благодаря добровольному соглашенію, та сѣть договоровъ, которая потомъ стала извѣстна подъ именемъ международнаго права; эти договоры находились подъ охраной общественнаго мнѣнія всѣхъ городовъ и соблюдались лучше, чѣмъ теперь соблюдается международное право.

Часто, въ случаѣ неумѣнья рѣшить какой-нибудь запутанный споръ, городъ обращался за рѣшеніемъ къ сосѣднему городу. Духъ того времени — стремленіе обращаться скорѣе къ третейскому суду, чѣмъ къ власти—безпрестанно проявлялся въ такомъ обращеніи двухъ спорящихъ общинъ къ третьей.

* * *

То же видимъ мы и у ремесленныхъ союзовъ. Они ведутъ свои торговыя сношенія совершенно независимо отъ городовъ, вступаютъ въ договоры помимо всякихъ національныхъ дѣленій. И когда мы теперь гордимся международными конгрессами рабочихъ, мы въ своемъ невѣжествѣ совершенно забываемъ, что международные съѣзды ремесленниковъ и даже подмастерьевъ собирались уже въ пятнадцатомъ столѣтіи.

Въ случаѣ нападенія, средневѣковой городъ или защищается самъ, ведетъ ожесточенныя войны съ окрестными феодальными баронами, ежегодно назначая одного или двухъ человѣкъ для команды надъ своими милиціями; или же онъ принимаетъ особаго „военнаго защитника“ — какого-нибудь князя или герцога, избираемаго городомъ на одинъ годъ, и съ правомъ отставки, когда городъ найдетъ нужнымъ. На содержаніе дружины ему обыкновенно даютъ деньги, собираемыя въ видѣ судебныхъ взысканій и штрафовъ; но вмѣшиваться во внутреннія дѣла города онъ не имѣетъ права. Иногда, когда городъ слишкомъ слабъ, чтобы вполнѣ освободиться отъ окружающихъ его феодаль-

ныхъ хищниковъ, онъ обращается, какъ къ болѣе или менѣе постоянному „военному защитнику", къ епископу или князю той или другой фамиліи — Гвельфовъ или Гибелиновъ въ Италіи, Рюриковичей въ Россіи, или Ольгердовичей—въ Литвѣ; но при этомъ городъ зорко слѣдитъ, чтобы власть епископа или князя никоимъ образомъ не распространялась дальше дружинниковъ, живущихъ въ замкѣ. Ему даже запрещается входить въ городъ безъ особаго разрѣшенія. Извѣстно, что англійская королева и до сихъ поръ не можетъ въѣхать въ Лондонъ безъ разрѣшенія лорда мера, т. е. городского головы.

* * *

Мнѣ очень хотѣлось бы подробно остановиться на экономической сторонѣ жизни средневѣковыхъ городовъ, но она была такъ разнообразна, что о ней нужно было бы говорить довольно долго, чтобы дать о ней вѣрное понятіе. Достаточно будетъ замѣтить, что внутренняя торговля всегда велась гильдіями, а не отдѣльными ремесленниками, и что цѣны назначались по взаимному соглашенію. Внѣшняя же торговля велась вначалѣ исключительно самими городами: ее ведетъ Господинъ Великій Новгородъ, Генуя и т. д.; и только впослѣдствіи она сдѣлалась монополіей купеческихъ гильдій, а еще позднѣе — отдѣльныхъ личностей. По воскресеньямъ и по субботамъ послѣ обѣда (это считалось временемъ для бани) никто не работалъ. Закупкой главныхъ предметовъ необходимыхъ потребностей, какъ хлѣбъ, уголь и т. п. завѣдывалъ городъ, который потомъ и доставлялъ ихъ своимъ жителямъ, по своей цѣнѣ. Въ Швейцаріи закупка зерна цѣлымъ городомъ сохранялась до средины 19-го столѣтія.

Вообще, мы можемъ сказать на основаніи множества всевозможныхъ историческихъ документовъ, что человѣчество ни прежде, ни послѣ этого періода никогда не знало такого сравнительнаго благосостоянія, обезпеченнаго для всѣхъ, какимъ пользовались средневѣковые города. Теперешняя нищета, неувѣренность

въ будущемъ и чрезмѣрный трудъ въ средневѣковомъ городѣ были совершенно неизвѣстны.

V.

Благодаря всѣмъ этимъ элементамъ—свободѣ, организаціи отъ простого къ сложному, тому, что производство и внутренній обмѣнъ велись ремесленными союзами (гильдіями), а внѣшній обмѣнъ и закупка главныхъ предметовъ потребленія производились самимъ городомъ,—средневѣковые города, въ теченіе первыхъ двухъ столѣтій своего существованія, сдѣлались центрами благосостоянія для всего своего населенія, центрами богатства, высокаго развитія и образованности.

Когда справляешься съ документами, дающими возможность установить размѣръ заработной платы, сравнительно со стоимостью предметовъ потребленія (Т. Роджерсъ сдѣлалъ это для Англіи, а многіе нѣмецкіе писатели—для Германіи), то ясно видно, что трудъ ремесленника и даже простого поденщика того времени оплачивался лучше, чѣмъ оплачивается въ наше время трудъ наиболѣе искуснаго рабочаго. Счетныя книги Оксфордскаго университета и нѣкоторыхъ имѣній въ Англіи, а также нѣкоторыхъ нѣмецкихъ и швейцарскихъ городовъ, ясно доказываютъ это.

Съ другой стороны, обратите вниманіе на художественную отдѣлку, на количество орнаментовъ, которыми работникъ того времени украшалъ не только настоящія произведенія искусства, какъ напримѣръ городскую ратушу, или соборъ, но даже самую простую домашнюю утварь, какую нибудь рѣшетку, какой нибудь подсвѣчникъ, чашку или горшокъ,—и вы сейчасъ же поймете, что онъ не зналъ ни торопливости, ни спѣшности, ни переутомленія нашего времени; онъ могъ ковать, лѣпить, ткать, вышивать, не спѣша, что теперь могутъ дѣлать лишь очень немногіе работники—артисты. Если же мы взглянемъ на работы, дѣлавшіяся рабочими безплатно, для украшенія церквей и общественныхъ зданій, принадлежавшихъ приходамъ, гильдіямъ или всему городу, а также на ихъ приношенія этимъ зда-

ніямъ,—будь то произведенія искусства, какъ художественныя панели, скульптурныя произведенія, издѣлія изъ кованнаго желѣза, чугуна или даже серебра,—или же простая работа столяра или каменьщика, то мы сразу увидимъ, какого благосостоянія сумѣли достигнуть тогдашніе города. Мы увидимъ также на всемъ, что бы ни дѣлалось въ то время, отпечатокъ духа изобрѣтательности и исканіе новаго, духъ свободы, вдохновлявшій весь ихъ трудъ, чувство братской солидарности, которая развивалась въ гильдіяхъ, гдѣ люди объединялись не только ради практическихъ нуждъ своего ремесла, но и связаны были узами братства и общественности. Гильдейскими правилами предписывалось, напримѣръ, чтобы два „брата“ всегда присутствовали у постели „брата“, въ случаѣ болѣзни—что въ тѣ времена чумы и повальныхъ заразъ требовало не мало самоотверженія; въ случаѣ же смерти, гильдія брала на себя всѣ хлопоты и расходы по похоронамъ умершаго брата или сестры, и считала своимъ долгомъ проводить до могилы его тѣло и позаботиться объ его вдовѣ и дѣтяхъ.

Ни отчаянной нищеты, ни подавленности, ни неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, которыя висятъ надъ большинствомъ населенія современныхъ городовъ, въ этихъ „оазисахъ, возникшихъ въ двѣнадцатомъ вѣкѣ среди феодальныхъ лѣсовъ“ — совершенно не было извѣстно.

* *
*

Подъ защитой своихъ вольностей, выросшихъ на почвѣ свободнаго соглашенія и свободнаго почина, въ этихъ городахъ возникла и развилась новая цивилизація, съ такою быстротой, что ничего подобнаго этой быстротѣ, въ исторіи не встрѣчается ни раньше ни позже.

Вся современная промышленность ведетъ свое начало отъ этихъ городовъ. Въ теченіе трехъ столѣтій ремесла и искусства достигли въ нихъ такого совершенства, что нашъ вѣкъ превзошелъ ихъ развѣ только въ быстротѣ производства, рѣдко—въ качествѣ и почти

никогда въ художественности издѣлій. Несмотря на всѣ наши усилія оживить искусство, развѣ мы можемъ сравняться въ живописи по красотѣ съ Рафаэлемъ? по силѣ и смѣлости—съ Миккель Анджело? въ наукѣ и искусствѣ—съ Леонардо да Винчи? въ поэзіи и красотѣ языка—съ Данте? или въ архитектурѣ—съ творцами соборовъ въ Лаонѣ, Реймсѣ, Кельнѣ, которыхъ „строителями", по выраженію Виктора Гюго, „былъ самъ народъ"? И гдѣ же найти такія сокровища красоты, какъ во Флоренціи и Венеціи, какъ ратуши въ Бременѣ и Прагѣ, какъ башни Нюренберга и Пизы и т. д. до безконечности? Всѣ эти памятники искусства—творенія того періода вольныхъ городовъ.

Если вы захотите смѣрить однимъ взглядомъ все, что было внесено новаго этою цивилизаціею, сравните куполъ собора Св. Марка въ Венеціи съ неумѣлыми норманскими сводами; или картины Рафаэля съ наивными вышивками и коврами Байе, нюренбергскіе математическіе и физическіе инструменты и часы съ песочными часами предыдущихъ столѣтій; звучный языкъ Данте—съ варварской латынью десятаго вѣка... Между этими двумя эпохами выросъ цѣлый новый міръ!...

* * *

За исключеніемъ еще одной славной эпохи—опять таки эпохи вольныхъ городовъ въ древней Греціи—человѣчество никогда еще не шло такъ быстро впередъ, какъ въ этотъ періодъ. Никогда еще человѣкъ въ теченіе двухъ или трехъ вѣковъ не переживалъ такого глубокаго измѣненія; никогда еще ему не удавалось развить до такой степени свое могущество надъ силами природы.

Вы, можетъ быть, подумаете о нашей современной цивилизаціи успѣхами которой мы такъ гордимся? Но она, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, есть лишь дитя той цивилизаціи, которая выросла среди вольныхъ средневѣковыхъ городовъ. Всѣ великія открытія, создавшія современную науку, какъ компасъ, часы, печатный станокъ, открытіе новыхъ частей свѣта, порохъ, законъ тяготѣнія, законъ атмосфернаго давленія, развитіемъ

котораго явилась паровая машина, основанія химіи, научный методъ, указанный Роджерсомъ Бэкономъ и прилагавшійся въ итальянскихъ университетахъ—что все это, какъ не наслѣдіе вольныхъ городовъ и той цивилизаціи, которая развилась въ нихъ подъ охраной общинныхъ вольностей?

* * *

Мнѣ, можетъ быть, скажутъ, что я забываю внутреннюю борьбу партій, которой полна исторія этихъ общинъ; забываю уличныя схватки, отчаянную борьбу съ феодальными владѣльцами, возстанія „молодыхъ ремеслъ“ противъ „старыхъ ремеслъ“, кровопролитія и репрессаліи этой борьбы...

Нѣтъ, я вовсе не забываю этого. Но вмѣстѣ съ Лео и Ботта, двумя историками средневѣковой Италіи, съ Сисмонди, съ Феррари, Джино Каппони и многими другими, я вижу въ этихъ столкновеніяхъ партій именно залогъ вольной жизни этихъ городовъ. Я вижу, какъ послѣ каждаго изъ такихъ столкновеній, жизнь города дѣлала новый и новый шагъ впередъ. Лео и Ботта заканчиваютъ свой подробный обзоръ этихъ кровавыхъ уличныхъ столкновеній, происходившихъ въ средневѣковыхъ итальянскихъ городахъ, и совершавшагося одновременно съ ними громаднаго движенія впередъ (обезпеченіе благосостоянія для всѣхъ жителей, возрожденіе новой цивилизаціи) слѣдующею очень вѣрною мыслью, которую каждый революціонеръ нашего времени долженъ былъ бы запомнить: „Коммуна только тогда и представляетъ, говорятъ они, картину нравственнаго цѣлаго, только тогда и носитъ общественный характеръ, когда она, подобно самому человѣческому уму, допускаетъ въ своей средѣ противорѣчія и столкновенія.

Да, столкновенія, но разрѣшающіяся свободно, безъ вмѣшательства какой-то внѣшней силы, безъ вмѣшательства государства, давящаго своею громадною тяжестью на одну изъ чашекъ вѣсовъ, въ пользу той или другой изъ борющихся силъ.

Подобно этимъ двумъ писателямъ, я также думаю,

что „навязываніе мира часто причиняетъ гораздо больше вреда, чѣмъ пользы, потому что такимъ образомъ противоположныя вещи насильно связываются, ради установленія однообразнаго порядка: отдѣльныя личности и мелкіе организмы приносятся въ жертву одному огромному поглощающему ихъ тѣлу—безцвѣтному и безжизненному".

Вотъ почему вольные города, до тѣхъ поръ, пока они не стремились сдѣлаться государствами и распространять свое господство надъ деревнями и пригородами, т. е. создать „огромное тѣло, безцвѣтное и безжизненное"—росли и выходили изъ этихъ внутреннихъ столкновеній, съ каждымъ разомъ моложе и сильнѣе. Они процвѣтали, хотя на ихъ улицахъ гремѣло оружіе, тогда какъ двѣсти лѣтъ спустя, та же самая цивилизація рушилась, подъ шумъ войнъ, которыя стали вести между собою государства.

Дѣло въ томъ, что въ вольныхъ городахъ борьба шла для завоеванія и сохраненія свободы личности, за принципъ федераціи, за право свободнаго союза и совмѣстнаго дѣйствія; тогда какъ государства воевали изъ за подавленія личности, за уничтоженіе свободнаго соглашенія, за объединеніе всѣхъ своихъ подданныхъ въ одномъ общемъ рабствѣ, передъ королемъ судьей и попомъ, т. е. передъ государствомъ.

Въ этомъ вся и разница. Есть борьба, есть столкновенія, которыя убиваютъ, и есть такія, которыя двигаютъ человѣчество впередъ.

VI.

Въ шестнадцатомъ вѣкѣ явились новые, современные варвары и разрушили всю эту цивилизацію средневѣковыхъ вольныхъ городовъ. Имъ, конечно, не удалось уничтожить ее совершенно, но, во всякомъ случаѣ, они задержали ея ростъ по крайней мѣрѣ на два или на три столѣтія, и дали ей другое направленіе.

Они сковали по рукамъ и по ногамъ личность,

отняли у нея всѣ вольности; они потребовали, чтобы люди забыли свои союзы, строившіеся на свободномъ починѣ и свободномъ соглашеніи, чтобы все общество подчинилось рѣшительно во всемъ единому повелителю. Всѣ непосредственныя связи между людьми были разрушены, на томъ основаніи, что только государству и церкви должно принадлежать право объединять людей, что только они призваны вѣдать промышленные, торговые, правовые, художественные, общественные и личные интересы, ради которыхъ люди двѣнадцатаго вѣка обыкновенно соединялись между собою непосредственно.

И кто же были эти варвары?—Никто иной, какъ государство—вновь возникшій тройственный союзъ между военнымъ вождемъ, судьей (наслѣдникомъ римскихъ традицій) и священникомъ, тремя силами, соединившимися ради взаимнаго обезпеченія своего господства и образовавшими единую власть, которая стала повелѣвать обществомъ и въ концѣ концовъ раздавила его.

* * *

Естественно является вопросъ,—какимъ образомъ эти новые варвары могли одолѣть такіе могущественные организмы, какъ средневѣковые вольные города? Откуда почерпнули они силу для этого?

Эту силу, прежде всего, дала имъ деревня. Какъ древне-греческіе города не сумѣли освободить рабовъ, такъ и средневѣковые города, освобождая горожанъ, не сумѣли въ тоже время освободить отъ крѣпостного рабства крестьянъ.

Правда, во время освобожденія городовъ горожане, сами соединявшіе ремесло съ земледѣліемъ, почти вездѣ пытались привлечь деревенское населеніе къ дѣлу своего освобожденія. Въ теченіе двухъ столѣтій горожане Италіи, Испаніи и Германіи вели упорную войну съ феодальными баронами и проявили въ этой борьбѣ чудеса героизма и настойчивости. Они отдавали послѣднія силы на то, чтобы побѣдить господскіе замки и разрушить окружавшій ихъ феодальный строй.

Но успѣхъ, котораго они достигли, былъ неполный, и, утомившись борьбой, они заключили съ баронами миръ, въ которомъ пожертвовали интересами крестьянина. Внѣ предѣловъ той территоріи, которую города отбили для себя, они предали крестьянина въ руки барона—только, чтобы прекратить войну. Въ Италіи и Германіи города даже признали барона гражданиномъ, съ условіемъ, чтобы онъ жилъ въ самомъ городѣ. Въ другихъ мѣстахъ они раздѣляли съ нимъ господство надъ крестьянами, и горожане сами стали владѣть крѣпостными.

И за то же бароны отомстили горожанамъ, которыхъ они, и презирали, и ненавидѣли. Они начали заливать кровью улицы городовъ, изъ за вражды и мести между своими дворянскими родами, которые не отдавали, конечно, своихъ раздоровъ на судъ презираемыхъ ими общинныхъ судей городскихъ синдиковъ, а предпочитали разрѣшать ихъ на улицахъ, съ оружіемъ въ рукахъ.

Кромѣ того, дворяне стали развращать горожанъ своею расточительностью, своими интригами, своей роскошной жизнью, своимъ образованіемъ, полученнымъ при королевскихъ или епископскихъ дворахъ. Они втягивали гражданъ въ свои безконечныя ссоры. И граждане, въ концѣ концовъ, начали подражать дворянамъ; они сдѣлались въ свою очередь господами, и стали обогащаться на счетъ труда крѣпостныхъ, живущихъ въ деревняхъ, внѣ городскихъ стѣнъ.

При такихъ условіяхъ, короли, императоры, цари и папы нашли поддержку въ крестьянствѣ, когда они начали собирать свои царства и подчинять себѣ города. Тамъ, гдѣ крестьяне не шли прямо за ними, они во всякомъ случаѣ предоставляли имъ дѣлать, что хотятъ. Они не защищали городовъ.

* * *

Королевская власть постепенно складывалась именно въ деревнѣ, въ укрѣпленномъ замкѣ, окруженномъ сельскимъ населеніемъ. Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ она существовала лишь по имени: мы знаемъ теперь, что

такое были тѣ предводители мелкихъ разбойничьихъ шаекъ, которые присвоивали себѣ титулъ королей, не имѣвшій — какъ доказалъ Огюстенъ Тьерри — тогда почти никакого значенія. Скандинавскіе рыбаки имѣли своихъ „королей надъ неводомъ“, даже у нищихъ были свои „короли“; король, князь, конунгъ, былъ просто временнымъ предводителемъ.

Медленно и постепенно, то тутъ, то тамъ, какому нибудь болѣе сильному или болѣе хитрому князю удавалось возвыситься надъ остальными. Церковь, конечно, была всегда готова поддержать его. Путемъ насилія, интригъ, подкупа, а гдѣ нужно, и кинжала и яда, онъ достигалъ господства надъ другими феодалами. Такъ складывалось, между прочимъ, московское царство *). Но мѣстомъ возникновенія королевской власти никогда не были вольные города съ ихъ шумнымъ вѣчемъ, съ ихъ Тарпейской скалой, или Волховомъ, для тирановъ; эта власть всегда зарождалась въ провинціи, въ деревняхъ.

Во Франціи, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ основаться въ Реймсѣ или Ліонѣ, они избрали для этого Парижъ, который былъ собраніемъ деревень и маленькихъ городковъ, окруженныхъ богатыми деревнями, но гдѣ не было вольнаго вѣчевого города. Въ Англіи королевская власть основалась въ Вестминстерѣ—у воротъ многолюднаго Лондона; въ Россіи—въ Кремлѣ, построенномъ среди богатыхъ деревень на берегу Москвы рѣки, послѣ неудачныхъ попытокъ въ Суздалѣ и Владимірѣ; но она никогда не могла укрѣпиться въ Новгородѣ или во Псковѣ, въ Нюренбергѣ или во Флоренціи.

Сосѣдніе крестьяне снабжали королей зерномъ, лошадьми и людьми; кромѣ того, эти нарождающіеся тираны обогащались торговлей—уже не общинной, а королевской. Церковь окружала ихъ своими заботами, защищала ихъ, поддерживала ихъ своей казной, наконецъ, изобрѣтала для королевскаго города особаго

*) См. Костомарова, „Начало единодержавія на Руси“,—особенно статью въ „Вѣстникѣ Европы“. Для изданія въ его „Матеріалахъ“, Костомаровъ ослабилъ эту статью,—вѣроятно, по требованію цензуры.

святого и особыя чудеса. Она окружала благоговѣніемъ Парижскую Богоматерь или Московскую Иверскую. Въ то время, какъ вольные города, освободившись изъ подъ власти епископовъ, съ юношескимъ пыломъ стремились впередъ, Церковь медленно работала надъ возстановленіемъ своей власти черезъ посредство нарождающихся королей; она окружала въ особенности нѣжными заботами, фиміамомъ и золотомъ фамильную колыбель того, кого она въ концѣ концовъ избирала, чтобы въ союзѣ съ нимъ возстановить свою силу и вліяніе. Повсюду—въ Парижѣ, въ Москвѣ, въ Мадридѣ, въ Вестминстерѣ, мы видимъ, какъ Церковь заботливо охраняетъ колыбель королевской или царской власти.

Сильная своимъ образованіемъ въ государственномъ духѣ, опираясь въ своей дѣятельности на людей съ сильной волей и хитрымъ умомъ, которыхъ она умѣло отыскивала во всѣхъ классахъ общества, искушенная опытомъ въ интригахъ и свѣдущая въ Римскомъ и Византійскомъ законахъ, Церковь упорно работаетъ надъ достиженіемъ своего идеала—утвержденіемъ сильнаго короля въ библейскомъ духѣ, т. е. неограниченнаго въ своей власти, но послушнаго вліянію верховнаго первосвященника, — короля, который былъ бы простымъ гражданскимъ орудіемъ въ рукахъ Церкви.

Въ шестнадцатомъ вѣкѣ совмѣстная работа этихъ двухъ заговорщиковъ—короля и церкви—была въ полномъ ходу. Король уже господствовалъ надъ своими соперниками баронами, и его рука уже была занесена надъ вольными городами, чтобы раздавить въ свою очередь и ихъ.

* * *

Впрочемъ, и города шестнадцатаго столѣтія были уже не тѣмъ, чѣмъ мы ихъ видѣли въ двѣнадцатомъ, тринадцатомъ и четырнадцатомъ. Родились они изъ освободительной революціи двѣнадцатаго вѣка; но у нихъ не достало смѣлости распространить свои идеи равенства, ни на окружающее деревенское населеніе,

ни даже на тѣхъ горожанъ, которые позднѣе поселились въ чертѣ городскихъ стѣнъ, какъ въ убѣжищѣ свободы, и которые создавали тамъ новыя ремесла. Во всѣхъ городахъ явилось различіе между старыми родами, сдѣлавшими революцію двѣнадцатаго вѣка—иначе, просто „родами"—и молодыми, которые поселились въ городахъ позднѣе. Старая „Торговая Гильдія" не выказывала желанія принимать въ свою среду новыхъ пришельцевъ и отказывалась допустить къ участію въ своей торговлѣ „молодыя ремесла". Изъ простого торговаго агента города, который прежде продавалъ товары за счетъ города, она превратилась въ маклера и посредника, богатѣвшаго на счетъ внѣшней торговли и вносившаго въ городскую жизнь восточную пышность. Позднѣе, „торговая гильдія" соединяется съ землевладѣльцами и духовенствомъ, или же ищетъ опоры для своей монополіи, для своего права на обогащеніе, въ ближайшемъ королѣ. Переставши быть общинной и сдѣлавшись личной, торговля наконецъ убиваетъ вольный городъ.

Кромѣ того, старыя ремесленныя гильдіи, которыя вначалѣ составляли городъ и его вѣче, не хотятъ признавать за гильдіями болѣе молодыхъ ремеслъ тѣхъ же правъ, какими пользуются сами. Молодымъ ремесламъ приходится добиваться равноправія путемъ революціи. Революція, дѣйствительно, происходитъ повсюду, въ каждомъ изъ городовъ, котораго исторія намъ извѣстна.

Но если въ большинствѣ случаевъ она ведетъ къ обновленію всей жизни, всѣхъ ремеслъ и искусствъ—что очень ясно замѣтно во Флоренціи—то въ другихъ городахъ она иногда кончается побѣдой богатыхъ (popolo grasso) надъ бѣдными (popolo basso), подавленіемъ движенія, безчисленными ссылками и казнями, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ борьбу вмѣшиваются бароны и духовенство.

Нечего и говорить что впослѣдствіи, когда короли, прошедшіе черезъ школу маккіавелизма, стали вмѣшиваться во внутреннюю жизнь вольныхъ городовъ, они избрали предлогомъ для вмѣшательства „защиту бѣдныхъ отъ притѣсненія богатыхъ", То, что происходило въ Россіи, когда Московскіе великіе князья, а

впослѣдствіи цари, шли покорять Новгородъ и Псковъ, подъ предлогомъ защиты „черныхъ сотенъ“ и „мелкихъ людишекъ“ отъ богатыхъ, случилось также повсемѣстно, въ Германіи, во Франціи, въ Италіи, въ Испаніи и т. д.

* * *

Кромѣ того, города должны были погибнуть еще потому, что самыя понятія людей измѣнились. Ученія каноническаго и римскаго закона совершенно извратили ихъ умы.

Европеецъ двѣнадцатаго столѣтія былъ по существу федералистомъ. Онъ стоялъ за свободный починъ, за свободное соглашеніе, за добровольный союзъ и видѣлъ въ собственной личности исходный пунктъ общества. Онъ не искалъ спасенія въ повиновеніи, не ждалъ пришествія спасителя общества. Понятіе христіанской или римской дисциплины было ему совершенно чуждо.

Но подъ вліяніемъ, съ одной стороны, христіанской церкви, всегда стремящейся къ господству, всегда старающейся наложить свою власть на души, и въ особенности на трудъ вѣрующихъ; а съ другой, подъ вліяніемъ римскаго права, которое, уже начиная съ двѣнадцатаго вѣка проникаетъ ко дворамъ сильныхъ бароновъ, королей и папъ, и скоро дѣлается любимымъ предметомъ изученія въ университетахъ—подъ вліяніемъ этихъ двухъ, такъ хорошо отвѣчающихъ другъ другу, хотя и враждовавшихъ вначалѣ ученій—умы людей постепенно развращаются, по мѣрѣ того, какъ попъ и юристъ пріобрѣтаютъ больше и больше вліянія.

Человѣкъ начинаетъ любить власть. Если въ городѣ происходитъ возстаніе низшихъ ремеслъ, оно зоветъ къ себѣ на помощь какого нибудь спасителя, выбираетъ диктатора, или городского царька, и надѣляетъ его неограниченной властью для уничтоженія противной партіи. И диктаторъ пользуется ею со всей утонченной жестокостью, заимствованной отъ церкви и отъ восточныхъ деспотій.

Церковь оказываетъ ему поддержку: вѣдь ея мечта именно библейскій король, преклоняющій колѣна передъ первосвященникомъ и становящійся его послушнымъ орудіемъ! Кромѣ того, она ненавидитъ всѣми силами души и тотъ духъ раціонализма, который царствовалъ въ вольныхъ городахъ въ эпоху перваго возрожденія—т. е. возрожденія двѣнадцатаго вѣка *)—и тѣ „языческія“ идеи, которыя звали человѣка назадъ къ природѣ подъ вліяніемъ вновь открытой древнегреческой цивилизаціи, и, наконецъ, то теченіе, которое, во имя первобытнаго христіанства, привело позднѣе къ возстанію противъ папы, духовенства и церкви вообще. Костеръ, пытки и висѣлица—излюбленное оружіе церкви—были пущены въ ходъ противъ еретиковъ. Для церкви въ этомъ случаѣ было безразлично кто бы ни былъ ея орудіемъ—папа, король или диктаторъ,—лишь бы костеръ, дыба и висѣлица дѣлали свое дѣло противъ еретиковъ...

Подъ давленіемъ этихъ двухъ вліяній — римскаго юриста и попа—старый федералистскій духъ, духъ свободнаго почина и свободнаго соглашенія, вымиралъ, и уступалъ мѣсто духу дисциплины, духу правительственной и пирамидальной организаціи. И богатые классы, и народъ одинаково требовали спасителя себѣ извнѣ.

И когда этотъ спаситель явился, когда король, разбогатѣвшій вдали отъ шумнаго городского вѣча, въ имъ самомъ созданныхъ городахъ, и окруженный подчиненными ему дворянами и крестьянами, постучался въ городскія ворота съ обѣщаніемъ „бѣднымъ“ своей мощной защиты отъ богатыхъ, а „богатымъ“—защиты отъ мятежныхъ бѣдныхъ, города, уже носившіе въ себѣ самихъ ядъ власти, не были въ силахъ ему сопротивляться. Они отперли королю свои ворота.

Кромѣ того, уже съ тринадцатаго вѣка монголы покоряли и опустошали Восточную Европу, и теперь въ Москвѣ возникало, подъ вліяніемъ татарскихъ хановъ и православной церкви, новое царство. Затѣмъ, турки

*) См. Костомарова, „Русскіе раціоналисты двѣнадцатаго вѣка“.

вторгнулись въ Европу и основали свое государство, опустошая все на своемъ пути и дойдя въ 1453 году до самой Вѣны. И, чтобы дать имъ отпоръ, въ Польшѣ, въ Богеміи, въ Венгріи—въ центрѣ Европы—возникали сильныя государства... Въ то же время на другомъ концѣ Европы, въ Испаніи, изгнаніе мавровъ дало возможность основаться въ Кастиліи и Арагонѣ новой могущественной державѣ, опиравшейся на Римскую церковь и инквизицію, на мечъ и застѣнокъ.

Эти набѣги и войны вели неизбѣжно къ вступленію Европы въ новый періодъ жизни—въ періодъ военныхъ государствъ, которыя стремились „объединить", т. е. подчинить всѣ другіе города одному королевскому, или велико-княжескому городу. А разъ сами города превращались уже въ мелкія государства, то послѣднія были неизбѣжно обречены на поглощеніе крупными...

VII.

Побѣда государства надъ вольными общинами и федералистическими учрежденіями среднихъ вѣковъ не совершилась, однако, безпрепятственно. Было даже время, когда можно было сомнѣваться въ его окончательной побѣдѣ.

Въ городахъ и обширныхъ сельскихъ областяхъ въ средней Европѣ возникло народное движеніе—религіозное по своей формѣ и внѣшнимъ проявленіямъ, но чисто коммунистическое и проникнутое стремленіемъ къ равенству по своему содержанію.

Еще въ четырнадцатомъ вѣкѣ мы видимъ два такихъ крестьянскихъ движенія: во Франціи (около 1358 года) и въ Англіи (около 1381 года); первое извѣстно въ исторіи подъ названіемъ жакеріи, а второе носитъ имя одного изъ своихъ крестьянскихъ вождей—Уата Тэйлора. Оба они потрясли тогдашнее общество до основанія. Оба были направлены, впрочемъ, главнымъ образомъ, противъ феодальныхъ помѣщиковъ. И хотя оба были разбиты, но въ Англіи это народное возстаніе

рѣшительно положило конецъ крѣпостному праву; а во Франціи жакерія настолько остановила его развитіе, что дальнѣйшее его существованіе было скорѣе прозябаніемъ, и оно никогда не могло достигнуть такого развитія, какого достигло впослѣдствіи въ Германіи и восточной Европѣ.

И вотъ, въ шестнадцатомъ вѣкѣ подобное же движеніе вспыхнуло и въ центральной Европѣ, подъ именемъ движенія „гусситовъ“ въ Богеміи, „анабаптистовъ“ въ Германіи, Швейцаріи и Нидерландахъ. Сродное ему движеніе, извѣстное подъ именемъ „смутнаго времени“, совершилось въ Россіи, въ началѣ семнадцатаго вѣка. Въ западной Европѣ, это было возстаніе, не только противъ феодальныхъ бароновъ и помѣщиковъ, но и возстаніе противъ церкви и государства, противъ каноническаго и римскаго права во имя первобытнаго христіанства.

Въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ смыслъ этого движенія совершенно искажался казенными и церковными историками, и только теперь его въ нѣкоторой степени начинаютъ понимать.

Лозунгами этого движенія были, съ одной стороны полная свобода личности, не обязанной повиноваться ничему, кромѣ предписаній своей совѣсти, съ другой— коммунизмъ. И только уже гораздо позднѣе, когда государству и церкви удалось истребить самыхъ горячихъ защитниковъ движенія, а самое движеніе легко повернуть въ свою пользу, оно лишилось своего революціоннаго характера и выродилось въ реформацію Лютера.

Началось оно съ проповѣди, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и съ практическаго примѣненія безгосударственнаго анархизма,—къ сожалѣнію, однако, съ примѣсью религіозныхъ формъ. Но если откинуть религіозныя формулы, составлявшія неизбѣжную дань тому времени, то мы увидимъ, что это движеніе по существу подходитъ къ тому идейному теченію, представителями котораго являемся теперь мы: мы находимъ въ немъ отрицаніе всякаго закона, какъ государственнаго, такъ и божественнаго, на томъ основаніи, что собственная совѣсть должна быть единственнымъ закономъ для

человѣка; защиту общины, какъ единственной распорядительницы своей судьбы, которая должна отобрать свои земли отъ феодальныхъ владѣльцовъ и перестать нести какую бы то ни было, денежную или личную, службу государству—однимъ словомъ, стремленіе осуществить на практикѣ коммунизмъ и равенство. Когда, напримѣръ, Денка, одного изъ философовъ анабаптическаго движенія, спросили, признаетъ ли онъ авторитетъ библіи, онъ отвѣтилъ, что единственно обязательнымъ для поведенія человѣка онъ признаетъ только тѣ правила, которыя онъ самъ находитъ *для себя* въ библіи. — Но эти самыя неопредѣленныя формулы, заимствованныя изъ церковнаго языка,—этотъ самый авторитетъ „книги“, въ которой легко найти доводы за и противъ коммунизма и власти, эта особая неясность въ вопросѣ о рѣшительномъ провозглашеніи свободы, эта самая религіозная окраска движенія уже заключала въ себѣ зародыши пораженія его.

* * *

Возникши въ городахъ, движеніе скоро распространилось и на деревни. Крестьяне отказывались повиноваться кому бы то ни было и, надѣвши старый сапогъ или лапоть на копье, вмѣсто знамени, отбирали у помѣщиковъ захваченныя ими общинныя земли, разрывали цѣпи крѣпостного рабства, прогоняли поповъ и судей и организовывали вольныя общины. И только при помощи костра, пытки и висѣлицы, только вырѣзавши въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ больше 100,000 крестьянъ, королевской или императорской власти удалось, при поддержкѣ папства и реформированной церкви—Лютеръ толкалъ на убійства даже больше чѣмъ самъ папа—положить конецъ этимъ возстаніямъ, которыя, одно время угрожали самому существованію зарождавшихся государствъ.

Лютеранская реформація, сама родившаяся изъ анабаптизма, помогала истребленію народа и подавленію того самаго движенія, которому она была обязана, въ началѣ своего существованія, всей своей силой. Остатки этого громаднаго умственнаго теченія укрылись въ

общинахъ „моравскихъ братствъ“, которыя въ свою очередь были раздавлены церковью и государствомъ. И только небольшія уцѣлѣвшія группы ихъ спаслись, переселившись, кто въ юго-восточную Россію, кто въ Гренландію, гдѣ они и до сихъ поръ еще живутъ общинами и отказываются нести какую бы то ни было службу государству.

Съ этихъ поръ существованіе государства было обезпечено. Юристъ, попъ, помѣщикъ и солдатъ, сомкнувшись въ дружный союзъ вокругъ трона, могли теперь снова продолжать свою гибельную работу.

* * *

И сколько лжи было нагромождено историками объ этомъ періодѣ! Всѣхъ насъ учили въ школѣ, что государство сослужило человѣчеству огромную службу, создавши національные союзы на развалинахъ феодальнаго общества; что такіе союзы оказывались прежде неосуществимыми, вслѣдствіе соперничества городовъ. Мы всѣ учились этому въ школьные годы и почти всѣ вѣрили этому и въ зрѣломъ возрастѣ.

И тѣмъ не менѣе теперь мы узнаемъ, что, несмотря на все свое соперничество, средне-вѣковые города въ теченіе четырехъ сотъ лѣтъ работали надъ сплоченіемъ этихъ союзовъ въ федераціи, основанныя на добровольномъ соглашеніи, и что они вполнѣ успѣли въ этомъ.

Ломбардскій союзъ, напримѣръ, охватывалъ всѣ города сѣверной Италіи и имѣлъ свою федеральную казну въ Генуѣ и Венеціи. Другія федераціи, какъ Тосканскій союзъ, Рейнскій союзъ (включавшій 60 городовъ), федерація вестфальскихъ, богемскихъ, сербскихъ, польскихъ и русскихъ городовъ—покрывали собою всю Европу. Торговый Ганзейскій союзъ въ тоже время обнималъ города Скандинавіи, сѣверной Германіи, Польши и Россіи вокругъ Балтійскаго моря. Всѣ элементы, нужные для образованія добровольныхъ союзовъ и даже само практическое осуществленіе ихъ здѣсь на лицо.

До сихъ поръ можно еще видѣть живые примѣры такихъ союзовъ. Посмотрите на Швейцарію. Тамъ

союзъ возникъ прежде всего между сельскими общинами (старые кантоны), подобными существовавшимъ и во Франціи въ Лаонской провинціи. Затѣмъ, такъ какъ въ Швейцаріи города никогда не отдѣлялись вполнѣ отъ деревень (какъ это было въ другихъ странахъ, гдѣ города вели обширную внѣшную торговлю), то швейцарскіе города помогли деревнямъ во время ихъ возстанія въ шестнадцатомъ вѣкѣ; союзу поэтому удалось объединить и тѣ и другіе въ одну федерацію и уцѣлѣть до сихъ поръ.

Но государство, по самой сущности своей, не можетъ терпѣть вольнаго союза; для государственнаго законника онъ составляетъ пугало: „государство въ государствѣ!“. Государство не хочетъ терпѣть внутри себя добровольнаго союза людей, существующаго самого по себѣ. Оно признаетъ только подданныхъ. Только государство и его опора—церковь—присвоили себѣ исключительное право быть соединительнымъ звеномъ между отдѣльными личностями.

Понятно, поэтому, что государство непремѣнно должно было стремиться уничтожить города, основанные на прямой связи между гражданами. Оно обязано было уничтожить всякую внутреннюю связь въ такомъ городѣ, уничтожить самый городъ, уничтожить всякую связь между городами. На мѣсто федеративнаго принципа оно должно поставить подчиненіе и дисциплину. Это самый основной его принципъ. Безъ него оно перестаетъ быть государствомъ и превращается въ федерацію.

И вотъ весь шестнадцатый вѣкъ, вѣкъ рѣзни и войнъ, вполнѣ исчерпывается этой борьбой на жизнь и смерть, которую нарождающееся государство объявило городамъ и ихъ союзамъ. Города осаждаются, берутся приступомъ и разграбляются; ихъ населеніе избивается и ссылается. Государство одерживаетъ побѣду по всей линіи, и вотъ каковы послѣдствія этой побѣды.

* *
*

Въ пятнадцатомъ вѣкѣ Европа была покрыта богатыми городами; ихъ ремесленники, каменщики, ткачи и

рѣзчики производили чудеса искусства; ихъ университеты клали основанія наукѣ; ихъ караваны пересѣкали материки, а корабли бороздили моря и рѣки.

И что же осталось отъ всего этого черезъ двѣсти лѣтъ?—Города съ 50.000 и 100.000 жителей, какъ Флоренція, гдѣ было больше школъ и больше постелей въ госпиталяхъ, на каждаго жителя, чѣмъ теперь въ наилучше обставленныхъ въ этомъ отношеніи столицахъ,—превратились въ захудалыя мѣстечки. Ихъ жители были или перебиты, или сосланы; ихъ богатства—присвоены государствомъ или церковью. Промышленность увядала подъ мелочной опекой чиновниковъ; торговля умерла. Самыя дороги, которыя соединяли между собой города, въ семнадцатомъ вѣкѣ сдѣлались непроходимыми.

Государство повсюду сѣяло войну, и война опустошала Европу и раззоряла тѣ города, которые государство не успѣло раззорить непосредственно.

Но, можетъ быть, хоть деревня выиграла отъ этой государственной централизаціи? Нисколько! Посмотрите, что говорятъ историки о жизни въ деревняхъ Шотландіи, Тосканы и Германіи въ четырнадцатомъ вѣкѣ, и сравните это съ описаніями деревенской нищеты въ Англіи въ 1648-мъ году, во Франціи при „королѣ-солнцѣ“, Людовикѣ XIV, въ Германіи, въ Италіи,—однимъ словомъ, повсюду, послѣ столѣтняго господства Государства.

Вездѣ нищета, которую единогласно признаютъ и отмѣчаютъ всѣ. Тамъ, гдѣ крѣпостное право было уже уничтожено, оно подъ самыми разнообразными формами было возстановлено, а гдѣ еще не было уничтожено, оно оформилось, подъ покровомъ государства, въ свирѣпое учрежденіе, обладавшее всѣми характерными особенностями древняго рабства, и даже хуже того.

И развѣ можно было бы ожидать чего-нибудь другого отъ Государства, разъ главной его заботой было уничтожить, вслѣдъ за вольными городами, сельскую общину, разрушить всѣ связи, существовавшія между крестьянами, отдать ихъ земли на разграбленіе богатымъ и подчинить ихъ, каждаго въ отдѣльности, власти чиновника, попа и помѣщика?

VIII.

Уничтожить независимость городовъ; разграбить торговыя и ремесленныя гильдіи; сосредоточить въ своихъ рукахъ всю внѣшнюю торговлю городовъ и убить ее; забрать въ свои руки внутреннее управленіе гильдій и подчинить внутреннюю торговлю и ремесла, во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, стаду чиновниковъ, и тѣмъ самымъ убить и промышленность, и искусства; задушить мѣстное управленіе; уничтожить мѣстное ополченіе; задавить слабыхъ налогами въ пользу сильныхъ и раззорить страну войной—такова была роль нарождающагося Государства въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ

То же самое, конечно, происходило и въ деревняхъ, среди крестьянъ. Какъ только государство почувствовало себя достаточно сильнымъ, оно поспѣшило уничтожить сельскую общину, раззорить крестьянъ, вполнѣ предоставленныхъ его произволу, и разграбить общинныя земли.

* * *

Правда, историки и политико-экономы, состоящіе на жалованьѣ у государства, учили насъ всегда, что сельская община представляетъ собою устарѣлую форму землевладѣнія, мѣшающую развитію земледѣлія, и что потому она осуждена была на исчезновеніе подъ вліяніемъ естественныхъ экономическихъ силъ. Политики и буржуазные экономисты продолжаютъ говорить это и до сихъ поръ, и есть даже революціонеры и соціалисты (претендующіе на названіе „научныхъ“ соціалистовъ), которые повторяютъ эту заученную ими въ школѣ басню.

А между тѣмъ, это самая возмутительная ложь, которую только можно встрѣтить въ наукѣ. Исторія кишитъ документами, несомнѣнно доказывающими всякому, кто только желаетъ знать истину (относительно Франціи для этого достаточно прочесть хотя бы одного

Даллоза),—что государство прежде всего лишило сельскую общину всякой независимости, всякихъ судебныхъ, законодательныхъ и административныхъ правъ; а затѣмъ ея земли были, или просто разграблены богатыми подъ покровительствомъ государства, или же конфискованы самимъ государствомъ.

* * *

Во Франціи грабежъ этотъ начался еще въ шестнадцатомъ столѣтіи и продолжался еще болѣе дѣятельно въ семнадцатомъ. Еще въ 1659 г. государство взяло общины подъ свое особое покровительство, и достаточно прочесть указъ Людовика XIV (1667 г.), чтобы понять, что за грабежъ общинныхъ земель начался съ этого времени.—„Люди присваивали себѣ земли, когда имъ вздумается... земли дѣлились... чтобы оправдать грабежъ, выдумывались долги, яко бы числившіеся за общинами“,—говоритъ король въ этомъ указѣ... а два года спустя онъ конфискуетъ въ свою собственную пользу всѣ доходы общинъ.—Вотъ что называется „естественной смертью“ на яко бы научномъ языкѣ.

Въ теченіе слѣдующаго столѣтія, по крайней мѣрѣ, половина всѣхъ общинныхъ земель была просто на просто присвоена аристократіей и духовенствомъ подъ покровительствомъ государства. И, несмотря на это, общины все-таки продолжали существовать до 1784 г. Общинники все еще собирались гдѣ нибудь подъ вязомъ, распредѣляли земли, назначали налоги; свѣдѣнія объ этомъ можно найти у Бабо (Babeau. Le vielage sous l'ancien régime). Тюрго нашелъ, однако, что общинные совѣты „слишкомъ шумны“ и уничтожилъ ихъ въ той провинціи, которой онъ управлялъ; на мѣсто ихъ поставилъ собранія выборныхъ,—изъ состоятельной части населенія. Въ 1787 г., т. е. наканунѣ революціи, государство распространило эту мѣру на всю Францію. Міръ былъ уничтоженъ, и управленіе дѣлами общинъ перешло въ руки немногихъ синдиковъ. избранныхъ наиболѣе зажиточными буржуа и крестьянами. „Учредительное Собраніе“ поспѣшило подтвердить этотъ

законъ въ декабрѣ 1789 г., послѣ чего буржуазія, занявшая мѣсто дворянъ, стала грабить остатки общинныхъ земель. И только послѣ цѣлаго ряда крестьянскихъ бунтовъ Конвентъ, въ 1792 г., утвердилъ то, что было уже сдѣлано возставшими крестьянами въ восточной Франціи, т. е. издалъ распоряженіе о возвращеніи крестьянамъ общинныхъ земель. Но это случилось только тогда, когда крестьяне своимъ возстаніемъ и такъ уже отбили землю,—только тамъ, гдѣ они это совершили на дѣлѣ, сами.

Такова, какъ извѣстно, судьба всѣхъ революціонныхъ законовъ: они осуществляются на практикѣ только тогда, когдау же являются совершившимся фактомъ.

Тѣмъ не менѣе, Конвентъ не упустилъ случая подпустить въ этотъ законъ буржуазнаго яда. Въ немъ сказано, что земли, отнятыя у дворянъ, должны быть раздѣлены поровну только между „активными гражданами“—то есть между деревенской буржуазіей. Однимъ почеркомъ пера Конвентъ лишилъ такимъ образомъ, права на землю „пассивныхъ гражданъ“, т. е. массу обѣднѣвшихъ крестьянъ, которые больше всего и нуждались въ общинныхъ угодьяхъ. Къ счастью, въ отвѣтъ на это крестьяне опять стали бунтоваться въ 1793 г. Тогда только Конвентъ издалъ новый законъ, предписывавшій раздѣленіе общинныхъ земель между всѣми крестьянами. Но это распоряженіе никогда не было приведено въ исполненіе и послужило лишь предлогомъ для новыхъ захватовъ общинныхъ угодій.

* * *

Всѣхъ этихъ мѣръ, казалось, было бы достаточно, чтобы заставить общины „умереть естественной смертью“—какъ выражаются эти господа. И, однако, общины продолжали существовать. 24 Августа 1794 г. господствовавшая тогда реакціонная власть нанесла имъ новый ударъ. Государство конфисковало всѣ общинныя земли, сдѣлало изъ нихъ запасный фондъ, обезпечивающій національный долгъ, и начало прода-

вать ихъ съ аукціона крестьянамъ, а больше всего сторонникамъ буржуазнаго переворота, кончившагося казнью якобинцевъ, т. е. „термидорцамъ“.

Къ счастью, 2 Преріаля пятаго года, этотъ законъ былъ отмѣненъ, послѣ трехлѣтняго существованія. Но въ то же время были уничтожены и общины, на мѣсто которыхъ были учреждены „кантональные совѣты“, которые государство легко могло наполнять своими чиновниками. Такъ продолжалось до 1801 г., когда сельскія общины были опять возстановлены; но за то правительство присвоило себѣ право назначать мэровъ и синдиковъ во всѣ 36,000 общинъ Франціи! Эта нелѣпость продолжала существовать до революціи 1830 г., послѣ которой былъ возобновленъ законъ 1784 г. Въ промежутокъ между этими мѣрами общинныя земли подверглись опять конфискаціи государствомъ въ 1813 г.; затѣмъ въ теченіе трехъ лѣтъ предавались разграбленію. Остатки земель были возвращены только въ 1816 году.

Но и это еще былъ не конецъ. Каждое новое правительство видѣло въ общинныхъ земляхъ источникъ, изъ котораго можно было черпать награды для людей, которые служили правительству поддержкой.

Послѣ 1830 г., три раза—въ первый въ 1837 г. и въ послѣдній, уже при Наполеонѣ III—издавались законы, предписывавшіе крестьянамъ раздѣлить общинные лѣса и пастбища подворно; и всѣ три раза правительства были вынуждены отмѣнять эти законы, въ виду сопротивленія крестьянъ. Тѣмъ не менѣе, Наполеонъ III умѣлъ все-таки воспользоваться этимъ и утянуть для своихъ любимцевъ нѣсколько крупныхъ имѣній.

* * *

Таковы факты и таковы „экономическіе законы“, подъ вѣдѣніемъ которыхъ общинное землевладѣніе во Франціи умерло „естественною смертью“. Послѣ этого, можетъ быть, и смерть на полѣ сраженія ста тысячъ солдатъ есть также „естественная смерть“?

* * *

То, что произошло во Франціи, случилось также въ Бельгіи, въ Англіи, въ Германіи, въ Австріи; короче говоря, во всей Европѣ, за исключеніемъ славянскихъ странъ. Страннѣе всего то, что и періоды разграбленія общинъ во всѣхъ странахъ Западной Европы также совпадаютъ. Разница была только въ пріемахъ. Такъ, въ Англіи не рѣшались проводить общихъ мѣръ, а предпочли издать нѣсколько тысячъ отдѣльныхъ актовъ объ обгораживаніи, которыми дворянско-буржуазный парламентъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ утверждалъ конфискацію земли, облекая помѣщика правомъ удерживать за собой обгороженную имъ землю. И несмотря на то, что въ Англіи до сихъ поръ еще видны слѣды тѣхъ бороздъ, которыя служили для передѣла общинныхъ земель на участки, по столько-то на семью, и что мы находимъ въ сочиненіяхъ Маршаля ясное описаніе этого рода землевладѣнія, существовавшаго еще въ началѣ 19-го вѣка—до сихъ поръ еще находятся ученые люди (вродѣ Сибома, достойнаго ученика Фюстель де Куланжа), которые утверждаютъ, что въ Англіи сельскихъ общинъ никогда не существовало помимо крѣпостного права!

Тѣ же пріемы мы видимъ и въ Бельгіи, и въ Германіи, и въ Италіи, и въ Испаніи. Присвоеніе въ личную собственность прежнихъ общинныхъ земель было такимъ образомъ почти завершено къ пятидесятымъ годамъ 19-го столѣтія. Крестьяне удержали за собой лишь жалкіе клочки своихъ общинныхъ земель. Вотъ къ чему привелъ союзъ взаимнаго страхованія между помѣщикомъ, попомъ, солдатомъ и судьей—т. е. Государство—въ отношеніи къ крестьянамъ, которыхъ онъ лишилъ послѣдняго средства обезпеченія отъ нищеты и экономическаго рабства.

* * *

Теперь спрашивается,—организуя и покрывая, такимъ образомъ, грабежъ общинныхъ земель, могло ли

государство допустить существованіе общины, какъ органа мѣстной жизни?

Очевидно нѣтъ.

Допустить, чтобы граждане образовали въ своей средѣ союзъ, которому были бы присвоены нѣкоторыя обязанности государства, было бы противорѣчіемъ государственному принципу. Государство требуетъ прямого и личнаго подчиненія себѣ подданныхъ, безъ посредствующихъ группъ; оно требуетъ равенства въ рабствѣ: оно не можетъ терпѣть „государства въ государствѣ".

Поэтому то въ шестнадцатомъ столѣтіи, какъ только государство начало складываться, оно и приступило къ разрушенію связей, существовавшихъ между гражданами въ городахъ и въ деревняхъ. Если оно иногда и мирилось съ нѣкоторой тѣнью самоуправленія въ городскихъ учрежденіяхъ — но никогда съ независимостью,—то это дѣлалось исключительно ради фискальныхъ цѣлей, ради возможно большаго облегченія общаго государственнаго бюджета, или же для того, чтобы дать возможность состоятельнымъ людямъ въ городахъ обогащаться на счетъ народа; это происходило, напримѣръ, въ Англіи до самаго послѣдняго времени и отражается до сихъ поръ въ ея учрежденіяхъ и обычаяхъ: все городское хозяйство, вплоть до самаго послѣдняго времени было въ рукахъ нѣсколькихъ богатыхъ лавочниковъ.

И это вполнѣ понятно. Мѣстная жизнь развивается изъ обычнаго права, тогда какъ римскій законъ ведетъ къ централизаціи власти. Одновременное существованіе того и другого невозможно: одно изъ двухъ должно исчезнуть.

Вотъ почему, напр., въ Алжирѣ, при французскомъ управленіи, когда кабильская д ж е м м а, или сельская община, ведетъ какой-нибудь процессъ о своихъ земляхъ, каждый членъ общины долженъ обратиться къ суду съ отдѣльною просьбой, такъ какъ судъ скорѣе выслушаетъ пятьдесятъ или двѣсти отдѣльныхъ просителей, чѣмъ одно коллективное ходатайство цѣлой джеммы. Якобинскій уставъ Конвента (извѣстны подъ именемъ кодекса Наполеона) не признаетъ обычнаго

права: для него существуетъ только римское, или скорѣе византійское право.

Вотъ почему, если гдѣ-нибудь во Франціи сломаетъ вѣтромъ дерево на большой дорогѣ, или, если какой-нибудь крестьянинъ пожелаетъ заплатить камнелому два или три франка, вмѣсто того, чтобы самому чинить извѣстный участокъ общинной дороги, то для этого должны засѣсть и царапать перьями цѣлыхъ пятнадцать чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ и государственнаго казначейства; эти великіе дѣльцы должны обмѣняться болѣе чѣмъ пятидесятью бумагами, и только тогда дерево будетъ продано, а крестьянинъ получитъ разрѣшеніе внести свои два-три франка въ общинную кассу.

Вамъ это, можетъ быть, покажется невѣроятнымъ? Посмотрите въ Journal des Economistes статью Трикоша, который составилъ подробный списокъ всѣхъ этихъ пятидесяти бумагъ.

И это, не забудьте, происходитъ при третьей республикѣ: я здѣсь не говорю о „варварскихъ“ пріемахъ стараго порядка, который ограничивался всего пятью или шестью бумагами. Понятно, почему ученые говорятъ, что въ то варварское время контроль государства былъ только номинальный.

* *
*

Но еслибы дѣло было только въ этомъ! Что значило бы, въ концѣ концовъ, лишнихъ 20.000 чиновниковъ и нѣсколько сотъ лишнихъ милліоновъ рублей въ бюджетѣ! Вѣдь это сущіе пустяки для любителей „порядка“ и единообразія.

Но важно то, что надо всѣмъ этимъ лежитъ нѣчто гораздо худшее: самый принципъ, убивающій все живое.

У крестьянъ одной и той же деревни всегда есть тысячи общихъ интересовъ: интересы хозяйственные, отношеніе между сосѣдями, постоянное взаимное общеніе; имъ по необходимости приходится соединяться между собою ради всевозможнѣйшихъ цѣлей. Но такого соединенія государство не любитъ. Оно даетъ имъ

школу, попа, полицейскаго и судью; чего же имъ больше? И если у нихъ явятся еще какія-нибудь нужды, они должны въ установленномъ порядкѣ обращаться къ церкви и къ государству.

Такъ, до 1883 года во Франціи крестьянамъ строго запрещалось составлять между собою какіе бы то ни было союзы, хотя бы для того, напр., чтобы покупать вмѣстѣ химическое удобреніе, или осушать свои поля. Республика рѣшилась, наконецъ, даровать крестьянамъ эти права только въ 1883—86 годахъ, когда былъ изданъ законъ о синдикатахъ, хотя и урѣзанный всевозможными ограниченіями и мѣрами предосторожности. Раньше этого, во Франціи всякое общество, имѣвшее болѣе 19-ти членовъ, считалось противозаконнымъ.

И нашъ умъ такъ извращенъ полученнымъ нами государственнымъ образованіемъ, что мы радуемся, на примѣръ, тому, что земледѣльческіе синдикаты начали съ тѣхъ поръ быстро распространяться во Франціи, не подозрѣвая того, что право союзовъ, котораго крестьяне были лишены цѣлыя столѣтія, составляло ихъ, естественное достояніе въ средніе вѣка; что это было безспорное достояніе всякаго и каждаго, свободнаго или крѣпостного. А мы, настолько пропитались рабскимъ духомъ, что воображаемъ, будто это право составляетъ одно изъ „завоеваній демократіи“.

Вотъ до какого невѣжества довели насъ наше исковерканное и извращенное государствомъ образованіе и наши государственные предразсудки!

IX.

— „Если у васъ есть какія-нибудь общія нужды въ городѣ или въ деревнѣ, обращайтесь съ ними къ церкви и къ государству. Но вамъ строго воспрещается соединяться вмѣстѣ непосредственно и заботиться о нихъ самимъ“. Эти слова раздаются по всей Европѣ, начиная съ шестнадцатаго столѣтія. Уже въ указѣ англійскаго короля Эдуарда III, обнародованномъ въ концѣ четыр-

надцатаго столѣтія, мы читаемъ, что „всѣ союзы, товарищества, собранія, организованныя общества, статуты и присяги, уже установленныя или имѣющія быть установленными среди плотниковъ и каменьщиковъ, отнынѣ будутъ считаться недѣйствительными и упраздненными". Но когда возстанія городовъ и другія народныя движенія, о которыхъ говорилось выше, были подавлены, и государство почувствовало себя полнымъ хозяиномъ, оно рѣшилось наложить руку на всѣ безъ исключенія, народныя учрежденія (гильдіи, братства и т. д.), которыя связывали до сихъ поръ и ремесленниковъ, и крестьянъ. Оно прямо уничтожило ихъ и конфисковало ихъ имущества.

Особенно ясно это видно въ Англіи, гдѣ существуетъ масса декументовъ, отмѣчающихъ каждый шагъ этого уничтоженія. Мало по малу государство начинаетъ давить на гильдіи и братства все сильнѣе и сильнѣе. Оно постепенно отмѣняетъ, сначала ихъ союзы, потомъ ихъ празднества, ихъ старшинъ, которыхъ оно замѣнило своими собственными чиновниками и судьями. Затѣмъ, въ началѣ пятнадцатаго вѣка, при Генрихѣ VIII, государство уже прямо и безъ всякихъ церемоній конфискуетъ имущество гильдій. Наслѣдникъ „великаго" протестанскаго короля, Эдуардъ VI, докончилъ работу своего отца *).

Это былъ настоящій дневной грабежъ, „безъ всякаго оправданія", какъ совершенно вѣрно говоритъ Торольдъ Роджерсъ. И этотъ то самый грабежъ такъ называемые „научные" экономисты выдаютъ намъ теперь за „естественную" смерть гильдіи подъ вліяніемъ экономическихъ законовъ!

* * *

И въ самомъ дѣлѣ, могло ли государство терпѣть гильдіи или корпораціи, съ ихъ торговлей, съ ихъ собственнымъ судомъ, собственной милиціей, казной и организаціей, скрѣпленной присягой? Для государственныхъ людей онѣ были „государствомъ въ гоударствѣ"

*) См. работы Toulmin Smith, о Гильдіяхъ.

Государство было обязано раздавить ихъ, и оно, дѣйствительно, раздавило ихъ повсюду—въ Англіи, во Франціи, въ Германіи, въ Богеміи, сохранивши отъ нихъ лишь внѣшнюю форму, удобную для его фискальныхъ цѣлей и составляющую просто часть огромной административной машины.

Удивительно ли послѣ этого, что гильдіи и ремеленные союзы, лишенные всего того, что прежде составляло ихъ жизнь, и подчиненные королевскимъ чиновникамъ, превратились въ 18-мъ столѣтіи лишь въ бремя, въ препятствіе для промышленнаго развитія, вмѣсто того, чтобы быть самой сущностью его, какой они были за четыреста лѣтъ до того? Государство убило ихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, оно не только уничтожило ту независимость и самобытность, которыя были необходимы для жизни гильдій и для защиты ихъ отъ вторженія государства, оно не только конфисковало всѣ богатства и имущества гильдій: оно вмѣстѣ съ тѣмъ присвоило себѣ и всѣ ихъ экономическія отправленія.

Когда внутри средневѣкового города случалось столкновеніе промышленныхъ интересовъ, или когда двѣ гильдіи не могли придти къ обоюдному соглашенію, за разрѣшеніемъ спора не къ кому было больше обращаться, какъ ко всему городу. Спорящія стороны бывали принуждены сойтись на чемъ-нибудь, найти какой-нибудь компромиссъ, потому что всѣ гильдіи города были заинтересованы въ этомъ. И такой компромиссъ находили; иногда, въ случаѣ нужды, въ качествѣ третейскаго судьи приглашался сосѣдній городъ.

Отнынѣ единственнымъ судьей являлось государство. По поводу каждаго мельчайшаго спора, въ какомъ-нибудь ничтожномъ городкѣ въ нѣсколько сотъ жителей—въ королевскихъ и парламентскихъ канцеляріяхъ скоплялись вороха безполезныхъ бумагъ и кляузъ. Англійскій парламентъ, напримѣръ, былъ буквально заваленъ тысячами такихъ мелкихъ мѣстныхъ дрязгъ. Пришлось держать въ столицѣ тысячи чиновниковъ (большею частью продажныхъ), чтобы сортировать, читать, разбирать всѣ эти бумаги и постановлять по нимъ рѣшенія; чтобы регулировать и упорядочивать

ковку лошадей, бѣленіе полотна, соленіе селедокъ, дѣланье бочекъ и т. д. до безконечности... а кучи дѣлъ все росли и росли!

Но и это было еще не все. Скоро государство наложило свою руку и на внѣшнюю торговлю. Оно увидѣло въ ней средство къ обогащенію и поспѣшило захватить его. Прежде, когда между двумя городами возникало какое-нибудь разногласіе по поводу стоимости вывозимаго сукна, чистоты шерсти или вмѣстимости боченковъ для селедокъ, города сносились по этому поводу между собою. Если споръ затягивался, они обращались къ третьему городу и призывали его въ третейскіе судьи (это случалось сплошь и рядомъ); или же созывался особый съѣздъ гильдій ткачей, или бочаровъ, чтобы придти къ международному соглашенію, на счетъ качества и стоимости сукна или вмѣстимости бочекъ. Теперь явилось государство, которое взялось рѣшать всѣ эти споры изъ одного центра, изъ Парижа или Лондона. Оно начало предписывать черезъ своихъ чиновниковъ объемъ бочекъ, качество сукна, число нитокъ и ихъ толщину въ основѣ и уткѣ; оно начало вмѣшиваться своими распоряженіями въ подробности каждаго ремесла.

* * *

Результатъ вамъ извѣстенъ. Задавленная этимъ контролемъ, промышленность въ 18-мъ столѣтіи вымирала. Куда, въ самомъ дѣлѣ, дѣвалось искусство Бенвенуто Челлини подъ опекой государства?—Оно умерло! А что сталось съ архитектурой тѣхъ гильдій каменщиковъ и плотниковъ, произведеніямъ которыхъ мы удивляемся до сихъ поръ?—Стоитъ лишь взглянуть на уродливые памятники государственнаго періода, чтобы сразу отвѣтить, что архитектура замерла, замерла настолько что и до сихъ поръ еще не можетъ оправиться отъ удара, нанесеннаго ей государствомъ.

Что сталось съ брюжскими полотнами, съ голландскими сукнами? Куда дѣвались тѣ кузнецы, которые умѣли такъ искусно обращаться съ желѣзомъ, что чуть ли не во всякомъ европейскомъ городкѣ изъ подъ

ихъ рукъ выходили изящнѣйшія украшенія изъ этого неблагодарнаго металла? Куда дѣвались токари, часовщики, тѣ мастера, которые создали въ средніе вѣка славу Нюренберга своими точными инструментами? Вспомните хотя бы Джемса Уатта; въ концѣ восемнадцатаго вѣка онъ напрасно искалъ въ продолженіе тридцати лѣтъ людей, которые сумѣли бы выточить точные цилиндры для его паровой машины; его міровое изобрѣтеніе въ теченіе тридцати лѣтъ оставалось грубой моделью, за неимѣніемъ мастеровъ, которые могли бы сдѣлать по ней машину.

Таковы были результаты вмѣшательства государства въ промышленность. Все что оно сумѣло сдѣлать—это придавить, принизить работника, обезлюдить страну, посѣять нищету въ городахъ, довести милліоны людей въ деревняхъ до голоданія,—выработать систему промышленнаго рабства.

И вотъ эти то жалкіе остатки старыхъ гильдій, эти то организмы, раздавленные и задушенные государствомъ, эти то безполезныя части государственной администраціи—„научные“ экономисты смѣшиваютъ въ своемъ невѣжествѣ со средневѣковыми гильдіями! То, что было уничтожено великой революціей, какъ помѣха промышленности, были уже не гильдіи, и даже не рабочіе союзы: это были безполезныя и даже вредныя части государственной машины.

* * *

Но что революція тщательно сохранила, это—власть государства надъ промышленностью, надъ промышленнымъ рабомъ—рабочимъ.

Вспомните, что говорилось въ Конвентѣ—въ страшномъ террористическомъ Конвентѣ—по поводу одной стачки, въ отвѣтъ на требованія стачечниковъ (цитирую на память): „Одно государство имѣетъ право блюсти интересы гражданъ. Вступая въ стачку, вы составляете коалицію, вы создаете государство въ государствѣ. А потому—смертная казнь за стачку!“

Обыкновенно въ этомъ отвѣтѣ видятъ только буржуазный характеръ французской революціи. Но нѣтъ ли

въ немъ еще и другого, болѣе глубокаго смысла? Не указываетъ ли онъ на отношеніе государства ко всему обществу вообще—отношеніе, нашедшее себѣ самое яркое выраженіе въ якобинствѣ 1793 года?

„Если вы чѣмъ-нибудь недовольны, обращайтесь къ государству! Оно одно имѣетъ право удовлетворять жалобы своихъ подданныхъ. Но соединяться вмѣстѣ для самозащиты—этого нельзя!“ Въ этомъ то смыслѣ республика и назвала себя единственной и *нераздѣльной*.

И развѣ не такъ же думаетъ и современный соціалистъ-якобинецъ? Развѣ Конвентъ съ присущей ему свирѣпой логикой, не выразилъ его сокровенной мысли?

* * *

Въ этомъ отвѣтѣ Конвента выразилось отношеніе всякаго государства ко всѣмъ сообществамъ, ко всѣмъ частнымъ организаціямъ, каковы бы ни были ихъ цѣли.

Что касается стачки въ Россіи, она и теперь еще считается преступленіемъ противъ государства.

Въ значительной степени то же можно сказать и о Германіи, гдѣ императоръ Вильгельмъ еще недавно говорилъ углекопамъ: „Обращайтесь ко мнѣ; но если вы когда-нибудь посмѣете дѣйствовать въ своихъ интересахъ сами, вы скоро познакомитесь со штыками моихъ солдатъ!“

Го-же самое почти всегда происходитъ и во Франціи. И даже въ Англіи, только послѣ столѣтій борьбы путемъ тайныхъ обществъ, путемъ кинжала, пускаемаго въ ходъ противъ предателя и хозяина, путемъ подкладыванія пороха подъ машины (не дальше, какъ въ 1860 году) наждака въ подшипники и т. п., англійскимъ рабочимъ почти удалось добиться права стачекъ. Они скоро добьются его окончательно, если только не попадутъ въ ловушку, уже разставленную имъ государствомъ, которое хочетъ навязать имъ обязательное посредничество въ столкновеніяхъ съ хозяевами, въ обмѣнъ на законъ о восьми-часовомъ рабочемъ днѣ.

Больше ста лѣтъ ужасной борьбы! И сколько страданій, сколько рабочихъ умерло въ тюрьмахъ, сколько

сослано въ Австралію, убито, повѣшено! И все это для того, чтобы возвратить себѣ то право соединяться въ союзы, которое—повторяю опять—составляло достояніе каждаго человѣка, свободнаго или крѣпостного въ тѣ времена, когда государство еще не успѣло наложить свою тяжелую руку на общество *).

* * *

Но не только рабочіе подверглись этой участи. Вспомните о той борьбѣ, которую пришлось выдержать съ государствомъ буржуазіи, чтобы добиться права образовывать торговыя общества—права, которое государство предоставило ей только тогда, когда увидѣло въ такихъ обществахъ легкій способъ создавать монополіи въ пользу своихъ служителей и пополнять свою казну. А борьба за право говорить, писать, или даже думать не такъ, какъ велитъ государство посредствомъ своихъ академій, университетовъ и церкви! А борьба за право учить, хотя бы только грамотѣ! право, которое государство оставляетъ за собой, и которымъ оно не пользуется. А право даже веселиться сообща? Я уже не говорю о выборныхъ судьяхъ, или о томъ, что въ средніе вѣка человѣку очень часто предоставлялось самому выбирать, у какого судьи онъ желаетъ судиться и по какому закону. И я не говорю также о той борьбѣ, которая еще предстоитъ намъ, прежде чѣмъ наступитъ день, когда будетъ сожжена книга возмутительныхъ наказаній, порожденныхъ духомъ инквизиціи и восточныхъ дес-

*) Даже и теперь, не далѣе, какъ въ 1903 г., при консервативномъ министерствѣ, право стачекъ снова подорвано. Палата Лордовъ, дѣйствуя какъ высшая судебная инстанція, постановила слѣдующее: въ случаѣ стачки, если будетъ доказано, что рабочій союзъ *отговаривалъ*—просто отговаривалъ, безъ устраненія силою, черезъ своихъ подчасковъ—рабочихъ, собиравшихся заступить мѣста забастовавшихъ рабочихъ, то весь рабочій союзъ отвѣчаетъ своею кассою, за убытки, понесенные хозяевами. Въ извѣстной Taff Vale забастовкѣ, рабочій союзъ долженъ былъ уплатить хозяевамъ свыше 50,000 фун., т. е. болѣе полу-милліона рублей. Второй такой же случай былъ поднятъ недавно, и рабочій союзъ кончилъ дѣло, признавъ себя должнымъ 300,000 руб.

потій, книга, извѣстная подъ названіемъ Уголовнаго Закона.

* * *

Или посмотрите на систему налоговъ—учрежденіе чисто государственнаго происхожденія, являющееся могучимъ орудіемъ въ рукахъ государства, которое пользуется имъ, какъ во всей Европѣ, такъ и въ молодыхъ республикахъ Соединенныхъ Штатовъ Америки, для того, чтобы держать подъ своей властью массы населенія, доставлять выгоды своимъ сторонникамъ, раззорять большинство въ угоду правящему меньшинству, и поддерживать старыя общественныя дѣленія, старыя касты.

Посмотрите на войны, безъ которыхъ государство не можетъ ни образоваться, ни существовать,—войны которыя дѣлаются неизбѣжными, какъ только мы допустимъ, что извѣстная мѣстность (только потому, что она составляетъ одно государство) можетъ имѣть интересы, противоположные интересамъ сосѣднихъ мѣстностей. Подумайте только о прошлыхъ войнахъ, и будущихъ, которыя грозятъ намъ; о войнахъ за торговые рынки; о войнахъ для созданія колоніальныхъ имперій... А мы всѣ знаемъ, какое рабство несетъ съ собой война, все равно кончается ли она побѣдой или пораженіемъ.

* * *

Но изъ всѣхъ перечисленныхъ мною золъ, едва ли не самое худшее—это воспитаніе, которое намъ даетъ государство, какъ въ школѣ, такъ и въ послѣдующей жизни. Гасударственное воспитаніе такъ извращаетъ нашъ мозгъ, что само понятіе о свободѣ въ насъ исчезаетъ и замѣняется понятіями рабскими.

Грустно видѣть, какъ глубоко многіе изъ тѣхъ, которые считаютъ себя революціонерами, ненавидятъ анархистовъ только потому, что анархическое понятіе о свободѣ не укладывается въ то узкое и странное представленіе о ней, которое они почерпнули изъ сво-

его проникнутаго государственнымъ духомъ воспитанія. А между тѣмъ, намъ приходится встрѣчаться съ этимъ на каждомъ шагу.

Зависитъ это отъ того, что въ молодыхъ умахъ всегда искусно развивали и до сихъ поръ развиваютъ духъ добровольнаго рабства, съ цѣлью упрочить на вѣки подчиненіе подданнаго государству.

Философію, проникнутую любовью къ свободѣ, всячески стараются задушить католически-государственною философіей. Исторію извращаютъ, начиная уже съ самой первой страницы, гдѣ разсказываются басни о меровингскихъ, каролингскихъ и рюриковскихъ династіяхъ,—и до самой послѣдней, гдѣ воспѣвается якобинство, а народъ и его роль въ созданіи общественныхъ учрежденій обходятся молчаніемъ. Даже естествознаніе ухитряются извратить въ пользу двуголоваго идола, церкви и государства; а психологію личности, и еще больше общества, искажаютъ на каждомъ шагу, чтобы оправдать тройственный союзъ—изъ солдата, попа и палача.

Даже теорія нравственности, которая въ теченіе цѣлыхъ столѣтій проповѣдовала повиновеніе церкви, или той или другой, якобы священной книгѣ, освобождается теперь отъ этихъ путъ, только затѣмъ, чтобы проповѣдовать повиновеніе государству. „У васъ нѣтъ никакихъ прямыхъ обязанностей по отношенію къ вашему ближнему, въ васъ нѣтъ даже чувства взаимности; всѣ ваши обязанности—обязанности по отношенію къ государству; безъ государства вы перегрызли бы другъ другу горло“,—учитъ насъ эта новая религія, называющая себя „научною“, въ то время какъ она молится все тому же, престарому, римскому и кесарьскому божеству. „Сосѣдъ, другъ, общинникъ, со-гражданинъ,—ты долженъ забыть все это! ты долженъ сноситься съ другими не иначе, какъ чрезъ посредство одного изъ органовъ твоего государства. И всѣ вы должны упражняться въ одной добродѣтели: учиться быть рабами государства. Государство—твой Богъ!“

И это прославленіе государства и дисциплины, надъ которыми трудятся и церковь, и университетъ, и пресса,

и политическія партіи, производятся съ такимъ успѣхомъ, что даже революціонеры не смѣютъ смотрѣть этому новому идолу прямо въ глаза.

Современный радикалъ—централистъ, государственникъ и якобинецъ до мозга костей. По его же стопамъ идутъ и соціалисты. Подобно флорентинцамъ конца пятнадцатаго столѣтія, которые отдались въ руки диктатуры государства, чтобы спастись отъ деспотизма патриціевъ, современные соціалисты не находятъ ничего лучшаго, какъ призвать тѣхъ же боговъ—ту же диктатуру, то же государство, чтобы спастись отъ гнусностей экономической системы, созданной тѣмъ же государствомъ!

X.

Если вы вникнете глубже во всѣ тѣ разнообразные факты, которыхъ мы могли лишь поверхностно коснуться въ этомъ очеркѣ; если вы посмотрите на государство, какимъ оно явилось въ исторіи, и какимъ по существу своему продолжаетъ быть и теперь; если вы убѣдитесь, какъ убѣдились мы, что общественное учрежденіе не можетъ служить безразлично всѣмъ цѣлямъ, потому что, какъ всякій органъ, оно развивается ради одной извѣстной функціи, а не ради всѣхъ безразлично,—вы поймете, почему мы неизбѣжно приходимъ къ заключенію о необходимости уничтоженія государства.

Мы видимъ въ немъ учрежденіе, которое въ теченіе всей исторіи человѣческихъ обществъ служило для того, чтобы мѣшать всякому союзу людей между собою, чтобы препятствовать развитію мѣстнаго почина, душить уже существующія вольности и мѣшать возникновенію новыхъ. И мы знаемъ, что учрежденіе, которое прожило уже нѣсколько столѣтій и прочно сложилось въ извѣстную форму, ради того, чтобы выполнить извѣстную роль въ исторіи, не можетъ быть принаровлено къ роли противоположной.

* * *

Что же намъ говорятъ въ отвѣтъ на этотъ доводъ, неопровержимый для всякаго, кто только задумывался надъ исторіей? Намъ противопоставляютъ возраженіе почти дѣтское: „Государство уже есть, оно существуетъ и представляетъ готовую и сильную организацію. Зачѣмъ же разрушать ее, если можно ею воспользоваться? Правда, теперь она вредна, но это потому, что она находится въ рукахъ эксплуататоровъ. А разъ она попадетъ въ руки народа, почему же ей не послужить для благой цѣли, для народнаго блага?“

Это—все та же мечта шиллеровскаго маркиза Позы, пытавшагося превратить самодержавіе въ орудіе освобожденія, или мечта аббата Фромана въ романѣ Золя, „Римъ“, пытающагося сдѣлать изъ католической церкви рычагъ соціализма!...

Не грустно ли, что приходится отвѣчать на такіе доводы? Вѣдь тѣ, кто разсуждаетъ такимъ образомъ, или не имѣетъ ни малѣйшаго понятія объ исторической роли государства, или же представляетъ себѣ соціальную революцію въ такомъ жалкомъ и ничтожномъ видѣ, что она не имѣетъ ничего общаго съ соціалистическими стремленіями.

* * *

Возьмемъ, какъ конкретный примѣръ, Францію. Всѣмъ намъ извѣстенъ тотъ поразительный фактъ, что третья республика во Франціи, несмотря на свою республиканскую форму, остается по существу монархической. Всѣ мы упрекаемъ ее за то, что она оказалась неспособной сдѣлать Францію республиканской; я уже не говорю о томъ, что она ничего не сдѣлала для соціальной революціи: я хочу только сказать, что она даже не внесла республиканскихъ нравовъ и республиканскаго духа. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, все то немногое, что, дѣйствительно, б ы л о сдѣлано въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ для демократизаціи нравовъ или для распространенія просвѣщенія,—дѣла-

лось повсюду, даже и въ европейскихъ монархіяхъ, подъ давленіемъ духа того времени, которое мы переживаемъ.—Откуда же явился во Франціи этотъ странный государственный строй — республиканская монархія?

Происходитъ онъ отъ того, что Франція была и осталась государствомъ, въ той же мѣрѣ, въ какой она была тридцать лѣтъ тому назадъ. Имена правителей измѣнились, но все это огромное чиновничье зданіе, созданное во Франціи по образцу императорскаго Рима, осталось; колеса этого громаднаго механизма продолжаютъ по прежнему обмѣниваться пятидесятью бумагами каждый разъ, когда вѣтромъ снесетъ дерево на большой дорогѣ. Штемпель на бумагахъ измѣнился, но государство, его духъ, его органы, его территоріальная централизація и централизація функцій—остались безъ перемѣны. Мало того: какъ всякіе паразиты, они день ото дня все больше и больше расползаются по всей странѣ.

Республиканцы—по крайней мѣрѣ искренніе—долго льстили себя надеждой, что имъ удастся воспользоваться государственной организаціей для того, чтобы произвести перемѣну въ республиканскомъ смыслѣ; мы видимъ теперь, какъ они обочлись.

Вмѣсто того, чтобы уничтожить старую организацію, уничтожить государство и создать новыя формы объединенія, исходя изъ самыхъ основныхъ единицъ каждаго общества—изъ сельской общины, свободнаго союза рабочихъ и т. д.—они захотѣли „воспользоваться старой, уже существующей организаціей“. И за это непониманіе той истины, что историческое учрежденіе нельзя заставить по произволу работать, то въ томъ, то въ другомъ направленіи, что оно имѣетъ свой собственный путь развитія, они поплатились тѣмъ, что были сами поглощены этимъ учрежденіемъ.

А между тѣмъ, здѣсь дѣло еще не шло объ измѣненіи всѣхъ экономическихъ отношеній общества, какъ идетъ у насъ: вопросъ былъ лишь въ измѣненіи нѣкоторыхъ политическихъ отношеній между людьми.

* *
*

И несмотря на эту полную неудачу, несмотря на такой жалкій результатъ, намъ все еще продолжаютъ повторять, что завоеваніе государственной власти народомъ будетъ достаточно для совершенія соціальной революціи. Насъ хотятъ увѣрить, несмотря на всѣ неудачи, что старая машина, старый организмъ, медленно выработавшійся въ теченіе хода исторіи съ цѣлью убивать свободу, порабощать личность, подыскивать для притѣсненія законное основаніе, отуманивать человѣческіе умы, постепенно пріучая ихъ къ рабству мысли— какимъ то чудомъ вдругъ окажется пригоднымъ для новой роли: вдругъ явится и орудіемъ, и рамками, въ которыхъ создастся новая жизнь, водворится свобода и равенство на экономическомъ основаніи, наступитъ пробужденіе общества и завоеваніе имъ лучшаго будущаго!...

Какая нелѣпость! Какое непониманіе исторіи!

Чтобы дать просторъ широкому росту соціализма, нужно вполнѣ перестроить все современное общество, основанное на узкомъ лавочническомъ индивидуализмѣ. Вопросъ не только въ томъ, чтобы, какъ иногда выражаются на метафизическомъ языкѣ, „возвратить рабочему цѣликомъ весь продуктъ его труда“, но въ томъ, чтобы измѣнить самый характеръ всѣхъ отношеній между людьми, начиная съ отношеній отдѣльнаго обывателя къ какому-нибудь церковному старостѣ или начальнику станціи,—и кончая отношеніями между различными ремеслами, деревнями, городами и областями. На всякой улицѣ, во всякой деревушкѣ, въ каждой группѣ людей, сгруппировавшихся около фабрики или желѣзной дороги, долженъ проснуться творческій, созидательный и организаціонный духъ,—для того, чтобы и на фабрикѣ, и на желѣзной дорогѣ, и въ деревнѣ, и въ складѣ продуктовъ, и въ потребленіи, и въ производствѣ, и въ распредѣленіи все перестроилось по новому. Всѣ отношенія между личностями и человѣческими группами должны будутъ подвергнуться перестройкѣ съ того самаго часа, когда мы рѣшимся до-

тронуться впервые до современной общественной организаціи, до ея коммерческихъ или административныхъ учрежденій.

И вотъ эту то гигантскую работу, требующую свободной дѣятельности народнаго творчества, хотятъ втиснуть въ рамки государства! хотятъ ограничить предѣлами пирамидальной организаціи, составляющей сущность государства! Изъ государства, самый смыслъ существованія котораго заключается, какъ мы видѣли, въ подавленіи личности, въ уничтоженіи всякой свободной группировки, всякаго свободнаго творчества, въ ненависти ко всякому личному почину и въ торжествѣ одной идеи (которая по необходимости должна быть идеей посредственности),—изъ этого-то механизма хотятъ сдѣлать орудіе для выполненія гигантскаго превращенія!... Цѣлымъ общественнымъ обновленіемъ хотятъ управлять путемъ указовъ и избирательнаго большинства!... Какое ребячество!

* *
*

Черезъ всю исторію нашей цивилизаціи проходятъ два теченія, двѣ враждебныя традиціи: римская и народная; императорская и федералистская; традиція власти и традиція свободы. И теперь, наканунѣ великой соціальной революціи, эти двѣ традиціи опять стоятъ лицомъ къ лицу.

Которое намъ выбрать изъ этихъ двухъ борющихся въ человѣчествѣ теченій—теченіе народное или теченіе правительственнаго меньшинства, стремящагося къ политическому и религіозному господству,—сомнѣнія быть не можетъ. Нашъ выборъ сдѣланъ. Мы пристаемъ къ тому теченію, которое еще въ двѣнадцатомъ вѣкѣ приводило людей къ организаціи, основанной на свободномъ соглашеніи, на свободномъ починѣ личности, на вольной федераціи тѣхъ, кто нуждается въ ней. Пусть другіе стараются, если хотятъ, удержаться за традиціи каноническаго и императорскаго Рима!

* *
*

Исторія не представляетъ одной, непрерывной линіи развитія. По временамъ развитіе останавливалось

въ одной части свѣта, а затѣмъ возобновлялось въ другой. Египетъ, Азія, берега Средиземнаго моря центральная Европа поочередно перебывали ареной историческаго развитія. И каждый разъ развитіе начиналось съ первобытнаго племени; затѣмъ оно переходило въ стадію сельской общины; затѣмъ наступалъ періодъ вольныхъ городовъ и, наконецъ, періодъ государства, во время котораго развитіе продолжалось нѣкоторое время, но затѣмъ вскорѣ замирало.

Въ Египтѣ цивилизація началась въ средѣ первобытнаго племени, достигла ступени сельской общины; потомъ пережила періодъ вольныхъ городовъ, и позднѣе приняла форму государства, которое послѣ временнаго процвѣтанія привело къ смерти страны.

Развитіе снова началось въ Ассиріи, въ Персіи, въ Палестинѣ; снова оно прошло черезъ тѣ же ступени—первобытнаго племени, сельской общины, вольнаго города, всесильнаго государства, и затѣмъ опять наступила—смерть!

Новая цивилизація возникла въ Греціи. Опять начавшись съ первобытнаго племени, медленно переживъ сельскую общину, она вступила въ періодъ республиканскихъ городовъ. Въ этой формѣ греческая цивилизація достигла своего полнаго расцвѣта. Но вотъ, съ востока на нее повѣяло ядовитымъ дыханіемъ восточныхъ деспотическихъ традицій. Войны и побѣды создали македонскую имперію Александра. Водворилось государство, и начало сосать жизненные соки изъ цивилизаціи, пока не насталъ тотъ же конецъ—смерть!

Цивилизація перенеслась тогда въ Римъ. Здѣсь мы опять видимъ зарожденіе изъ первобытнаго племени; потомъ сельскую общину, и затѣмъ вольный городъ. Опять въ этой формѣ римская цивилизація достигла своего апогея. Но затѣмъ явилось государство, имперія, и съ нею конецъ—смерть!

На развалинахъ римской имперіи цивилизація возродилась среди кельтскихъ, германскихъ, славянскихъ и скандинавскихъ племенъ. Медленно вырабатывало первобытное племя свои учрежденія, пока они не приняли формы сельской общины. Въ этой стадіи они дожили до двѣнадцатаго столѣтія. Тогда возникли республи-

канскіе вольные города, породившіе тотъ славный разцвѣтъ человѣческаго ума, о которомъ свидѣтельствуютъ намъ памятники архитектуры, широкое развитіе искусствъ и открытія, положившія основанія нашему естествознанію. Но затѣмъ явилось на сцену государство и... неужели опять смерть? Да, смерть—или возрожденіе! Смерть, если мы не сумѣемъ перестроить общество на свободномъ противогосударственномъ фундаментѣ.

Одно изъ двухъ. Или государство должно быть разрушено, и въ такомъ случаѣ новая жизнь возникнетъ въ тысячѣ центровъ, на почвѣ энергической личной и групповой иниціативы, на почвѣ вольнаго соглашенія. Или же государство раздавитъ личность и мѣстную жизнь; завладѣетъ всѣми областями человѣческой дѣятельности, принесетъ съ собою войны и внутреннюю борьбу изъ за обладанія властью, поверхностныя революціи, лишь смѣняющія тирановъ и, какъ неизбѣжный конецъ—смерть!

Выбирайте сами!

ОБЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ГОСУДАРСТВУ.

Люди долго не могли понять, что индульгенціи, инквизиція, рабство, пытки несовмѣстимы съ христіанствомъ; но пришло время и это было понято, какъ придетъ время и будетъ понято,—прежде несовмѣстимость военной службы съ христіанствомъ (это уже начинается), а потомъ и вообще службы государству.

Еще 50 лѣтъ тому назадъ очень мало извѣстный, но весьма замѣчательный американскій писатель Торо (Thoreau) ясно не только выразилъ эту несовмѣстимость въ своей прекрасной статьѣ объ обязанности человѣка не повиноваться правительству, но и на дѣлѣ показалъ примѣръ этого неповиновенія. Онъ отказался платить требуемыя съ него подати, не желая быть пособникомъ и участникомъ того государства, которое узаконило рабство, и былъ посаженъ за это въ тюрьму.

Торо отказался отъ уплаты податей государству. Понятно, что на томъ же основаніи не можетъ и служить человѣкъ государству, ибо нельзя считать совмѣстимымъ съ нравственнымъ достоинствомъ, отдавать свой трудъ такому учрежденію, которое служитъ представителемъ узаконеннаго человѣкоубійства и грабительства.

Торо сказалъ это, сколько мнѣ кажется, первый, 50 лѣтъ тому назадъ. Тогда никто не обратилъ на этотъ его отказъ и статью вниманія, — такъ это показалось страннымъ.

Такія истины, какъ то, что христіанинъ не можетъ быть военнымъ, т. е. убійцей, не можетъ быть слугой того учрежденія, которое держится насиліемъ и убійствомъ,— такъ несомнѣнны, просты и неопровержимы, что для того, чтобы люди усвоили ихъ, не нужно никакихъ ни разсужденій, ни доказательствъ, ни краснорѣчія, а нужно только, не переставая, повторять ихъ для того, чтобы большинство людей услышало и поняло ихъ.

Истины о томъ, что христіанинъ не можетъ быть участникомъ убійства, или служить и получать жалованье, насильно собираемое съ бѣдныхъ начальниками убійцъ,—такъ просты и неоспоримы, что всякій, слышащій ихъ, не можетъ не согласиться съ ними; и если, услыхавъ ихъ, онъ продолжаетъ поступать противно этимъ истинамъ, то только потому, что онъ привыкъ поступать противно имъ,—что ему трудно переломить себя, и что большинство поступаетъ такъ же, какъ и онъ, такъ что не слѣдованіе истинѣ не лишаетъ его уваженія большинства наиболѣе уважаемыхъ людей.

Происходитъ то же, что съ вегетаріанствомъ. „Человѣкъ можетъ быть живъ и здоровъ, не убивая для своей пищи животныхъ;—слѣдовательно, если онъ ѣстъ мясо, онъ содѣйствуетъ убійству животныхъ только для прихоти своего вкуса. Такъ поступать — безнравственно“. Это такъ просто и несомнѣнно, что не согласиться съ этимъ нельзя. Но потому, что большинство еще ѣстъ мясо, люди, услышавъ это разсужденіе, признаютъ его справедливымъ и тутъ же, смѣясь, говорятъ: „а все-таки кусокъ хорошаго бифштекса—хорошая вещь, и я съ удовольствіемъ поѣмъ его нынче за обѣдомъ“.

Точно такъ же относятся теперь офицеры и чиновники къ доводамъ о несовмѣстимости христіанства и гуманности съ военной и гражданской службой. „Да, это, разумѣется, правда“, скажетъ такой чиновникъ, „а все-таки пріятно носить мундиръ, эполеты, по которымъ васъ вездѣ пропустятъ и окажутъ уваженіе, и еще пріятнѣе, независимо отъ какихъ бы то ни было случайностей, вѣрно и несомнѣнно получать каждое первое число свое жалованье. Такъ что разсужденіе

ваше справедливо, а я все-таки постараюсь получить прибавку жалованья и пенсію". Разсужденіе признается несомнѣннымъ; но, во первыхъ, убить быка для бифштекса приходится не самому, а онъ уже убитъ, и подати собирать и убивать приходится не самому, а подати уже собраны и войска есть; а во вторыхъ, большинство людей еще не слыхали этого разсужденія и не знаютъ, что нехорошо такъ поступать. И потому можно еще не отказываться отъ вкуснаго бифштекса и отъ дающаго такъ много, пріятнаго мундира, орденовъ, и, главное, ежемѣсячнаго, вѣрнаго жалованія: „а потомъ видно будетъ".

Все дѣло держится только на томъ, что люди не слыхали разсужденія, показывающаго имъ несправедливость и преступность ихъ жизни. И потому надо не уставать повторять „Carthago delenda est", и Carthago непремѣнно разрушится.

Я не говорю, что разрушится государство и его власть,—оно еще не скоро распадется, еще слишкомъ много въ толпѣ грубыхъ элементовъ, поддерживающихъ его,—но уничтожится христіанская опора государства, т. е. перестанутъ насильники поддерживать свой авторитетъ святостью христіанства. Насильники будутъ насильники, и больше ничего. И когда это будетъ, когда имъ нельзя будетъ прикрываться мнимымъ христіанствомъ,—тогда и конецъ всякаго насилія будетъ близокъ.

Будемъ же стараться приближать этотъ конецъ. „Carthago delenda est". Государство есть насиліе, христіанство есть смиреніе, непротивленіе, любовь, и потому государство не можетъ быть христіанскимъ, и человѣкъ, который хочетъ быть христіаниномъ, не можетъ служить государству.

. . . . . .

. . . . . .

Сила правительства держится на невѣжествѣ народа, и оно знаетъ это и потому всегда будетъ бороться противъ просвѣщенія. Пора намъ понять это. Давать же правительству возможность, распространяя мракъ, дѣлать видъ, что оно занято просвѣщеніемъ

народа, какъ это дѣлаютъ всякаго рода мнимо-просвѣтительныя учрежденія, контролируемыя имъ,—школы, гимназіи, университеты, академіи, всякаго рода комитеты и съѣзды,—бываетъ чрезвычайно вредно. Добро—добро, и просвѣщеніе — просвѣщеніе только тогда, когда оно совсѣмъ добро и совсѣмъ просвѣщеніе, а не примѣнительно къ циркулярамъ министровъ. Главное же, мнѣ всегда жалко, что такія драгоцѣнныя, безкорыстныя, самоотверженныя силы тратятся такъ непроизводительно. Иногда мнѣ просто смѣшно смотрѣть на то, какъ люди, хорошіе, умные, тратятъ свои силы на то, чтобы бороться съ правительствомъ на почвѣ тѣхъ законовъ, которые пишетъ по своему произволу это самое правительство.

Дѣло, мнѣ кажется, въ слѣдующемъ:

Есть люди, къ которымъ мы принадлежимъ, которые знаютъ, что наше правительство очень дурно, и борятся съ нимъ. Со временъ Радищева и Декабристовъ способовъ борьбы употреблялось два: одинъ способъ — Стеньки Разина, Пугачева, Декабристовъ, революціонеровъ шестидесятыхъ годовъ, дѣятелей 1-го Марта и другихъ; другой—способъ „постепеновцевъ“—состоящій въ томъ, чтобы бороться на законной почвѣ, безъ насилія, отвоевывая понемногу себѣ права. Оба способа, не переставая, употребляются вотъ уже болѣе полустолѣтія на моей памяти, и положеніе становится все хуже и хуже; если положеніе и улучшается, то происходитъ это не благодаря той или другой изъ этихъ дѣятельностей, *) а несмотря на вредъ этихъ дѣятельностей (по другимъ причинамъ, о которыхъ я скажу послѣ), и та сила, противъ которой борятся, становится все могущественнѣе, сильнѣе и наглѣе. Послѣдніе проблески самоуправленія: земство, судъ, комитеты грамотности и остальное—все упраздняется.

---

*) Эта статья писалась 10 лѣтъ тому назадъ. Въ наши дни великій писатель не придалъ бы, конечно, своей мысли столь категорическаго выраженія. Въ наши дни—возможно ли отрицать, что зачатки свободы добыты самоотверженной борьбой?

Прим. ред.

Теперь, когда прошло столько времени, что тщетно употребляются оба эти средства, можно, кажется, ясно видѣть, что ни то, ни другое средство не годится и почему. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, который всегда питалъ отвращеніе къ нашему правительству, но никогда не прибѣгалъ ни къ тому, ни къ другому способу борьбы съ нимъ, недостатки этихъ обоихъ средствъ очевидны.

Первое средство не годится потому, что, если бы даже и удалось измѣненіе существующаго порядка посредствомъ насилія, то ничто бы не ручалось за то, что установившійся новый порядокъ былъ бы проченъ, и что враги этого новаго порядка не восторжествовали бы при удачныхъ условіяхъ и при помощи того же насилія, какъ это много разъ бывало во Франціи и вездѣ, гдѣ бывали революціи. И потому новый, установленный насиліемъ, порядокъ вещей долженъ былъ бы непрестанно быть поддерживаемъ тѣмъ же насиліемъ, т. е. беззаконіемъ, и, вслѣдствіе этого, неизбѣжно и очень скоро испортился бы такъ же, какъ и тотъ, который онъ замѣнилъ. При неудачѣ же, какъ это всегда было у насъ, всѣ насилія революціонныя, отъ Пугачева до 1-го Марта, только усиливали тотъ порядокъ вещей, противъ котораго они боролись, переводя въ лагерь консерваторовъ и ретроградовъ все огромное количество нерѣшительныхъ, стоявшихъ по срединѣ и не принадлежащихъ ни къ тому, ни къ другому лагерю людей. И потому думаю, что, руководствуясь и опытомъ, и разсужденіемъ, смѣло можно сказать, что средство это, кромѣ того, что безнравственно,—неразумно и недѣйствительно.

Еще менѣе дѣйствительно и разумно, по моему мнѣнію, второе средство. Оно недѣйствительно и неразумно потому, что правительство, имѣя въ своихъ рукахъ всю власть (войско, администрацію, церковь, школы, полицію) и составляя само тѣ, такъ называемые, законы, на почвѣ которыхъ либералы хотятъ бороться съ нимъ,—правительство, зная очень хорошо, что именно ему опасно, никогда не допуститъ людей, подчиняющихся ему и дѣйствующихъ подъ его руководствомъ, дѣлать какія бы то ни было дѣла, подры-

вающія его власть. Такъ, напримѣръ, хоть бы въ данномъ случаѣ, правительство, какъ у насъ (да и вездѣ), держащееся на невѣжествѣ народа, никогда не позволитъ истинно просвѣщать его. Оно разрѣшаетъ всякаго рода мнимо-просвѣтительныя учрежденія, контролируемыя имъ школы, гимназіи, университеты, академіи, всякаго рода комитеты и съѣзды и подцензурныя изданія, до тѣхъ поръ, пока эти учрежденія и изданія служатъ его цѣлямъ, т. е. одуряютъ народъ, или, по крайней мѣрѣ, не мѣшаютъ одуренію его; но при всякой попыткѣ этихъ учрежденій или изданій пошатнуть то, на чемъ зиждется власть правительства, т. е. невѣжество народа, правительство преспокойно, не отдавая никому отчета, почему оно поступаетъ такъ, а не иначе, произноситъ свое „veto“, преобразовываетъ, закрываетъ заведенія или учрежденія и запрещаетъ изданія. И потому, какъ это ясно и по разсужденію, и по опыту, такое мнимое, постепенное завоеваніе правъ есть самообманъ, очень выгодный правительству и поэтому даже поощряемый имъ.

Но мало того, что эта дѣятельность неразумна и недѣйствительна, она и вредна. Вредна этого рода дѣятельность, во-первыхъ, потому, что просвѣщенные, добрые и честные люди, вступая въ ряды правительства, придаютъ ему нравственный авторитетъ, который оно не имѣло бы безъ нихъ. Если бы все правительство состояло бы изъ однихъ только тѣхъ грубыхъ насильниковъ, корыстолюбцевъ и льстецовъ, которые составляютъ его ядро, оно не могло бы держаться. Только участіе въ дѣлахъ правительства просвѣщенныхъ и честныхъ людей даетъ правительству тотъ нравственный престижъ, который оно имѣетъ. Въ этомъ — одинъ вредъ дѣятельности либераловъ, участвующихъ или входящихъ въ сдѣлки съ правительствомъ. Во вторыхъ, вредна такая дѣятельность потому, что для возможности ея проявленія, эти самые просвѣщенные, честные люди, допуская компромиссы, пріучаются по немногу къ мысли о томъ, что для доброй цѣли можно немножко отступать отъ правды въ словахъ и дѣлахъ. Можно, напримѣръ, не признавая

существующую религію, исполнять ея обряды, можно присягать, можно подавать ложные, противные человѣческому достоинству, адресы, если это нужно для успѣха дѣла, можно поступать въ военную службу, можно участвовать въ земствѣ, не имѣющемъ никакихъ правъ, можно служить учителемъ, профессоромъ, преподавая не то, что самъ считаешь нужнымъ, а то, что предписано правительствомъ, даже—земскимъ начальникомъ, подчиняясь противнымъ совѣсти требованіямъ и распоряженіямъ правительства, можно издавать газеты и журналы, умалчивая о томъ, что нужно сказать, и печатая то, что велятъ; дѣлая же эти компромиссы, предѣловъ которыхъ никакъ нельзя предвидѣть, просвѣщенные и честные люди, которые одни могли бы составлять какую-нибудь преграду правительству въ его посягательствѣ на свободу людей, незамѣтно отступая все дальше и дальше отъ требованій своей совѣсти, не успѣютъ оглянуться, какъ уже попадаютъ въ положеніе полной зависимости отъ правительства: получаютъ отъ него жалованье, награды и, продолжая воображать, что они проводятъ либеральныя идеи, становятся покорными слугами и поддерживателями того самаго строя, противъ котораго они выступили.

Правда, есть и лучшіе, искренніе люди этого лагеря, которые не поддаются на заманиванія правительства и остаются свободными отъ подкупа, жалованья и положенія. Эти люди, большей частью, запутавшись въ тѣхъ сѣтяхъ, которыми ихъ опутываетъ правительство, бьются въ этихъ сѣтяхъ, топчась на одномъ мѣстѣ, или, раздражившись, переходятъ въ лагерь революціонеровъ, или стрѣляются, или спиваются, или, отчаявшись, бросаютъ все, и, что чаще всего, удаляются въ литературу, гдѣ, подчиняясь требованіямъ цензуры, высказываютъ только то, что позволено, и этимъ самымъ умолчаніемъ о самомъ важномъ внося самыя превратныя и желательныя для правительства мысли въ публику, продолжаютъ воображать, что они своимъ писаніемъ, дающимъ имъ средство къ существованію, служатъ обществу.

Такъ что и разсужденіе, и опытъ показываютъ мнѣ,

что оба средства борьбы противъ правительства, употреблявшіяся до сихъ поръ и теперь употребляемыя, не только не дѣйствительны, но оба содѣйствуютъ усиленію власти и произвола правительства.

Что же дѣлать? Очевидно не то, что въ продолженіе семидесяти лѣтъ оказалось безплоднымъ и только достигало обратныхъ результатовъ. Что же дѣлать? А то самое, что дѣлаютъ тѣ, благодаря дѣятельности которыхъ совершалось все то движеніе впередъ къ свѣту, къ добру, которое совершалось и совершается съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ міръ. Вотъ это то и надо дѣлать.—Что же это такое?

А простое, спокойное, правдивое исполненіе того, что считаешь хорошимъ и должнымъ, совершенно независимо отъ правительства, отъ того, что это нравится или не нравится ему. Или другими словами: отстаиваніе своихъ правъ, не какъ члена комитета грамотности, или гласнаго, или землевладѣльца, или купца, или даже члена парламента, а отстаиваніе своихъ правъ разумнаго и свободнаго человѣка, и отстаиваніе ихъ не такъ, какъ отстаиваются права земствъ и комитетовъ, съ уступками и компромиссами, а безъ всякихъ уступокъ и компромиссовъ, какъ и не можетъ иначе отстаиваться нравственное и человѣческое достоинство.

Для того, чтобы успѣшно защищать крѣпость, нужно сжечь всѣ дома предмѣстья и оставить только то, что твердо и что мы ни за что не намѣрены сдать. Точно также и здѣсь: надо сначала уступить все то, что мы можемъ сдать, и оставить только то, что не сдается. Только тогда, утвердившись на этомъ несдаваемомъ, мы можемъ завоевать и все то, что намъ нужно. Правда, права члена парламента, или хоть земства, или комитета,—больше, чѣмъ права простого человѣка, и, пользуясь этими правами, кажется, что можно сдѣлать очень многое; но горе въ томъ, что для пріобрѣтенія правъ земства, парламента, комитета, надо отказаться отъ части своихъ правъ, какъ человѣка. А отказавшись хотя отъ части правъ, какъ человѣка, нѣтъ уже никакой точки опоры, и нельзя ни завоевать, ни удержать никакого настоящаго права.

Для того, чтобы вытаскивать другихъ изъ тины, надо самому стоять на твердомъ, а если для удобства вытаскиванія самому сойти въ тину, то и другихъ не вытащишь и самъ завязнешь. Очень можетъ быть хорошо и полезно провести въ парламентѣ восьмичасовой день, или въ комитетѣ либеральную программу школьныхъ библіотекъ; но если для этого нужно члену парламента публично, поднимая руку, лгать, произнося присягу, лгать, выражая словами уваженіе тому, чего онъ не уважаетъ; или, для насъ, для проведенія самыхъ либеральныхъ программъ, служить молебны, присягать, надѣвать мундиры, писать лживыя и льстивыя бумаги и говорить такія же рѣчи и т. п., то, дѣлая всѣ эти вещи, мы теряемъ, отказываясь отъ своего человѣческаго достоинства, гораздо больше, чѣмъ выигрываемъ и, стремясь къ достиженію одной опредѣленной цѣли (большей частью цѣль эта и не достигается), лишаемъ себя возможности достигнуть другихъ, самыхъ важныхъ цѣлей. Вѣдь сдерживать правительство и противодѣйствовать ему могутъ только люди, въ которыхъ есть нѣчто, чего они ни за что, ни при какихъ условіяхъ не уступятъ. Для того, чтобы имѣть силу противодѣйствовать, надо имѣть точку опоры. И правительство очень хорошо знаетъ это и заботится главное о томъ, чтобы вытравить изъ людей то, что не уступаетъ—человѣческое достоинство. Когда же оно вытравлено изъ нихъ, правительство спокойно дѣлаетъ то, что ему нужно, зная, что оно не встрѣтитъ уже настоящаго противодѣйствія. Человѣкъ, который согласился публично присягать, произнося недостойныя и лживыя слова присяги, или покорно въ мундирѣ дожидаться нѣсколько часовъ пріема министра, или записаться въ охрану на коронаціи, или для приличія исполнить обрядъ говѣнія, или впередъ спрашивать у начальниковъ цензуры можно ли, или нельзя ему высказать тѣ, или другія мысли и т. п., уже не страшенъ правительству.

Вѣдь люди, участвующіе въ правительствѣ или работающіе подъ его руководствомъ, дѣлая видъ, что они борятся, могутъ обманывать себя и своихъ единомышленниковъ; но тѣ, кто съ ними борятся, не-

сомнѣнно знаютъ по противодѣйствію, которое они оказываютъ, что они не тянутъ, а дѣлаютъ только видъ.

Русское, напримѣръ, правительство знало это очень хорошо и, зная это, спокойно уничтожило все то, чѣмъ такъ гордились либералы, воображая себѣ, что они все это сдѣлали; — измѣнило, ограничивъ, судъ присяжныхъ; уничтожило мировой судъ; уничтожило университетскія права; измѣнило всю систему преподаванія въ гимназіяхъ; возобновило кадетскіе корпуса; даже казенную продажу вина; установило земскихъ начальниковъ; узаконило розги; уничтожило почти земство; дало безконтрольную власть губернаторамъ; поощрило экзекуціи; усилило административныя ссылки и заключенія въ тюрьмы, и казни политическихъ; ввело новыя гоненія за вѣру; довело одуреніе народа дикими суевѣріями до послѣдней степени; узаконило убійство на дуэляхъ; установило беззаконіе въ видѣ охраны, съ смертной казнью, какъ нормальный порядокъ вещей; и въ проведеніи всѣхъ этихъ мѣръ не встрѣчало никакого противодѣйствія.

Я думаю, что всего этого не было бы, еслибы тѣ просвѣщенные и честные люди, которые теперь заняты либеральной дѣятельностью на почвѣ законности въ земствахъ, комитетахъ, подцензурной литературѣ и т. п., не направляли бы свою энергію на то, чтобы въ формахъ, учрежденныхъ самимъ правительствомъ, какъ-нибудь обмануть его и заставить дѣйствовать себѣ на вредъ и погибель **), а только на то, чтобы ни въ какомъ случаѣ не участвуя въ правительствѣ и ни въ какихъ дѣлахъ, связанныхъ съ нимъ, отстаивать свои личныя права человѣка.

„Вамъ угодно вмѣсто мировыхъ судей учредить — земскихъ начальниковъ съ розгами, — это ваше дѣло; но мы не пойдемъ ни судиться къ вашимъ земскимъ

**) Иногда мнѣ просто смѣшно подумать, какъ могутъ люди заниматься такимъ, очевидно невозможнымъ дѣломъ, точно какъ думать, что можно отрѣзать у животнаго ногу такъ, чтобы оно не замѣтило.

начальникамъ, ни сами не будемъ поступать въ эту должность; вамъ угодно сдѣлать судъ присяжныхъ одною формальностью,—это ваше дѣло, но мы не пойдемъ въ судьи, ни въ адвокаты, ни въ присяжные; вамъ угодно, подъ видомъ охраны, установить безправіе,—это ваше дѣло, но мы не будемъ участвовать въ ней и будемъ прямо называть охрану беззаконіемъ и смертныя казни безъ суда убійствомъ; вамъ угодно устроить классическія гимназіи съ военными упражненіями и закономъ Божіимъ, или кадетскіе корпуса, — ваше дѣло, но мы не будемъ въ нихъ учителями, не будемъ посылать въ нихъ нашихъ дѣтей, а будемъ воспитывать ихъ такъ, какъ мы считаемъ хорошимъ; вамъ угодно свести на нѣтъ земство, — мы не будемъ участвовать въ немъ; вы запрещаете печатать то, что вамъ не нравится, — вы можете ловить, сжигать, наказывать типографщиковъ, но говорить и писать вы не можете намъ помѣшать, и мы будемъ дѣлать это; вы велите присягать на вѣрность, — мы не будемъ дѣлать этого, потому что это глупость, ложь и подлость; вы велите служить въ военной службѣ, — мы не будемъ дѣлать этого, потому что считаемъ массовое убійство такимъ же противнымъ совѣсти поступкомъ, какъ и убійство одиночное, а, главное, обѣщаніе убивать, кого прикажетъ начальникъ,—самымъ подлымъ поступкомъ, который можетъ сдѣлать человѣкъ; вы исповѣдуете религію, отставшую на тысячу лѣтъ отъ вѣка, съ Иверской, мощами и коронаціями, — это ваше дѣло, но идолопоклонство и изувѣрство мы не только не признаемъ религіею, но называемъ изувѣрствомъ и идолопоклонствомъ и стараемся избавить отъ него людей".

И что же можетъ правительство противъ такой дѣятельности? Можно сослать, посадить въ тюрьму человѣка за то, что онъ готовитъ бомбу или даже печатаетъ прокламацію къ рабочимъ; можно передать комитетъ грамотности изъ одного министерства въ другое, или закрыть парламентъ; но что можетъ сдѣлать правительство съ человѣкомъ, который не хочетъ публично лгать, поднимая руку, или не хочетъ дѣтей отдавать въ заведеніе, которое онъ считаетъ дурнымъ,

или не хочетъ учиться убивать людей, или не хочетъ участвовать въ идолопоклонствѣ, или не хочетъ участвовать въ коронаціяхъ, встрѣчахъ и адресахъ, или говоритъ и пишетъ то, что думаетъ и чувствуетъ? Преслѣдуя человѣка, правительство дѣлаетъ изъ такого человѣка, возбуждающаго общее сочувствіе, мученика и подрываетъ тѣ основы, на которыхъ оно само держится, такъ какъ, поступая такъ, оно, вмѣсто того, чтобы охранять человѣческія права людей, само нарушаетъ ихъ.

И стоитъ только всѣмъ тѣмъ хорошимъ, просвѣщеннымъ и честнымъ людямъ, силы которыхъ гибнутъ теперь во вредъ себѣ и дѣлу на революціонной, соціалистической и либеральной дѣятельности, начать поступать такъ, и образовалось бы сплоченное одной мыслью и однимъ чувствомъ ядро честныхъ, просвѣщенныхъ и нравственныхъ людей, и къ ядру этому тотчасъ примкнула бы вся, всегда колеблющаяся масса среднихъ людей и явилась бы та единственная сила, которая покоряетъ правительства, общественное мнѣніе — требующее свободы слова, свободы совѣсти, справедливости и человѣчности; какъ скоро составилось бы общественное мнѣніе, такъ не только нельзя было бы закрывать комитетъ грамотности, но сами собой уничтожились бы всѣ тѣ безчеловѣчныя учрежденія въ видѣ охраны, тайной полиціи, цензуры, Шлиссельбурга, синода, съ которыми борятся теперь революціонеры и либералы.

Такъ что для борьбы съ правительствомъ пробованы были два средства, оба неудачныя, и остается теперь испытать третье, послѣднее, которое еще не пробовано и которое, по моему мнѣнію, не можетъ не быть успѣшно. Средство это, коротко выраженное, состоитъ въ томъ, чтобы всѣмъ просвѣщеннымъ и честнымъ людямъ стараться быть какъ можно лучше, и даже лучше не во всѣхъ отношеніяхъ, а только въ одномъ, именно соблюсти одну изъ своихъ элементарныхъ добродѣтелей — быть честнымъ, не лгать, а поступать и говорить такъ, чтобы мотивы, по которымъ поступаешь, были понятны любящему тебя твоему семилѣтнему сыну; поступать такъ, чтобы сынъ этотъ

не сказалъ: „а зачѣмъ же ты, папаша, говорилъ тогда то, а теперь дѣлаешь или говоришь совсѣмъ другое?“ Средство это кажется очень слабымъ, а между тѣмъ я убѣжденъ, что только одно это средство двигало человѣчество съ тѣхъ поръ, какъ оно существуетъ. Только потому, что были такіе люди прямые, правдивые, мужественные и неуступавшіе никому въ дѣлѣ своего человѣческаго достоинства и совершились всѣ тѣ благіе перевороты, которыми теперь пользуются люди — отъ уничтоженія пытки, рабства до свободы слова и совѣсти. И это не можетъ быть иначе потому, что то, что требуется совѣстью, высшимъ предчувствіемъ доступной человѣку истины, — есть всегда и во всѣхъ отношеніяхъ самая плодотворная и самая нужная въ данную минуту для человѣчества дѣятельность. Только человѣкъ, живущій сообразно своей совѣсти, можетъ имѣть вліяніе на людей, и только дѣятельность, сообразная съ совѣстью, можетъ быть полезна.

Но я долженъ оговориться: то, что для достиженія тѣхъ цѣлей, къ которымъ стремятся и революціонеры и либералы, самое дѣйствительное средство есть дѣятельность, сообразная съ своей совѣстью—не значитъ то, что для достиженія этихъ цѣлей можно начать жить сообразно съ своею совѣстью. Нарочно начать жить сообразно съ своей совѣстью для достиженія какихъ либо внѣшнихъ цѣлей—нельзя.

Жить сообразно съ своей совѣстью можно только вслѣдствіе твердыхъ и ясныхъ религіозныхъ убѣжденій. Когда же есть твердыя и ясныя религіозныя убѣжденія, то благія послѣдствія отъ нихъ во внѣшней жизни придутъ неизбѣжно. А потому сущность того, что я хотѣлъ сказать вамъ состоитъ въ томъ, что невыгодно хорошимъ, искреннимъ людямъ тратить силы ума и души на достиженіе мелкихъ, практическихъ цѣлей, какъ разныя борьбы народности, партій, либеральныхъ вымогательствъ, когда не установлено ясное и твердое религіозное міровоззрѣніе, т. е. сознаніе смысла своей жизни и своего назначенія. Я думаю, что всѣ силы души и разума хорошихъ людей, желающихъ служить людямъ, должны быть направлены на это. А когда это будетъ, то будетъ и все остальное.

МИХАИЛЪ БАКУНИНЪ О ГОСУДАРСТВѢ.

Касаясь вопроса объ отношеніи къ государству, мы считаемъ необходимымъ, оставляя въ сторонѣ цѣлый рядъ брошюръ и статей новѣйшихъ авторовъ, познакомить читателя хотя-бы въ общихъ чертахъ—но наиболѣе характернымъ выдержкамъ—съ блестящимъ трактатомъ Михаила Бакунина „Богъ и государство". Какъ извѣстно, этотъ трактатъ остался незаконченнымъ; указываютъ на то, что онъ лишенъ цѣльности и страдаетъ отсутствіемъ пропорціональности въ частяхъ. Во всякомъ случаѣ, идеи великаго революціонера и его взгляды на государство выражены въ предлагаемой статьѣ вполнѣ опредѣленно.

„Бакунинъ доказываетъ, пишетъ Э. Реклю въ предисловіи къ французскому изданію, несостоятельность вѣрованія въ ту божественную власть, на которой основаны всѣ земныя власти; онъ доказываетъ чисто человѣческое происхожденіе всѣхъ правительствъ". Государство онъ отрицаетъ въ самой основѣ его. Уже не говоря о современныхъ формахъ властвованія „благородныхъ" и богатыхъ, властвованія, основаннаго всецѣло на нагломъ захватѣ и безстыдномъ насиліи, Бакунинъ „не оставляетъ камня на камнѣ и въ Кантовской теоріи передачи управленія въ руки ученыхъ".

Государственность онъ ставитъ въ тѣснѣйшую связь съ религіей.

„Первый шагъ на пути къ человѣчности, говоритъ онъ—человѣкъ-звѣрь совершаетъ подъ вліяніемъ религіи: но пока онъ остается религіознымъ, онъ никогда не достигнетъ цѣли, ибо всякая религія обрекаетъ его на суевѣріе, толкаетъ на ложный путь и заставляетъ его искать божественное, вмѣсто человѣческаго".

Страхъ передъ грозными силами природы—по мнѣнію Бакунина, положилъ начало религіознымъ вѣрованіямъ. Уже въ мірѣ животныхъ можно наблюдать факторы возникновенія религій, которая находитъ свое развитіе лишь въ человѣческомъ мірѣ. Чувство страха явилось первымъ активнымъ началомъ. У человѣка оно было сильнѣе, чѣмъ у животныхъ, ибо человѣкъ въ меньшей степени нежели животныя былъ одаренъ естественными орудіями борьбы, силою и выносливостью, которыя помогали бы ему бороться со враждебными силами природы. Фетишизмъ, говоритъ Бакунинъ, это первая фаза религіи, это и есть ничто иное, какъ религія страха.

Первобытный человѣкъ искалъ боговъ среди видимыхъ имъ предметовъ: въ звѣздахъ, мѣсяцѣ, солнцѣ. Затѣмъ, умъ человѣческій сталъ охватывать всю вселенную и, наконецъ, постепенное развитіе довело человѣка до признанія единаго Бога, какъ единой причины всего существующаго. Бѣгло разсматривая развитіе религіозныхъ понятій, Бакунинъ приходитъ къ заключенію, что каждое общественное явленіе нераздѣльно связано съ религіей. „Мы убѣждены, говоритъ онъ, что никакое крупное общественное и политическое преобразованіе въ мірѣ не происходитъ безъ аналогичнаго, сопутствующаго ему движенія въ сферѣ философскихъ и религіозныхъ идей, царящихъ въ сознаніи единицъ и обществъ. Наибольшимъ препятствіемъ къ освобожденію человѣчества является въ настоящее время, по мнѣнію Бакунина, христіанская и доктринерская деистическая метафизика. Доказательствомъ этого служитъ то обстоятельство, что всѣ „государственные люди" Европы, не вѣря сами ни въ Бога ни въ чорта,

неизмѣнно поддерживаютъ религію, поскольку та пропагандируетъ терпѣніе и подчиненіе власти.

„Если Богъ существуетъ, то человѣкъ—рабъ"... Какой бы характеръ ни носило интеллектуальное рабство, послѣдствіемъ его всегда будетъ политическое и общественное рабство.

Государство—порождено религіей. „Оно родилось, отмѣчаетъ Бакунинъ, изъ сочетанія насилія, разгрома, грабежа, словомъ, войны и покоренія,—съ богами, постепенно создававшимися телеологическимъ воображеніемъ народовъ".

. . . . . .

Мы не считаемъ возможнымъ „излагать" идеи Бакунина. Въ рядѣ выдержекъ мы попытаемся словами самого великаго революціонера характеризовать его взгляды на государство и его отношеніе къ нему.

. . . . . .

— Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что вѣра въ Бога, творца, распорядителя, судью и хозяина, то проклинающаго міръ, то изливающаго на него свои благодѣянія,—господствуетъ среди народа, особенно въ глухой провинціи, гдѣ она распространена несравненно больше, чѣмъ среди городского пролетаріата. Къ несчастію, народъ все еще очень невѣжественъ, *благодаря систематическимъ усиліямъ всѣхъ правительствъ, не безъ основанія полагающихъ, что невѣжество массъ—одно изъ главнѣйшихъ условій ихъ власти.* Обремененный ежедневной работой, лишенный досуга, разумной бесѣды, чтенія, словомъ, всѣхъ средствъ и побужденій, развивающихъ въ человѣкѣ мышленіе,—народъ обыкновенно принимаетъ религіозныя традиціи безъ всякой критики, оптомъ. Эти традиціи окружаютъ его съ дѣтства во всѣхъ обстоятельствахъ жизни и, искусственно поддерживаемыя въ умахъ множествомъ оффиціальныхъ отравителей всякаго рода, духовныхъ и свѣтскихъ, обращаются въ привычку, часто гораздо болѣе могущественную, чѣмъ здравый смыслъ.

Существуетъ классъ людей, которые, если не вѣрятъ, то должны, по крайней мѣрѣ, дѣлать видъ, что вѣрятъ. Къ этому классу принадлежатъ всѣ мучители, всѣ угнетатели и эксплоататоры человѣчества священ-

ники, монархи, государственные люди, солдаты, финансисты, чиновники всѣхъ ранговъ, полицейскіе, жандармы, тюремщики и палачи, монополисты, капиталисты, сборщики податей, подрядчики и домовладѣльцы, адвокаты, экономисты, политики всѣхъ оттѣнковъ, купцы, кончая самымъ мелкимъ торговцемъ пряниками. Всѣ они повторяютъ въ унисонъ слова Вольтера: „Если бы Бога не было, то его надо было бы изобрѣсти“, потому что „вы понимаете, народъ долженъ имѣть религію. Это—предохранительный клапанъ“.

Существуетъ, наконецъ, довольно многочисленный классъ честныхъ, но робкихъ душъ, которыя слишкомъ интеллигентны для того, чтобы серьезно принять всѣ христіанскіе догматы, но, отвергая ихъ въ подробностяхъ, они не имѣютъ достаточно мужества и рѣшимости цѣликомъ выбросить ихъ за бортъ. Они позволяютъ вамъ критиковать вопіющія нелѣпости религіи, вмѣстѣ съ вами подтруниваютъ надъ чудесами, но отчаянно цѣпляются за „существованіе Бога“. У нихъ нѣтъ ни энергіи, ни желанія, ни рѣшимости слѣдовать своимъ мыслямъ, и они теряютъ попусту время въ постоянныхъ мучительныхъ усиліяхъ примирить непримиримое. Въ общественной жизни они извѣстны подъ именемъ буржуа—соціалистовъ, конституціоналистовъ-демократовъ и т. п.

. . . . . .

Что такое власть? Есть ли это непреложная сила законовъ природы, которая проявляется въ роковой связи и послѣдовательности явленій физическаго и соціальнаго міра? Дѣйствительно, здравый смыслъ запрещаетъ намъ возмущаться противъ этихъ законовъ. Мы можемъ не такъ понимать или вовсе не знать ихъ, но не можемъ не повиноваться имъ, потому что они составляютъ основное условіе нашей жизни; они окружаютъ насъ, проникаютъ въ насъ, регулируютъ всѣ наши движенія, мысли и поступки; въ тѣхъ же случаяхъ, когда мы пытаемся не повиноваться имъ, они еще нагляднѣе доказываютъ намъ свое всемогущество. Да, мы абсолютно рабы этихъ законовъ. Но въ подобномъ рабствѣ нѣтъ униженія; потому что рабство, въ истинномъ значеніи этого слова, предполагаетъ госпо-

дина, законодателя, стоящаго внѣ того, кѣмъ онъ управляетъ, тогда какъ эти законы не внѣ насъ, а нераздѣльны съ нами; они составляютъ все наше существо, физическое, интеллектуальное и моральное; мы живемъ, дышемъ, дѣйствуемъ, желаемъ только по этимъ законамъ. Безъ нихъ мы—ничто, мы вовсе не существуемъ. Откуда же можетъ явиться сила и желаніе возмущаться противъ нихъ?

Только одна свобода возможна для человѣка въ его отношеніи къ законамъ природы—свобода познанія и примѣненія ихъ въ постоянно расширяющемся масштабѣ, сообразно съ преслѣдуемой имъ цѣлью коллективной или индивидуальной эмансипаціи или гуманизаціи. Эти законы, однажды признанные, имѣютъ власть, которая никогда не оспаривается большинствомъ людей. Надо быть, напримѣръ, до глубины души или теологомъ или, по крайней мѣрѣ, метафизикомъ, юристомъ, или буржуазнымъ экономистомъ, чтобы возмущаться противъ закона, по которому дважды два—четыре. Надо имѣть воображеніе поэта, чтобы вообразить огонь, который не жжетъ и воду, которая не течетъ, исключая, конечно, опытовъ, основанныхъ на примѣненіи другихъ, одинаково непреложныхъ законовъ природы. Но такія возмущенія или, скорѣе, такія попытки безумной фантазіи къ возмущенію, рѣшительно рѣдки и вообще можно сказать, что большинство людей въ своей повседневной жизни руководствуются здравымъ смысломъ, т. е. признаютъ всю сумму общепризнанныхъ законовъ природы.

Великое несчастіе заключается въ томъ, что подавляющее большинство законовъ природы, уже установленныхъ наукой какъ таковые, остается неизвѣстнымъ народнымъ массамъ благодаря бдительному попеченію правительствъ, существующихъ, какъ всѣмъ извѣстно, для блага народа.

И другое, не менѣе значительное, заключается въ томъ, что большая часть законовъ природы, регулирующихъ развитіе человѣческаго общества и такихъ же необходимыхъ и неизмѣнныхъ, какъ и законы, управляющіе физическимъ міромъ, не были еще признаны

и должнымъ образомъ установлены самой наукой. Разъ они будутъ признаны наукой, а затѣмъ путемъ цѣлесообразной системы народнаго образованія перейдутъ въ сознаніе всѣхъ, вопросъ о свободѣ будетъ окончательно рѣшенъ. Самыя упорныя власти силою очевидности должны будутъ признать, что тогда не будетъ необходимости въ политической организаціи, въ управленіи и законодательствѣ, въ этихъ трехъ вещахъ, которыя, исходятъ ли онѣ отъ воли государя или являются результатомъ парламентскаго голосованія, даже и въ случаѣ согласія ихъ съ законами природы,— чего никогда не было и не будетъ, — всегда бываютъ роковыми и враждебными свободѣ большинства, вслѣдствіе самаго того факта, что налагаютъ на людей систему внѣшнихъ и потому деспотическихъ законовъ.

Свобода человѣка состоитъ единственно въ томъ, чтобы повиноваться законамъ природы, потому что человѣкъ самъ призналъ ихъ за таковые, а не потому, чтобы они были навязаны ему извнѣ какой бы то ни было внѣшней волей, божественной или человѣческой, коллективной или индивидуальной.

Представьте себѣ ученую академію, составленную изъ самыхъ знаменитыхъ представителей науки; представьте, что этой академіи было бы поручено законодательство и организація общества, и что, вдохновляемая чистѣйшей любовью къ истинѣ, она сочинила бы лишь законы, абсолютно гармонирующіе съ послѣдними открытіями науки.

И все-таки я, со своей стороны, утверждаю, что подобное законодательство и организація были бы ужасны по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому что человѣческая наука всегда и непремѣнно несовершенна, и что, сравнивая то, что открыто съ безконечностью того, что еще остается открыть, нужно сознаться, что она находится еще въ зачаточномъ состояніи. Такъ что, если бы мы попробовали принудить человѣка въ его практической жизни, какъ коллективной, такъ и индивидуальной, строго и исключительно сообразоваться съ послѣдними данными науки, то мы осудили бы и общество и индивида терпѣть мученія на Прокрустовомъ ложѣ, которыя очень быстро привели бы ихъ къ

печальному концу, такъ какъ жизнь несравненно болѣе великая вещь, чѣмъ наука.

А во-вторыхъ, общество, которое повиновалось бы законодательству, исходящему отъ научной академіи, не потому что оно само прониклось сознаніемъ раціональности этого законодательства, (въ такомъ случаѣ существованіе академіи сдѣлалось бы безполезнымъ), но потому только, что это законодательство, исходящее отъ академіи, навязано во имя науки, передъ которою общество благоговѣетъ, не понимая ея,—такое общество было бы обществомъ не людей, а скотовъ. Оно было бы вторымъ изданіемъ тѣхъ миссій въ Парагваѣ, которыя такъ долго подчинялись власти іезуитовъ: оно неизбѣжно и быстро спустилось бы на самую низкую степень идіотизма.

Но есть еще и третья причина, которая сдѣлала бы подобное управленіе невозможнымъ, а именно та, что научная академія, облеченная, такъ сказать, абсолютною верховною властью, даже если бы она состояла изъ самыхъ знаменитыхъ людей, неизбѣжно и скоро покончила бы свое существованіе благодаря моральному и интеллектуальному разложенію. Даже и теперь, при всей незначительности данныхъ имъ привилегій, таковъ неизбѣжный конецъ всѣхъ академій. Величайшій научный геній, съ того момента какъ онъ становится академикомъ, оффиціально дипломированнымъ ученымъ, неизбѣжно впадаетъ въ лѣность. Онъ теряетъ свою самобытность, свою революціонную отвагу и ту тревожную, дикую энергію, которая отличаетъ всѣхъ геніевъ, когда-либо призванныхъ разрушить старые міры и заложить основаніе новымъ; хотя онъ несомнѣнно выигрываетъ въ политичности, въ утилитарной и практической мудрости то, что теряетъ въ мощности мысли. Однимъ словомъ, онъ вырождается.

Характерной чертой привилегій и всякаго привилегированнаго положенія является то, что они убиваютъ душу и сердце человѣка. Привилегированный въ политическомъ или экономическомъ отношеніи человѣкъ развращенъ въ своемъ умѣ и сердцѣ. Это соціальный законъ, не допускающій исключеній; онъ въ одинаковой мѣрѣ приложимъ какъ къ цѣлымъ націямъ, такъ

и къ отдѣльнымъ классамъ, корпораціямъ и индивидамъ. Неограниченное равенство — главнѣйшее условіе свободы и гуманности. Главная цѣль этого трактата въ томъ и заключается, чтобы доказать эту истину во всѣхъ проявленіяхъ человѣческой жизни.

Научное собраніе, которому было бы поручено управленіе обществомъ, скоро кончило бы тѣмъ, что перестало бы посвящать себя наукѣ, а занялось бы совсѣмъ другимъ дѣломъ, и это дѣло, какъ дѣло всякой установленной власти, состояло бы въ вѣчныхъ стараніяхъ сдѣлать ввѣренное его заботамъ общество болѣе глупымъ и, слѣдовательно, болѣе безпомощнымъ, нуждающимся въ его управленіи.

Но то, что вѣрно относительно научныхъ академій, точно также вѣрно и относительно всѣхъ учредительныхъ и законодательныхъ собраній, не исключая и тѣхъ, которыя избраны всеобщимъ голосованіемъ. Въ послѣднемъ случаѣ, правда, они могутъ обновить свой составъ, но это не мѣшаетъ образованію, черезъ немного лѣтъ, собранія политиковъ, фактически, но не по закону привилегированныхъ, которые, посвящая себя исключительно управленію общественными дѣлами страны, образуютъ въ концѣ концовъ нѣчто вродѣ политической аристократіи или олигархіи. Примѣромъ этого могутъ служить Американскіе Соединенные Штаты и Швейцарія.

Слѣдовательно, не нужно никакого внѣшняго законодательства и никакой власти, потому что одно неразрывно связано съ другимъ и оба клонятся къ порабощенію общества и къ униженію самихъ законодателей.

. . . . . .

Новѣйшіе идеалисты придерживаются очень своеобразныхъ понятій о власти. Хотя и свободные отъ традиціонныхъ предразсудковъ всѣхъ существующихъ религій, они тѣмъ не менѣе придаютъ идеѣ власти божественное, абсолютное значеніе. Они основываютъ ее отчасти на quasi-философскихъ разсужденіяхъ, главнымъ же образомъ, на смутной религіозной вѣрѣ, слѣдовательно, на чувствѣ и на поэтическихъ фантазіяхъ.

Идеалисты вѣрятъ несомнѣнно въ то, что человѣческія идеи и дѣла, чтобы имѣть большій авторитетъ среди людей, должны быть облечены божественной санкціей.

. . . . . .

Такимъ образомъ мы снова возвращаемся назадъ подъ иго церкви и государства. Правда, что эта новая организація, основанная идеалистами, философами и учеными, и обязанная своимъ существованіемъ, подобно всѣмъ старымъ политическимъ организаціямъ, „милости Божіей“, но поддерживаемая на этотъ разъ мнимой волей народа, не будетъ больше называться церковью, а будетъ называться школой. Но кто же отъ этого выиграетъ? На скамьяхъ этой школы будутъ сидѣть не дѣти; нѣтъ, тамъ будетъ вѣчно пребывать хронически несовершеннолѣтній ученикъ, никогда, по общему признанію, не будущій въ состояніи сдать свои выпускные экзамены и возвыситься до уровня своихъ учителей и обходиться безъ ихъ муштровки; этотъ ученикъ—народъ. Государство не будетъ болѣе называться демократической республикой, но тѣмъ не менѣе оно будетъ государствомъ, то есть, опекой оффиціально и систематически организованнаго меньшинства компетентныхъ людей, геніальныхъ, талантливыхъ или добродѣтельныхъ, которые будутъ блюсти и направлять поведеніе этого большого, неисправимаго и ужаснаго ребенка,—народа. Профессора школы и чиновники государства будутъ называться республиканцами; но они тѣмъ не менѣе будутъ опекунами и пастырями, а народъ останется тѣмъ же, чѣмъ былъ и до сихъ поръ, то есть стадомъ. А гдѣ есть стадо, тамъ непремѣнно должны быть и пастухи, чтобы стричь и пожирать его.

Народъ, по этой системѣ, несмотря на принадлежащую ему верховную власть, совершенно фиктивную, будетъ продолжать служить орудіемъ чужой мысли, чужой воли и, слѣдовательно, чужихъ интересовъ. Между этимъ положеніемъ и тѣмъ, что мы называемъ свободой, единственной реальной свободой,—цѣлая пропасть. Это будетъ прежнее угнетеніе и прежнее рабство въ новой формѣ; а гдѣ есть рабство, тамъ есть и нищета, и жестокость, тамъ реальный соціальный

матеріализмъ, привилегированные классы—съ одной стороны, и народныя массы—съ другой.

. . . . . .

. . . . . .

Дѣйствительная школа для народа и для всѣхъ взрослыхъ людей—это жизнь. Единственная великая, всемогущая, естественная и въ то же время раціональная власть, единственная, которую мы можемъ уважать, есть власть духа коллективной общественности, основанная на взаимномъ уваженіи всѣхъ членовъ общества. Да! существуетъ власть, вовсе не божественная, а вполнѣ человѣческая, но передъ нею мы готовы преклониться, увѣренные, что это единственная власть, которая не порабощаетъ людей; наоборотъ, она освободитъ ихъ. Она будетъ въ тысячу разъ могущественнѣе, нежели всѣ божественныя, теологическія, метафизическія, политическія и юридическія власти, установленныя церковью и государствомъ; могущественнѣе, нежели уголовные кодексы, тюремщики и палачи.

Сила коллективнаго чувства и духа общественности даже и теперь вещь очень серьезная. Даже такъ называемые привычные преступники рѣдко осмѣливаются открыто оскорблять его. Они стараются обмануть его, но остерегаются грубо попирать, если только не чувствуютъ за собой поддержки болѣе или менѣе значительнаго меньшинства. Ни у одного человѣка, какимъ бы сильнымъ онъ ни считалъ себя, не хватитъ силы выносить единодушное презрѣніе общества; никто не можетъ жить, не чувствуя поддержки въ одобреніи и уваженіи той или другой части общества. Человѣкъ долженъ быть побуждаемъ какимъ-нибудь великимъ и очень искреннимъ убѣжденіемъ, чтобы найти мужество говорить и дѣйствовать противъ мнѣнія всѣхъ, а развращенный, себялюбивый и трусливый человѣкъ никогда не найдетъ въ себѣ такого мужества.

Ничто не доказываетъ яснѣе, чѣмъ этотъ фактъ, естественной и неизбѣжной солидарности, которая связываетъ всѣхъ людей. Каждый изъ насъ можетъ провѣрять этотъ законъ ежедневно и на себѣ, и на

всѣхъ людяхъ, которыхъ онъ знаетъ. Но если существуетъ эта соціальная власть, то почему до сихъ поръ ея было недостаточно для того, чтобы смягчить людей, сдѣлать ихъ нравственнѣе? Просто потому, что до сихъ поръ самая эта власть не была облагорожена; а не была она облагорожена оттого, что соціальная жизнь, вѣрнымъ отраженіемъ которой она всегда была, основана, какъ намъ извѣстно, на поклоненіи божеству, а не на уваженіи къ человѣчеству; на власти, а не на свободѣ; на привилегіяхъ, а не на равенствѣ; на эксплоатаціи, а не на братствѣ людей; на несправедливости и лжи, а не на истинѣ и справедливости. Слѣдовательно, реальное дѣйствіе духа общественности всегда было въ противорѣчіи съ гуманитарными теоріями, постоянно подвергалось гибельному и развращающему вліянію. Вліяніе общественнаго мнѣнія сказывалось до сихъ поръ не въ подавленіи пороковъ и преступленій, а въ умноженіи и распространеніи ихъ. Слѣдовательно, власть его божественная, антигуманная; вліяніе его зловредное и бѣдственное. Хотите сдѣлать эту власть и это вліяніе благотворными и гуманными? Совершите соціальную революцію. Сдѣлайте всѣ потребности дѣйствительно солидарными и заставьте матеріальные и соціальные интересы каждаго сообразоваться съ человѣческими обязанностями каждаго. А для этой цѣли есть только одно средство: разрушьте всѣ несправедливыя учрежденія; установите вообще экономическое и соціальное равенство, и на этомъ фундаментѣ возникнетъ свобода, нравственность, гуманная солидарность всѣхъ людей.

. . . . . .

. . . . . .

Правленіе науки, т. е. ученыхъ, даже если они позитивисты, ученики Огюста Конта, или же послѣдователи доктринерской школы германскихъ соціалъ-демократовъ, непремѣнно будетъ безсильно, смѣшно, негуманно, жестоко, будетъ угнетать, допускать эксплоатацію, вредить. О людяхъ науки, какъ таковыхъ, можно сказать: у нихъ нѣтъ ни ума, ни сердца для индивидуальныхъ и живыхъ существъ. Мы не можемъ даже порицать ихъ за это,

потому что это—естественное слѣдствіе ихъ профессіи. Поскольку они люди науки, они не могутъ интересоваться ничемъ кромѣ обобщеній, абсолютныхъ законовъ, и питать уваженіе къ чему-либо другому.

Реальная, живая индивидуальность примѣтна только для другой живущей индивидуальности, а не для индивидуальности мыслящей, не для человѣка, который рядомъ абстракцій ставитъ себя внѣ и выше непосредственнаго соприкосновенія съ жизнью: для такихъ людей индивидуальность можетъ существовать только какъ болѣе или менѣе совершенный экземпляръ извѣстной разновидности, то-есть опредѣленной абстракціи. Если это, напримѣръ, кроликъ, то чѣмъ красивѣе экземпляръ, тѣмъ радостнѣе ученый анатомируетъ его, въ надеждѣ уловить общія типичныя свойства, законъ рода. И если бы никто не противился этому, то не нашлось ли бы даже въ наши дни фанатиковъ, способныхъ производить подобные эксперименты надъ людьми? Если натуралисты не анатомируютъ живого человѣка, то ихъ останавливаетъ въ этомъ случаѣ не наука, а всемогущій протестъ жизни. Хотя они проводятъ три четверти своего существованія въ изученіи и сизиданіи совсѣмъ особаго міра, который цѣликомъ завладѣваетъ ихъ умомъ и сердцемъ, все-таки они не исключительно люди науки, но также въ большей или меньшей степени люди жизни.

Однако мы не должны полагаться на это. Хотя мы можемъ быть почти увѣрены, что ученый не посмѣетъ въ наше время обращаться съ человѣкомъ такъ же, какъ онъ обращается съ кроликомъ, но всегда есть опасность, что ученые могутъ подвергнуть живыхъ людей научнымъ экспериментамъ, несомнѣнно интереснымъ, но тѣмъ не менѣе непріятнымъ для ихъ жертвъ. И если они не имѣютъ возможности производить эксперименты надъ тѣломъ отдѣльныхъ индивидовъ, зато съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ готовы они производить ихъ надъ соціальнымъ тѣломъ, чему надо непремѣнно помѣшать.

При своей современной организаціи, монополизировавшей науку и стоящей такимъ образомъ внѣ соціальной жизни, ученые составляютъ отдѣльную касту, во мно-

гихъ отношеніяхъ похожую на касту духовенства. Научная абстракція—ихъ Богъ, индивиды—ихъ жертвы, а они—патентованные жрецы.

Если мы не хотимъ отступить назадъ, къ губительнымъ для свободы мечтамъ о благосостояніи общества подъ сѣнью государства, мечтамъ, всегда основаннымъ на систематическомъ принесеніи народа въ жертву правительству, мы должны ясно сознать, что коллективная свобода и благосостояніе существуютъ лишь постольку, поскольку они представляютъ сумму индивидуальныхъ свободъ и индивидуальныхъ благосостояній.

Наукѣ извѣстны всѣ эти истины, но она не можетъ стать по ту сторону ихъ. Такъ какъ абстракція составляетъ истинную природу науки, то она можетъ довольно хорошо понимать принципъ реальной и живой индивидуальности, но не можетъ имѣть дѣла съ реальными и живыми индивидами; она занимается индивидами вообще, а не Петромъ или Яковомъ, не такимъ то или такимъ то, который самъ по себѣ для науки не существуетъ. Индивиды, какъ предметъ науки, повторяю, суть только абстракціи.

А между, тѣмъ исторія дѣлается не отвлеченными индивидуальностями, но живыми и дѣйствующими индивидами. Отвлеченности двигаются впередъ, только когда ихъ подталкиваютъ реальные люди. Для этихъ существъ, живущихъ не въ идеѣ только, а въ дѣйствительности, и состоящихъ изъ плоти и крови, наука является мачихой; она смотритъ на нахъ самое большее какъ на матеріалъ для интеллектуальнаго и соціальнаго развитія. Какое ей дѣло до исключительныхъ условій жизни и судьбы Петра или Якова? Она сдѣлалась бы смѣшной, унизила бы свой санъ, уничтожила бы себя, если бы вздумала интересоваться ими иначе какъ примѣрами для подтвержденія ея вѣчныхъ теорій. И смѣшно было бы желать, чтобы она поступала такъ, потому что она повинуется своимъ собственнымъ законамъ. Она не можетъ схватывать конкретное; она можетъ оперировать только съ абстракціями. Ея назначеніе — въ изслѣдованіи положенія и общихъ условій жизни и развитія или человѣческаго

рода вообще, или какой-нибудь расы, какого-нибудь народа, какого-нибудь отдѣльнаго класса или категоріи индивидовъ; въ изслѣдованіи общихъ причинъ ихъ благосостоянія, ихъ упадка, и въ открытіи наилучшихъ методовъ упроченія ихъ прогресса и благосостоянія всѣми возможными способами. Если только она выполняетъ этотъ трудъ широко и раціонально, то она вполнѣ исполняетъ свой долгъ, и было бы по истинѣ несправедливо ожидать или требовать отъ нея большаго; было бы нелѣпо и прямо-таки опасно навязывать ей миссію, выполненіе которой противно самой ея природѣ, заставляющей ее игнорировать личное существованіе и судьбу Петра или Якова. Если бы патентованные представители науки, люди обыкновенно далеко не отвлеченные, но, наоборотъ, ведущіе зачастую очень активную жизнь и имѣющіе очень реальные интересы, обратили бы, паче чаянія, свое непосредственное вниманіе на конкретныхъ Петровъ и Ивановъ, то мы нисколько не удивились бы, если бы они принялись стричь, а при случаѣ и сдирать шкуру со своихъ близкихъ во имя науки, совершенно такъ же, какъ ихъ стригли и обдирали до тѣхъ поръ священники, законники и политики всякаго рода во имя Бога, государства и правового порядка.

То, что я проповѣдую, есть такимъ образомъ до нѣкоторой степени протестъ жизни противъ науки, или, если можно такъ выразиться, противъ науковластія; но я дѣлаю это вовсе не для того, чтобы уничтожить науку, — это было бы низкой измѣной человѣчеству,—а лишь для того, чтобы водворить науку на ея мѣсто съ тѣмъ, чтобы она никогда больше не покидала его. До сихъ поръ вся исторія человѣчества была постояннымъ и кровавымъ жертвоприношеніемъ милліоновъ бѣдныхъ человѣческихъ существъ въ честь какой-нибудь безжалостной отвлеченности: Бога, отечества, государственной власти, національной чести, историческихъ и юридическихъ правъ, общественной свободы и благосостоянія. Таково было во всѣ времена естественное, самопроизвольное и неизбѣжное движеніе человѣческихъ обществъ. Мы не можемъ пе-

редѣлать этого. Прошедшее — внѣ нашей власти, и намъ ничего не остается, какъ принять его роковое и неизбѣжное. Намъ ничего не остается, какъ вѣрить, что пройденный путь былъ единственнымъ возможнымъ путемъ для воспитанія человѣческой расы. Поэтому мы не должны обманывать себя: какъ бы ни было велико значеніе, приписываемое нами макіавелевскимъ ухищреніямъ правящихъ классовъ, мы все же должны признать, что никакое меньшинство не было бы достаточно могущественно, чтобы принудить народныя массы принести всѣ тѣ ужасныя и неисчислимыя жертвы, которыя были принесены на протяженіи исторіи, если бы въ самыхъ массахъ не было безразсуднаго, самопроизвольнаго движенія, которое толкало ихъ къ постоянному самопожертвованію во имя то одной, то другой изъ этихъ пожирающихъ абстракцій, этихъ вампировъ исторіи, всегда питавшихся человѣческой кровью.

Эта пагубная тенденція, коренящаяся въ глубинахъ народной массы, сослужила неоцѣненную службу теологамъ, политикамъ и юристамъ, этимъ патентованнымъ жрецамъ, питающимся народными массами. Не удивительно, что и метафизики, со своей стороны, не преминули примазаться къ власть имущимъ и стали оправдывать и раціонализировать на сколько возможно все несправедливое и нелѣпое. И даже сама положительная наука, — какъ ни прискорбно въ этомъ сознаться, — выказала такія же тенденціи. Послѣднее объясняется двумя причинами: во-первыхъ, большинство представителей позитивной науки принадлежитъ къ привилегированнымъ классамъ, и во-вторыхъ, потому что многіе ученые, преисполненные профессіональной гордости, трактуютъ науку какъ абсолютную и окончательную цѣль всего человѣческаго развитія. Я надѣюсь, что путемъ самокритики, которую она можетъ и въ концѣ концовъ должна будетъ приложить къ самой себѣ, позитивная наука пойметъ, что она во всемъ своемъ составѣ не болѣе какъ средство для осуществленія гораздо болѣе высокой цѣли, — полной гуманизаціи всѣхъ реальныхъ индивидовъ, рождающихся, живущихъ и умирающихъ на землѣ.

Огромное преимущество позитивной науки надъ теологіей и метафизикой, надъ политикой и правомъ состоитъ въ томъ, что вмѣсто лживыхъ и пагубныхъ отвлеченностей, выставляемыхъ этими дисциплинами, она опирается на истинныя абстракціи, которыя выражаютъ общую природу и логику вещей, ихъ дѣйствительныя соотношенія и общіе законы ихъ развитія. Это навсегда упрочитъ за наукой привилегированное положеніе въ обществѣ: она является въ нѣкоторомъ смыслѣ коллективнымъ сознаніемъ общества. Но есть одинъ пунктъ, въ которомъ позитивная наука походитъ на всѣ предшествовавшія ей дисциплины: такъ какъ ея единственная цѣль — абстракція, то она принуждена въ силу своей природы игнорировать реальныхъ людей, помимо которыхъ не имѣютъ права на существованіе самыя истинныя абстракціи. Чтобы исправить этотъ радикальный дефектъ, наука будущаго будетъ дѣйствовать методомъ, различнымъ отъ того, которому слѣдовали науки прошедшаго. Послѣднія пользовались невѣжествомъ массъ и съ сладострастіемъ приносили ихъ въ жертву своимъ абстракціямъ, которыя, такимъ образомъ, становились очень доходными для ихъ представителей во плоти и крови. Позитивная наука, признавая свою полную неспособность понимать реальныхъ индивидовъ и интересоваться ихъ судьбой, *должна рѣшительно и абсолютно отказаться отъ всякихъ притязаній на управленіе обществомъ;* потому что, если бы она вмѣшалась въ него, то постоянно приносила бы живыхъ людей, которыхъ она не знаетъ, въ жертву абстракціямъ, которыя представляютъ единственный предметъ ея законнаго вѣдѣнія.

. . . . . .

Единственная миссія науки — освѣщать путь. Только жизнь, освобожденная отъ всѣхъ правительственныхъ и доктринерскихъ перегородокъ и пользующаяся полной свободой дѣйствій, можетъ творить.

Какъ разрѣшить это противорѣчіе?

Съ одной стороны, наука необходима для раціональной организаціи общества; съ другой, она неспособна интересоваться всѣмъ живымъ и реальнымъ.

Это противорѣчіе можетъ быть разрѣшено только однимъ путемъ: наука не должна долѣе оставаться внѣ общей жизни, представляемая корпораціей патентованныхъ ученыхъ, но должна пустить корни и распространиться среди массъ. Наука, призванная отнынѣ представлять коллективное народное сознаніе, должна на самомъ дѣлѣ сдѣлаться достояніемъ каждаго. Такимъ образомъ, не теряя ничего изъ своего универсальнаго характера, котораго она никогда не можетъ лишиться, не переставъ быть наукой и продолжая интересоваться исключительно общими причинами, общими условіями и закономѣрностью въ отношеніяхъ между индивидами и между вещами, она пуститъ корни въ непосредственной и реальной жизни всѣхъ индивидовъ. Это движеніе въ наукѣ будетъ аналогично религіозному движенію въ началѣ реформаціи, когда нѣкоторые послѣдователи Лютера проповѣдовали, что людямъ не нужно больше священниковъ, что отнынѣ каждый человѣкъ будетъ своимъ собственнымъ священникомъ, благодаря невидимому посредничеству Господа Іисуса Христа.

. . . . . .

Наука, сдѣлавшись достояніемъ каждаго, вплетется, въ извѣстномъ смыслѣ, въ непосредственную и реальную жизнь каждаго. Она выиграетъ въ пользѣ и пріятности то, что потеряетъ въ гордости, честолюбіи и доктринерскомъ педантизмѣ. Это не помѣшаетъ однако талантливымъ людямъ, болѣе способнымъ къ научнымъ изысканіямъ, чѣмъ большинство ихъ товарищей, посвятить себя исключительно культивированію наукъ и оказывать великія услуги человѣчеству. Только ихъ честолюбіе не будетъ жаждать никакой другой власти и вліянія кромѣ естественнаго вліянія, которое оказываетъ на окружающую среду высшій интеллектъ, и никакой другой награды, кромѣ удовлетворенія благороднаго энтузіазма.

Но пока массы достигнутъ этой степени образованности, слѣдуетъ ли оставить ихъ подъ управленіемъ людей науки? Конечно, нѣтъ. *Для нихъ лучше обходиться вовсе безъ науки, чѣмъ позволить ученымъ управ-*

лять собою. Первымъ слѣдствіемъ правленія этихъ людей было бы то, что они сдѣлали бы науку недоступной для народа, потому что существующія научныя учрежденія аристократичны. Ученая аристократія, съ практической точки зрѣнія, самая неумолимая, а съ соціальной — самая надменная и оскорбительная, и такова же была бы и власть, установленная во имя науки. Подобный режимъ былъ бы способенъ парализовать жизнь и движеніе общества. Ученые, всегда надменные, самодовольные и безсильные, захотѣли бы вмѣшиваться во все, и источники жизни изсякли бы подъ тлетворнымъ дуновеніемъ ихъ абстрактностей.

Повторяю, жизнь, а не наука, творитъ жизнь; *самопроизвольная дѣятельность самого народа одна можетъ создать свободу.* Было бы несомнѣнно очень счастливымъ обстоятельствомъ, если бы наука могла уже съ нынѣшняго дня освѣтить самостоятельное шествіе народа къ своему освобожденію. Но лучше отсутствіе свѣта, чѣмъ дрожащій и невѣрный свѣтъ, только сбивающій съ толку тѣхъ, которые слѣдуютъ за нимъ. Не напрасно народъ прошелъ долгое историческое поприще и заплатилъ вѣками бѣдствій за свои заблужденія. Сохранившійся въ народной памяти длинный рядъ его мучительныхъ опытовъ составляетъ родъ традиціонной науки, которая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не менѣе цѣнна, чѣмъ теоретическая наука. Юноши, которые чувствуютъ достаточно ненависти къ лживости, лицемѣрію, несправедливости и трусости буржуазіи, чтобы найти мужество повернуться къ ней спиною, и достаточно темперамента, чтобы открыто стать на сторону справедливаго и гуманнаго дѣла пролетаріата, — эти юноши, и будутъ наставниками народа, братски относящимися къ нему; и благодаря имъ устранится возможность власти и правленія ученыхъ.

***

Есть только два средства убѣдить народныя массы въ достоинствѣ какого бы то ни было соціальнаго учрежденія. Первое, единственно реальное, но и самое трудное для выполненія, потому что подразумѣваетъ

уничтоженіе государства, или, другими словами, уничтоженіе организованной политической эксплоатаціи большинства, какимъ бы то ни было меньшинствомъ,— состояло бы въ прямомъ и полномъ удовлетвореніи потребностей и стремленіи народа, что было бы равносильно полной ликвидаціи буржуазнаго класса или опять-таки уничтоженію государства. Другое средство, наоборотъ, вредное только для народа и благодѣтельное для буржуазіи, такъ какъ гарантируетъ ея привиѣгіи, есть ничто иное, какъ религія, этотъ вѣчный миражъ, который отводитъ массы въ сторону въ поискахъ божественныхъ сокровищъ въ то время, какъ гораздо болѣе хитрый правящій классъ довольствуется раздѣленіемъ между всѣми своими членами—очень неравномѣрно, впрочемъ—земныхъ благъ, награбленныхъ у народа, включая сюда, конечно, его политическую и соціальную свободу.

Нѣтъ и не можетъ быть государства безъ религіи. Возьмите самое свободное въ мірѣ государство—Американскіе Соединенные Штаты, напримѣръ, или Швейцарскій Союзъ — и посмотрите, какую важную роль играетъ во всѣхъ оффиціальныхъ рѣчахъ ихъ представителей божественное Провидѣніе — эта высшая санкція всѣхъ государствъ. И ужъ такъ и знайте: какой бы глава государства ни заговорилъ о Богѣ, — будь онъ императоръ германскій или президентъ Аргентинской республики,—это ужъ съ несомнѣнностью доказываетъ, что онъ опять и опять готовъ стричь свой народъ-стадо.

Такимъ образомъ, когда французская либеральная и вольтерьянская буржуазія, склонявшаяся по темпераменту къ позитивизму, (чтобы не сказать—къ матеріализму), до странности грубому и узкому, сдѣлалась въ 1830 году правящимъ классомъ, вопросъ объ установленіи оффиціальной государственной религіи поставилъ ее въ затруднительное положеніе. Возвратъ къ католицизму былъ невозможенъ по причинѣ непримиримаго противорѣчія между властолюбивою политикою Рима и развитіемъ экономическихъ и политическихъ интересовъ средняго класса. Въ этомъ отношеніи протестантизмъ былъ гораздо выгоднѣе. Но для француз-

ской буржуазіи было невозможно перейти въ протестантизмъ. Чтобы перейти изъ одной религіи въ другую, необходимо хоть немножко вѣры. Въ исключительно же позитивномъ сердцѣ французской буржуазіи нѣтъ мѣста для вѣры. Она отличается самымъ глубокимъ равнодушіемъ ко всѣмъ вопросамъ, которые не касаются ни ея кармана, во-первыхъ, ни ея общественнаго тщеславія, во-вторыхъ. Она одинаково равнодушна какъ къ протестантизму, такъ и къ католицизму. Казалось, оставался только одинъ путь: возвратиться къ гуманитарной и революціонной религіи восемнадцатаго столѣтія. Но провозглашеніе буржуазнымъ правящимъ классомъ революціонной религіи имѣло бы комическую сторону и грозило бы скандаломъ. Въ результатѣ всѣхъ этихъ колебаній родился доктринерскій деизмъ. Онъ смѣло объявилъ своею цѣлью примиреніе революціи съ реакціей, или, говоря языкомъ этой школы, принципа свободы съ принципомъ власти, и, конечно, къ выгодѣ послѣдней. Это примиреніе означало въ политикѣ—фокусы съ народной свободой въ пользу господства буржуазіи, представленной монархическимъ и конституціоннымъ государствомъ; въ философіи — сознательное подчиненіе свободнаго разума „вѣчнымъ“ принципамъ вѣры. . . . . .

. . . . . .

И такъ, принципъ власти опирается на два основныхъ учрежденія, поддерживающія рабство,—церковь и государство.

Вл. Тэ.

ПЬЕРЪ ЖОЗЕФЪ ПРУДОНЪ—
О ГОСУДАРСТВѢ

„Какую же форму правленія намъ избрать?

— Къ чему такой вопросъ, несомнѣнно возразитъ мнѣ кто-либо изъ моихъ молодыхъ читателей, вѣдь вы республиканецъ?

— Да, я республиканецъ, но это слово само по себѣ ничего же не говоритъ. Слово—„res publica", собственно, значитъ—общественное дѣло, и, значитъ, каждый, кто только принимаетъ участіе въ „общественныхъ дѣлахъ", можетъ назвать себя республиканцемъ при какомъ угодно правительствѣ?

— Ну, хорошо. Значитъ вы демократъ?

— Нѣтъ.

— Какъ, не монархистъ же вы?

— Тоже нѣтъ.

— Конституціоналистъ?

— Избави Богъ!

— Такъ вы аристократъ?

— Тоже нѣтъ!

— Въ такомъ случаѣ вы можетъ быть хотѣли бы, чтобы существовало смѣшанное правительство.

— Еще разъ—нѣтъ!

— Да кто же вы наконецъ?

— Я—анархистъ!..

Такъ назвалъ себя Прудонъ въ своей книгѣ—„Что такое собственность?“

Изучая произведенія Прудона, мы можемъ уяснить себѣ то понятіе, которое французскій писатель вкладываетъ въ слово—анархія.

По мнѣнію Прудона—это прежде всего отсутствіе власти, отсутствіе господства однихъ лицъ надъ другими, и, конечно, полное отрицаніе прерогативъ отдѣльнаго человѣка—монарха. Прудонъ отрицаетъ власть, какъ таковую, считая, что власть надъ людьми—это рабство. Важно подчеркнуть, что французскій писатель глубоко вѣрилъ, что настанетъ время, къ которому мы съ каждымъ днемъ все ближе и ближе подходимъ, когда исчезнетъ власть человѣка надъ человѣкомъ, и каждый получитъ возможность свободно мыслить, свободно проявлять свою индивидуальность.

Авторитетъ, власть и государство, въ какой бы формѣ они ни проявлялись, всегда приносятъ человѣчеству одинъ только вредъ. А между тѣмъ, въ ихъ то именно, сферѣ черпаютъ всѣ политическія партіи свои идеалы. Поэтому, въ чьихъ бы рукахъ ни находилась власть, въ рукахъ ли представителей абсолютизма, или либераловъ, соціалистовъ или вообще демократовъ, всѣ неизмѣнно будутъ стремиться подчинить себѣ общество, покорить его своей волѣ, своимъ законамъ, хотя бы даже и самымъ либеральнымъ.

Рѣзкое отрицаніе Прудономъ института власти и даетъ основаніе признать его однимъ изъ теоретиковъ анархизма. Впрочемъ, мнѣнія критиковъ по данному вопросу раздѣляются.

По мнѣнію Диля *) и Ценкера **) Прудонъ лишь до 1852 г. былъ сторонникомъ анархизма, послѣ чего сталъ проповѣдывать федерализмъ. Равнымъ образомъ и Бирманъ ***), утверждаетъ, что послѣ 1852 г. Прудонъ считаетъ анархизмъ идеаломъ, который никогда не можетъ быть осуществимъ. Для

*) Дииь—„Соціализмъ, коммунизмъ и анархизмъ“.
**) Ценкеръ—„Анархизмъ“.
***) Бирманъ—„Коммунизмъ и анархизмъ“.

реальной политики теоріи анархизма не годятся и должны быть замѣнены федерализмомъ.

Докторъ Эльцбахеръ *) отрицаетъ и такое пониманіе идей Прудона; онъ доказываетъ, что всегда и во всѣхъ своихъ произведеніяхъ П. проводилъ идеи федерализма; разница заключается лишь въ томъ, что сначала онъ называлъ „идеальный строй общества"—анархіей, а потомъ, тотъ же строй—сталъ именовать—федераціей. Приблизительно тоже говоритъ и Л. Кульчицкій **), утверждая, что Прудонъ, отрицая власть и государство въ его современныхъ формахъ, тѣмъ не менѣе все-таки признаетъ необходимость нѣкоторой организаціи въ обществѣ. Онъ отрекается отъ авторитета, власти, государства и пр. и все же не устраняетъ совершенно этихъ институтовъ изъ своей системы, но лишь старается преобразовать ихъ.

Въ своемъ трудѣ „Du principe fédératif", который является выраженіемъ, уже вполнѣ кристаллизовавшихся его взглядовъ, Прудонъ, утверждаетъ—ясно и опредѣленно, что общество не можетъ обойтись безъ нѣкоторыхъ элементовъ власти и авторитета и что каковымъ бы ни былъ политическій строй, онъ всегда будетъ основываться на комбинаціи двухъ принциповъ: свободы и авторитета въ различномъ ихъ соотношеніи. „Анархія же, въ чистомъ ея видѣ—это идеалъ, который никогда не будетъ осуществленъ во всей своей полнотѣ". Таковы подлинныя слова Прудона. Такимъ образомъ, Прудонъ постольку является анархистомъ, поскольку онъ отрицаетъ власть.

По своимъ теоретическимъ взглядамъ онъ можетъ быть причисленъ къ мирнымъ анархистамъ, на ряду со своимъ предшественникомъ,—Годвиномъ.

Революцію Прудонъ понималъ—какъ просвѣщеніе умовъ. Подъ вліяніемъ подобнаго процесса въ концѣ концовъ, и деспотизмъ, и государство и собственность, въ ихъ современныхъ формахъ, подъ да-

*) Д-ръ Эльцбахеръ—„Сущность анархизма",
**) Кульчицкій—„Современный анархизмъ".

вленіемъ измѣнившихся человѣческихъ взглядовъ, сами уступятъ мѣсто другимъ, болѣе справедливымъ институтамъ.

Основаніемъ теоретическихъ взглядовъ Прудона—является идея справедливости.

Подъ справедливостью—онъ понимаетъ „непосредственно ощущаемое и взаимно-охраняемое уваженіе къ человѣческому достоинству". Каждый сознательный человѣкъ всегда и при всякихъ условіяхъ долженъ стремиться къ охранѣ и защитѣ какъ собственнаго достоинства, такъ и каждаго, равнаго себѣ индивидуума. Въ своемъ сочиненіи—„De la Justice"—Прудонъ говоритъ: „я долженъ относиться къ моему ближнему съ такимъ же почтеніемъ, какъ къ самому себѣ, и, по мѣрѣ возможности, добиваться того же и отъ другихъ.

„Такъ повелѣваетъ мнѣ моя совѣсть". Высшая справедливость побуждаетъ насъ уважать человѣческое достоинство даже въ непріятелѣ, на каковомъ уваженіи, собственно, и должно основываться военное право. Уголовное право, естественно, вытекаетъ изъ тѣхъ мотивовъ, которые заставляютъ насъ уважать человѣческое достоинство даже въ убійцѣ, а это уваженіе и есть справедливость. „Я уважаю, говоритъ Прудонъ въ человѣкѣ не то, чѣмъ надѣлила его природа или счастье, я уважаю его человѣческое достоинство".

Справедливость, является естественной силой нашей души, той высшей силой которая дѣлаетъ насъ общественными существами, членами общества. Какъ всякая сила—она способна къ развитію, и въ этомъ развитіи, въ этомъ ростѣ нашего духа и заключается воспитаніе человѣчества. Только идея справедливости можетъ намъ указать пути къ координированію, часто самыхъ противорѣчивыхъ фактовъ и явленій общественной жизни. „Справедливость, это полюсъ вокругъ котораго вращается политическій

міръ, фундаментъ и руководящая нить всѣхъ общественныхъ явленій."

Отсюда ясно то значеніе, которое Прудонъ приписывалъ идеѣ справедливости. Ее онъ считаетъ единственнымъ двигателемъ, который приводитъ міръ къ созданію истинныхъ формъ общежитія, истинныхъ отношеній между людьми. Она—справедливость,—создаетъ и ту человѣческую мораль, которая даетъ возможность свободно жить всѣмъ,—и каждому въ отдѣльности. Она руководитъ каждымъ человѣкомъ, и въ тоже время она исходитъ отъ самого человѣка, исходитъ изъ его души. Она—его законъ.

Такое положеніе идеи справедливости, какъ закона, естественно вытекающаго изъ духовнаго существа человѣка, является рѣзкой противоположностью общепринятому пониманію закона, какъ чего-то внѣшняго, что покоряетъ и подчиняетъ себѣ другихъ, что неизбѣжно влечетъ за собою существованіе власти, а съ нею вмѣстѣ и насилія и порабощенія.

Выставляя приматъ справедливости, Прудонъ во имя его отрицаетъ почти всѣ современныя правовыя нормы и прежде всего, государственные законы.

Каждое стремленіе общества указываетъ онъ при самомъ зарожденіи своемъ, немедленно, подпадаетъ подъ опеку государственной власти, оставаясь закованнымъ въ цѣпи закона. Но такъ какъ стремленія и желанія общества растутъ, то естественно, что законодательная государственная машина должна работать безостановочно. „Градомъ сыплются, говоритъ Прудонъ, законы и приказы на бѣдный народъ. Политическая почва скоро будетъ вся покрыта бумажнымъ покровомъ, который геологи должны будутъ назвать въ исторіи земли періодомъ бумажной формаціи". Развѣ возможно допустить, чтобы народъ или даже само правительство могло разобраться въ этомъ лабирантѣ.

Государственные законы—это паутинныя нити для сильныхъ и правящихъ, несокрушимыя цѣпи для бѣдныхъ и низшихъ это рыболовныя сѣти въ рукахъ правительства. Правительство, создавая законы, управляетъ людьми, подчиняетъ ихъ себѣ, диктуетъ имъ правила жизни. А между тѣмъ, замѣчаетъ Прудонъ,

правительство это бичъ Божій, существующій для того чтобы поддерживать въ мірѣ „порядокъ и дисциплину". Управлять людьми посредствомъ людей—есть несомнѣнное рабство. И, тѣмъ не менѣе, это рабство поддерживается всѣми, всѣ подчиняются, совершенно сознательно, власти немногихъ, но сильныхъ... Люди сами, признавая существованіе власти—обрекаютъ себя на положеніе рабовъ. И Прудонъ съ негодованіемъ, отвергаетъ власть, какъ таковую. Существующая государственная власть зиждится на тѣхъ преходящихъ нормахъ, которыя называются законами. А между тѣмъ, законовъ нѣтъ, ихъ не должно быть, кромѣ одного единственнаго закона, прирожденнаго каждому, закона скорѣе чувства, справедливости. А разъ нѣтъ законовъ, то нѣтъ и власти, и если не будетъ этихъ двухъ враговъ человѣчества, то не будетъ и государства.

Въ своемъ „Политическомъ Катезисѣ" Прудонъ объясняетъ происхожденіе великой соціальной несправедливости современнаго строя, богатства и нищеты исключительно существованіемъ власти. Только благодаря ей одной неравенство и нужда стали язвами современной цивилизаціи.

Люди нащихъ дней подчиняются авторитету можетъ быть съ меньшей готовностью чѣмъ ихъ дѣды—фактъ остается фактомъ. Каждый изъ насъ, являясь членомъ той стройной, повидимому, организаціи, которая носитъ названіе общества, своей принадлежностью къ послѣднему увеличиваетъ его силу, его порабощающую мощь. Каждый изъ насъ пользуется извѣстными выгодами отъ существованія такой организаціи; безспорно удобнѣе, выгоднѣе быть ея членомъ, признавать власть общества надъ собою, чѣмъ отдѣляться отъ него. Роковое значеніе этого, соціальнаго порабощенія плохо постигается разумомъ людей. Люди боятся сокрушить вѣковыя цѣпи..

Узурпаторы народной свободы обыкновенно, всячески стараются оправдывать свое существованіе „служеніемъ на пользу народу". Подъ предлогомъ общественнаго блага они разыгрываютъ спасителей отечества, тогда какъ на самомъ дѣлѣ—они для націи—лишь

звукъ пустой. Они падаютъ такъ же легко, какъ и возвышаются. И день паденія не можетъ не наступить, когда присутствіе поработителей станетъ вредить общественнымъ интересамъ

Согласно ходячему воззрѣнію, власть—есть творецъ и создатель общества. Отсюда ясно, какъ изъ простого агента общества, монархъ становится его сувереномъ высшимъ судьей. Вмѣсто того, чтобы способствовать свободному развитію общества онъ съ помощью войскъ полиціи, прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, стремится заставить народъ повиноваться своимъ личнымъ желаніямъ и капризамъ. Таково то „организованное насиліе, которое называется и впредь будетъ называться „властью".

Но какже понимать тогда справедливость? — спрашиваетъ Прудонъ въ своемъ катехизисѣ и отвѣчаетъ: „какъ продуктъ власти"—а это и есть отрицаніе справедливости. Въ дѣйствительности — справедливость—должна управлять и руководить властью, тогда какъ при существующихъ условіяхъ, бываетъ какъ разъ наоборотъ — власть господствуетъ надъ справедливостью.

Далѣе, развивая свою идею единой справедливости, Прудонъ требуетъ, чтобы она была господствующимъ принципомъ общества, чтобы она повелѣвала всѣми носителями общественной власти. Но въ жизни эта идея сталкивается съ существованіемъ организованнаго насилія. И мы видимъ, какъ власть монарха или иного поработителя поглощаетъ и покоряетъ всѣ интересы, способности и иниціативу общества. Монархъ своей властью парализуетъ развитіе общества, т. е. другими словами—готовитъ ему смерть. Но общество не можетъ умереть, слѣдовательно, антагонизмъ между обществомъ и властью неизбѣженъ, катастрофа — неотвратима. Итакъ, находясь подъ властью поработителя—общество становится его частной собственностью. Какъ его институтъ, его призваніе, его орудіе—оно получаетъ названіе государство.

Кромѣ того, монархъ, какъ извѣстно, властвуетъ обыкновенно не одинъ, — онъ управляетъ націей и ея

судьбами совмѣстно съ цѣлымъ штатомъ—своихъ чиновниковъ, которые вмѣстѣ съ представителемъ власти получаютъ названіе правительства.

На самомъ же дѣлѣ—обществомъ нельзя управлять, ибо оно никому не можетъ подчиняться кромѣ вѣчнаго закона справедливости;—въ противномъ случаѣ — умеръ жизненный нервъ общества—и оно должно будетъ погибнуть.

Если мы прослѣдимъ исторію правительствъ, то увидимъ, что всѣ „такъ называемыя правительства", какъ либеральныя, такъ и деспотическія со всѣмъ своимъ арсеналомъ законовъ, предписаній, повеленій, статутовъ, „народныхъ" рѣшеній, регламентовъ и указовъ, никогда, никѣмъ и ничѣмъ не управляли.

Всѣ они, живя всецѣло своими инстинктами, совершая часто тѣ или другіе поступки въ силу неизбѣжной необходимости, дѣйствуя подъ гнетомъ предразсудковъ и случайныхъ обстоятельствъ, которыхъ часто они даже и понять не могутъ—въ большинствѣ случаевъ просто отдаются общественному потоку, въ дѣйствительности той соціальной нообходимости, которая въ одинъ прекрасный моментъ смететъ ихъ съ лица земли. По собственной иниціативѣ—имъ трудно, почти невозможно совершить что-либо иное кромѣ безпорядка. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то—что всѣ они погибаютъ.

Какова бы ни была власть общества—она недолжна быть суверенной по отношенію къ гражданину.

Прудонъ настаиваетъ, на томъ, что фактически повелѣваетъ и господствуетъ только одна справедливость, та справедливость, которая сама создаетъ власть, и установливаетъ для всѣхъ взаимныя обязанности Между властью и индивидуумомъ не должно быть другого отношенія кромѣ — права: суверенитета—не существуетъ!

Всѣ конституціи покоятся на томъ предразсудкѣ— будто общество не можетъ существовать самостоятельно, и къ нему обязательно должна придти на помощь власть. Какъ бы то ни было, но всѣ формы правленія — заключаютъ въ самомъ основаніи своемъ коренную ошибку — идею власти, покоряющей общество. По тому-то и наблюдаемъ мы такъ часто смѣну формъ правленія.

И мы видимъ:—неравенство гражданъ по ихъ соціальному положенію, порабощеніе одной партіи другой, гибель справедливости—за счетъ государственной мудрости, передача правленія на произволъ монарха въ монархистскомъ государствѣ, или въ кабалу партій во всякомъ другомъ; постоянное стремленіе государства подчинить общество—вотъ тѣ основы, на которыхъ покоится политическій строй, вотъ мнимыя гарантіи, которыя онъ даетъ.

Заканчивая изложеніе критики идеи власти и государства, съ точки зрѣнія Прудона, мы еще скажемъ нѣсколько словъ о его отношеніи къ началамъ всеобщаго избирательнаго права.

Какъ показали всѣ конституціи начиная съ 89 года, говоритъ Пруоонъ, всеобщее избирательное право, фактически является лишь заглушеніемъ общественнаго мнѣнія, самоубійствомъ народнаго суверенитета, измѣной революціи. Правда, иногда система избирательнаго права, случайно, не смотря на всѣ мѣры предосторожности, принятыя властью, можетъ дать отрицательный вотумъ, но она никогда не будетъ способна создать новую идею.

Отрицая, такимъ образомъ, всеобщее избирательное право въ конституціонныхъ государствахъ Прудонъ однако не отвергаетъ его совершенно, наоборотъ, какъ увидимъ ниже, онъ придаетъ ему очень большое значеніе. По его мнѣнію, чтобы придать избирательному праву смыслъ и сдѣлать его революціоннымъ —

прежде всего необходимо уничтожить какія бы ни то было привилегіи; надо установить самую подачу голосовъ по профессіямъ, при чемъ каждая профессія представляющая собой извѣстную организацію, должна являться опредѣленною, тѣсно сплоченной единицей, одной изъ тѣхъ единицъ, которыя образуютъ основу государства. Въ текстѣ „Катехизиса", въ томъ мѣстѣ гдѣ Прудонъ говоритъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ и подачѣ голосовъ по профессіямъ, онъ употребляетъ выраженіе — „согласно принципу коллективной силы".

Подъ „коллективной" же силой, которой, нужно сказать вообще онъ придаетъ очень большое значеніе, Прудонъ разумѣетъ силу, возникающую, благодаря соединенію отдѣльныхъ индивидовъ. У каждаго индивидуума есть своя духовная сила. Собравшись вмѣстѣ, сорганизовавшись, отдѣльныя личности, образуя коллективъ, тѣмъ самымъ создаютъ новую, болѣе активную, болѣе значительную силу,—которую Прудонъ и называетъ коллективной силой. Поэтому то и всеобщая подача голосовъ, произведенная согласно такому принципу—коллективной силы—дастъ въ своемъ результатѣ именно то, чего хотѣла, такъ сказать, общая душа, общая воля коллектива. Отсюда ясно—что результатъ долженъ получиться такой, какой нуженъ, именно, всѣмъ, а не отдѣльнымъ лицамъ, какъ это въ большинствѣ случаевъ бываетъ при современныхъ условіяхъ.

Такимъ образомъ, Прудонъ, уничтожая авторитетъ власти, считая излишнимъ балластомъ и препятствіемъ для свободнаго развитія обществъ, издаваемые правительствомъ законы, приходитъ къ заключенію о необходимости созданія новыхъ началъ, новыхъ основъ при организаціи формъ общественной жизни.

Выдвигая на первый планъ, какъ это мы видѣли раньше, идею справедливости—на ней то онъ и строитъ новыя формы общежитія.

При господствѣ справедливости, въ насъ самихъ возникаетъ взаимное уваженіе къ человѣческому достоинству каждой личности. Такое уваженіе вызываетъ въ насъ извѣстныя обязанности по отношенію къ „другимъ“, къ нашимъ „ближнимъ“.

Обязанности, которыя беретъ на себя каждая отдѣльная личность, влекутъ за собою заключеніе свободныхъ договоровъ, среди большаго или меньшаго числа индивидумовъ. Такіе договоры должны быть безусловно добровольными, безусловно связанными съ извѣстными обязательствами и безусловно выполняемыми.

Согласно ученію Прудона, какъ полагаетъ Л. Кульчицкій, выполненіе такихъ договоровъ должно совершаться не столько подъ давленіемъ обычаевъ, сколько въ силу обязательныхъ юридическихъ нормъ.

Другой критикъ Прудона—Диль, понимаетъ его теорію о свободномъ договорѣ въ томъ смыслѣ, что „на мѣсто насильственнаго порядка долженъ быть поставленъ договорный союзъ“. „Необходимо, продолжаетъ онъ цитируя слова самого Прудона, уничтожить все преходящее въ управленіи обществомъ и заново перестроить все зданіе на человѣческой идеѣ договора“.

Каждый изъ насъ, заключая такой договоръ и вступая въ союзъ, обязуется дѣлать другому добро, взаимно не нарушать свободы другъ друга, не прибѣгать къ насиліямъ и т. д. Кто не будетъ принадлежать къ союзу, тотъ дикій и будетъ стоять внѣ его защиты, подвергаясь всевозможными опасностями; къ нему можно относиться, какъ къ дикому звѣрю. Всякій же согласившійся вступить въ союзъ, общество, и быть согласнымъ съ духомъ его принциповъ, становится членомъ общества и пользуется его покровительствомъ и содѣйствіемъ. Если бы членъ общества не выполнилъ своихъ обѣщаній, то онъ долженъ подвергнуться исключенію изъ союза и даже смерти. Отсюда ясно, что тѣ новыя формы общественнаго строя, которыя предлагаются Прудономъ, это общества, возникшія путемъ взаимнаго договора, гдѣ договоръ долженъ быть строго соблюдаемъ, а единицы,

нарушающія его тѣмъ или другимъ образомъ, строго наказываются. Такимъ образомъ, та организація будущаго общества, которую проэктируетъ Прудонъ, выражается въ слѣдующей формѣ: Отдѣльныя единицы должны организоваться въ группы, группы тоже на основаніи договора въ цѣлое, болѣе высшаго типа, послѣдніе въ свою очередь также соединяются между собой и т. д.

Отъ небольшихъ ассоціацій Прудонъ переходитъ къ округамъ, областямъ и странамъ. По его мнѣнію въ такой организаціи нѣтъ и тѣни узурпаціи. Въ ней нѣтъ власти — каждая община остается самостоятельной, индивидуальной.

Теперь остановимся на той организаціи внутренняго самоуправленія, которую предполагаетъ Прудонъ осуществить въ этихъ союзахъ, основанныхъ на свободномъ договорѣ.

Прежде всего, основаніемъ должно служить всеобщее избирательное право въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ Прудонъ, и какъ объ этомъ мы говорили выше. На основахъ всеобщей подачи голосовъ союзы, или общества, избираютъ низшихъ чиновниковъ, эти чиновники избираютъ изъ своей среды высшихъ и т. д. до министровъ включительно: „Стоитъ только, говоритъ Прудонъ, затѣмъ сгруппировать представителей различныхъ административныхъ областей, чтобы получить „совѣтъ министровъ“, „исполнительную власть“, которая съ успѣхомъ можетъ служить въ качествѣ государственнаго совѣта. Надъ всѣмъ этимъ слѣдуетъ поставить большое жюри,—законодательное или національное собраніе, избранное и уполномоченное непосредственно всей страной,—не для того, чтобы назначать министровъ, ибо послѣдніе назначаются своими собственными избирателями, а для того, чтобы просматривать счета, вырабатывать законы, опредѣлять бюджетъ, согласовать дѣйствія администраціи, послѣ того, какъ оно заслушало отчетъ общественнаго министерства или министра внутреннихъ дѣлъ, и мы получимъ централизацію, которая будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше лучей будетъ концентрироваться въ ея фокусѣ. Этимъ достигается отвѣтственность, которая

тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ строже провѣрено раздѣленіе властей.

Вотъ тотъ федерализмъ, тотъ федеративный принципъ, на основахъ котораго Прудонъ хотѣлъ построить будущее общество. По мнѣнію Ценкера, Прудонъ въ своей организаціи выдвигаетъ на первый планъ интеграцію соціальныхъ силъ, которыя выступаютъ, то какъ личный, то какъ общій интересъ, то какъ индивидуализмъ, то какъ альтруизмъ.

Дѣйствительно, въ Прудонѣ мы видимъ сторонника раздѣленія власти и строгаго разграниченія различныхъ отраслей администраціи, что въ свою очередь нисколько не нарушаетъ ихъ единства. „Чтобы народъ, говоритъ Кульчицкій, представлялъ извѣстное цѣлое, необходима, конечно, централизація, которая должна идти снизу, отъ окружности къ центру".

Вотъ эту свою систему государственнаго строя Прудонъ и назвалъ — анархіей. Внимательно однако разсматривая изложенную систему, легко убѣдиться, что отрицая власть, авторитетъ и законы, Прудонъ не стремится ихъ уничтожить въ корнѣ; онъ лишь замѣняетъ ихъ формы, столь гибельныя при современномъ строѣ государства, на новыя, преобразованныя.

.....

Поставивши своей задачей сказать лишь о взглядахъ Прудона на государство, мы лишены возможности говорить о другомъ коренномъ вопросѣ ученія французскаго мыслителя, о собственности. Тѣмъ не менѣе понятіе собственности такъ тѣсно связано у Прудона съ понятіемъ государства, что совершенно обойти молчаніемъ этотъ вопросъ мы считаемъ невозможнымъ.

Та форма общественной жизни, которая дается Прудономъ—есть государство, основанное на федеративныхъ началахъ. Главнымъ условіемъ этой соціальной жизни, по мнѣнію Прудона, является индивидуальная собственность.

По вопросу о томъ, что такое собственность, Прудонъ давалъ въ разное время, въ отдѣльныхъ своихъ сочиненіяхъ, различные отвѣты. На основаніи такихъ разнорѣчивыхъ указаній самого Прудона раздѣляются и мнѣнія его критиковъ. Эльцбахеръ, категорически утверждаетъ, что Прудонъ совершенно отвергаетъ собственность, безъ всякаго ограниченія пространствомъ или временемъ; даже болѣе, собственность, по Эльцбахеру, кажется Прудону такимъ правовымъ отношеніемъ, которое особенно противорѣчитъ справедливости, то есть, основному началу его ученія. Съ другой стороны, Кульчицкій держится совершенно иного взгляда. Онъ называетъ Прудона рѣшительнымъ противникомъ коммунизма, усматривающимъ въ собственности извѣстную гарантію свободы въ противовѣсъ государственному деспотизму. Будучи типичнымъ, мелкимъ буржуа, продолжаетъ Кульчицкій, Прудонъ возмущался несправедливостью судьбы, дающей однимъ богатство, а другимъ нужду, но въ своихъ поискахъ новаго раздѣленія богатства онъ не дошелъ ни до коммунизма ни до соціализма. Третій критикъ Прудона—Диль, утверждаетъ, что Прудонъ является въ своихъ произведеніяхъ энергичнымъ сторонникомъ частной собственности, но что онъ хотѣлъ бы только—всѣхъ людей сдѣлать частными собственниками. Такого-же взгляда держится и Ценкеръ. Въ заключеніе мы приведемъ слова самого Прудона изъ книги „De la justice“ (стр. 302), сказанныя имъ уже въ 1858 году, т. е. за 7 лѣтъ до смерти. „То чего я хотѣлъ... и то, чего я хочу... это не уничтоженіе частной собственности. То, чего я требую по отношенію къ собственности, это равновѣсіе“. Скорѣе всего точка зрѣнія Диля, Кульчицкаго, и Ценкера по вопросу о томъ, какъ понимать ученіе Прудона о собственности ближе всего къ истинѣ. Такимъ образомъ, тотъ федерализмъ, который проповѣдывалъ Прудонъ, долженъ былъ носить въ своемъ основаніи частную собственность.

Свое отношеніе къ государству будущаго Прудонъ выразилъ въ своихъ знаменитыхъ заповѣдяхъ. Не останавливаясь на разборѣ всѣхъ экономическихъ построеній французскаго мыслителя, каковымъ напримѣръ является его обмѣнный банкъ, ограничимся лишь самымъ текстомъ „заповѣдей“.

1. Индивидуальная собственность есть главное условіе соціальной жизни: пятитысячелѣтняя исторія собственности доказываетъ это; собственность есть самоубійство общества. Владѣніе—это право, собственность же идетъ противъ всякаго права. Уничтожьте собственность и сохратите владѣніе и вы измѣните однимъ этимъ преобразованіемъ все—законы, правительство, хозяйство, государственныя учрежденія, вы изгоните изъ міра зло.

2. Такъ какъ право захвата одинаково принадлежитъ всѣмъ, то сами владѣнія мѣняются сообразно съ числомъ владѣтелей; и вслѣдствіе невозможности фиксировать владѣніе, не сможетъ больше образоваться и собственность.

3. Такъ какъ продуктъ труда остается, слѣдовательно, для всего общества неизмѣннымъ, то собственность, проистекающая отъ эксплоатаціи другихъ и отъ ренты исчезаетъ.

4. Такъ какъ всякій человѣческій трудъ является результатомъ коллективной силы, то собственность также становится коллективоой и нераздѣльной; точнѣе говоря, трудъ уничтожаетъ собственность.

5. Такъ какъ всякая способность къ какой нибудь работѣ, а также и всякій рабочій инструментъ и капиталъ, является коллективной собственностью, то неравенство въ общественномъ положеніи и богатствѣ, опирающееся на неравенство способностей, есть несправедливость и кража.

6. Необходимымъ условіемъ торговли является свобода контрагентовъ и эквивалентность обмѣниваемыхъ продуктовъ; но, такъ какъ, цѣнность опредѣляется суммой времени и издержекъ, затраченныхъ на каждый продуктъ, и такъ какъ свобода неприкосновенна, то всѣ рабочіе необходимо должны получать равную за-

работную плату и обладать одинаковыми правами и обязанностями.

7. Продукты обмѣниваются только на продукты; но такъ какъ условіемъ всякой торговли является эквивалентность продуктовъ, то прибыль невозможна и несправедлива. Обратите вниманіе на этотъ высшій и элементарнѣйшій экономическій принципъ, и пауперизмъ, роскошь, рабство, порокъ, преступленіе и голодъ исчезнутъ изъ нашей среды.

8. Люди ассоціированы раньше, чѣмъ они дали на то согласіе, благодаря физическому и математическому закону производства; поэтому, равенство во внѣшнихъ условіяхъ жизни является требованіемъ справедливости, вытекающимъ изъ правъ самаго общества, изъ права принудительнаго; только дружба, уваженіе, признательность относятся къ области моральной справедливости—или взаимности.

9. Свободная ассоціація, свобода, которая способствуетъ установленію равенства въ средствахъ производства и эквивалентности въ предметахъ обмѣна—единственно возможная, единственно справедливая, единственно правильная форма общества.

10. Политика—наука о свободѣ; господство человѣка надъ человѣкомъ, какимъ бы именемъ оно ни прикрывалось,—рабство; высшее совершенство общества заключается въ соединеніи порядка и анархіи".

Въ этихъ десяти заповѣдяхъ заключаются почти всѣ основныя положенія теоріи Прудона.

Изъ нихъ видно какъ понималъ французскій писатель и экономическое устройство будущаго общества и тѣ соціальныя формы общежитія, которыя онъ называлъ анархіей.

Конечно, употребляемое имъ слово—анархія—надо понимать исключительно въ смыслѣ безвластія, и только въ этомъ отношеніи онъ и можетъ быть признанъ однимъ изъ теоретиковъ анархизма, какъ доктрины.

Анархистскую теорію Прудона нельзя назвать чис-

тымъ анархизмомъ и Ценкеръ, напримѣръ, называетъ его идеи коллективистическимъ анархизмомъ.

На вопросъ же о томъ—по-скольку Прудонъ является анархистомъ, въ смыслѣ осуществленія своихъ идеаловъ, мы можемъ отвѣтить лишь руководясь указаніемъ тѣхъ путей, по которымъ Прудонъ думалъ придти къ новому общественному строю. Мы знаемъ, что Прудонъ, основываясь на идеѣ справедливости требуетъ измѣненія соціальныхъ формъ. И вотъ, это измѣненіе должно наступить лишь тогда, когда тѣ люди, которые успѣли уже познать истину, убѣдятъ другихъ въ томъ, что такая перемѣна необходима ради самой справедливости. И когда наступитъ это время, тогда само собой погибнетъ и старое право, тогда исчезнетъ и государство и собственность въ современныхъ формахъ и вотъ тогда—наступитъ новый строй, основанный на взаимномъ уваженіи людей другъ къ другу.

Вл. Тэ.

МАКСЪ ШТИРНЕРЪ—О ГОСУДАРСТВѢ.

„Ничто—вотъ на чемъ я утверждаю свое дѣло“,—такъ начинаетъ и такъ кончаетъ Штирнеръ свою книгу *„Единственный и его собственность“*. И Богъ и человѣчество обосновали свое дѣло — на *ничемъ*, то есть, только на себѣ самихъ. Попробую и я, говоритъ Штирнеръ, то же обосновать свое дѣло на себѣ самомъ, ибо, подобно Богу, тоже представляю отрицаніе всего остального; я тоже составляю мое—все, я тоже—Единственный.

Я—ничто, но не въ смыслѣ—пустоты, а въ смыслѣ *творческаго ничто*; я—ничто, изъ котораго я самъ почерпаю все, какъ творецъ-создатель.

Творецъ міра—создавалъ изъ ничего. Весь міръ, вся вселенная со всѣмъ ея добромъ и зломъ, со всѣмъ богатствомъ и нищетой явились результатомъ его воли. Такъ и Штирнеръ ставитъ свое я, свою волю, единственнымъ началомъ окружающаго его міра.

„Божественное“—есть дѣло Бога, „человѣческое“—есть дѣло человѣка. „Мое“ же дѣло—есть *„мое“* дѣло—и это ни божеское, ни человѣческое ни *общее* дѣло; оно есть дѣло *единственное*—какъ и я самъ *единственный*. И потому мое *я*—мнѣ всего дороже!

А между тѣмъ, люди, которые меня окружаютъ, чего только не считаютъ *моимъ* дѣломъ, *моей* обязанностью?! Прежде всего—доброе дѣло, потомъ дѣло Божіе, дѣло человѣчества, истину, свободу, гуманность, справедливость.... затѣмъ, дѣло моего народа, государя, отечества и т. д. и т. д.

Но—*я*! Мое собственное *я*, *мое* дѣло! Этого люди не признаютъ. Все должно быть моимъ дѣломъ кромѣ *моего* собственнаго, *единственнаго*—дѣла.

Люди кричатъ: „Долой эгоиста, помышляющаго только о себѣ“! Но, почему же *я*—долженъ заботиться, думать и говорить *только о нихъ*? Почему *они*—хотятъ поработить мое *я*? Развѣ я не имѣю такого же права на міръ какъ и *они*? Создавая боговъ, создавая кумировъ, создавая формы общежитія—люди стремятся всѣхъ и все поработить. Поклоняясь фетишамъ, созданнымъ человѣческимъ слабымъ сознаніемъ, которое не можетъ чувствовать силы своего собственнаго *я*,—люди, въ своемъ стремленьи не нарушать созданной ими призрачной гармоніи, заставляютъ всѣхъ слѣдовать своему примѣру. Они требуютъ порабощенія—ибо они сами рабы. Пусть всѣ—будутъ одинаковы, пусть каждый поклоняется *властелину*; и врагъ, сумашедшій тотъ,—кто отдѣляется отъ нихъ, отъ общества.

Но *я*—единственный, другого нѣтъ похожаго на меня, *я*—не могу, не хочу быть—„какъ всѣ“ — быть рабомъ! Не надо—кумировъ, не надо власти, которая дѣлаетъ меня рабомъ, я хочу быть—*одинъ*, я хочу жить такъ, какъ хочу *я*—а не по указкѣ окружающихъ меня трусливыхъ подданныхъ, слабыхъ образовъ „человѣка“, порабощенныхъ и затерянныхъ въ хаосѣ вселенной,—тѣхъ, которые называются—„людьми“.

Такова въ немногихъ словахъ—та сильная и яркая картина индивидуальной мощи, которую создалъ Штирнеръ въ своей теоріи анархизма.

Онъ отрицаетъ власть во всѣхъ ея проявленіяхъ, онъ ненавидитъ не только соціальное рабство, но и рабство мысли, морали и чувства. Люди—рабы. И до тѣхъ поръ, пока они не станутъ свободными, пока они не сознаютъ, не почувствуютъ силы, своего *собственнаго*, *единственнаго я*, они будутъ рабами — и будутъ порабощать другихъ. Отсюда ясно отношеніе Штирнера къ институту—государства.

При конституціонныхъ или республиканскихъ фор-

махъ общежитія, люди считаютъ себя „свободными гражданами“. Штирнеръ—смѣется надъ этимъ заблужденіемъ, созданнымъ фантазіей порабощеннаго, такъ называемаго, „свободнаго человѣка“.

Свободный человѣкъ, по существу долженъ пользоваться всѣми условіями, которыя создаютъ возможность достиженія его *собственнаго блага*. Собственное благо онъ называетъ высшимъ закономъ. Но, у людей есть *право*. Это право, не способствуя нашему собственному благу, является въ то же время какой то священной обязанностью каждаго.

„Я долженъ, говоритъ Штирнеръ, почитать султанское право въ султанствѣ, народное право въ республикѣ, каноническое право въ католической общинѣ и т. д. Я долженъ подчиняться праву, долженъ считать его священнымъ. Законъ святъ и кто нарушаетъ его—тотъ преступникъ... преступленіе исчезаетъ тогда, когда исчезаетъ святое“.

Создавъ идею „права“—люди подчинились ему. Они не стали его господами. Они потеряли власть надъ нимъ и передали ее въ руки тѣхъ, которые взяли на себя обязанность слѣдить за исполненіемъ законовъ „права“. И постепенно, право стало насиліемъ. *Я—единственный*,—не могу, не хочу подчиниться тому „праву“, которое вмѣняютъ мнѣ въ обязанность. И тотъ, кто силенъ, чей духъ выше общества,—тотъ стоитъ надъ закономъ, тотъ выше человѣческихъ „правъ“, ибо въ немъ самомъ есть „право“, исходящее изъ его собственнаго *я*.

Если люди ограничили идею права, узкими рамками добра и зла, блага народа и государства — и, если *я*—носитъ въ себѣ большее право, которое влечетъ за собой бо̀льшее удовлетвореніе его воли, тогда *я*—можетъ уничтожить старое право, создать свое и слѣдовать ему.

Но люди, еще слишкомъ рабы, чтобы понять всю тяжесть того порабощенія въ которомъ они находятся благодаря, тому, что „свободно“ — какъ они говорятъ, ими созданы законы, примѣняемые ко всѣмъ безъ различія, внѣ зависимости отъ индивидуальности каждаго.

Государство—создали люди. Единственнымъ основаніемъ его—является право. Проявленіе права въ жизни—есть исполненіе законовъ. И только одной этой уловкой

этимъ священнымъ лозунгомъ: „Уваженіе передъ закономъ“—держится государство.

Въ то время, какъ дѣятельность государства, являющаяся съ начала до конца однимъ насиліемъ,—люди называютъ *правомъ*,—насиліе отдѣльнаго человѣка—они называютъ преступленіемъ.

„Если я не дѣлаю того, чего хочетъ государство, говоритъ Штирнеръ, оно выступаетъ противъ меня, со всей силой своей львиной лапы и своихъ орлиныхъ когтей; ибо оно царь звѣрей: и левъ и орелъ“.

„Я—смертельный врагъ государства“—продолжаетъ онъ. Вѣдь государство не способствуетъ благу каждаго отдѣльнаго чѣловѣка—оно заботится о, такъ называемомъ, общемъ благѣ! Но вѣдь общее благо, какъ таковое, не есть *мое* благо—оно куплено цѣной моего самоотреченія. Принесеніемъ въ жертву моего *я*—государство покупаетъ „общее“ благо. Всеобщее благо можетъ торжествовать, въ то время какъ я долженъ пресмыкаться; государство можетъ блистать, въ то время какъ я буду терпѣть голодъ. Каждое государство — есть деспотія, независимо отъ того, одинъ-ли, или много деспотовъ или, какъ это часто говорятъ о республикѣ—*всѣ господа*, т. е. одинъ властвуетъ надъ другимъ.

Правда государство иногда позволяетъ отдѣльнымъ лицамъ „свободно забавляться“, но только они ничего не должны предпринимать серьезно, никогда не должны забывать *его*. И мы видимъ на каждомъ шагу, какъ государство, имѣетъ своей цѣлью каждаго изъ насъ, подчиненіе чему-нибудь общему—но ни въ коемъ случаѣ не свободу дѣйствія. Всякая наша дѣятельность, вытекающая хотя бы изъ глубины нашего я, прежде всего должна быть связана съ видами и задачами государства. Я не имѣю возможности дѣлать все то, что въ состояніи сдѣлать — но лишь ту часть, которая мнѣ дозволена государствомъ. Мою цѣнность—государство не позволяетъ мнѣ использовать и тѣмъ самымъ дѣлаетъ обнищавшимъ мое я, мою индивидуальность.

„Только при моей безцѣнности, говоритъ Штирнеръ, существуетъ государство“. Всегда, при всѣхъ условіяхъ, государство стремится стать между мною и другимъ человѣкомъ, съ которымъ я хотѣлъ бы войти

въ болѣе близкія отношенія. Государство вездѣ и всегда старается стать посредникомъ между людьми. Какъ призракъ, кошмаръ, идея государства витаетъ надъ душами людей, ихъ порабощаетъ, ихъ насилуетъ. И люди страдаютъ, не замѣчая этого злого демона, который сосетъ ихъ кровь, убиваетъ ихъ личность. Они не чувствуютъ, какъ этотъ „человѣческій Богъ“ приводитъ ихъ въ положеніе автоматовъ, которые механически любятъ и ненавидятъ, молятся и проклинаютъ.

— „Я смертельный врагъ—государства“—говоритъ Максъ Штирнеръ,—великій, „единственный“ индивидуалистъ XIX вѣка.

Таковы общіе взгляды Штирнера на государство.

Теперь перейдемъ къ критикѣ основъ современнаго государственнаго строя, съ точки зрѣнія — философа-индивидуалиста.

Исторія человѣчества пережила два періода въ своемъ развитіи: *древній*—когда люди зависѣли исключительно отъ окружающей ихъ среды, когда они всецѣло были подчинены силамъ природы,—молніи, грому, шуму священныхъ деревьевъ и т. д. и *христіанскій*—когда люди являлись рабами идеи.

Въ будущемъ, говоритъ Штирнеръ, „я“— будетъ господиномъ предметовъ и идей, а не наоборотъ—какъ это существуетъ еще и теперь. Въ настоящее время—нѣтъ еще свободныхъ людей. Послѣдніе являются лишь разновидностью людей второго (христіанскаго) періода.

Абсолютная монархія, которая существовала до второй половины XVIII вѣка, столкнувшись съ „третьимъ сословіемъ“ — буржуазіей, подъ могучимъ натискомъ французской революціи—погибла, не только во Франціи, но и въ другихъ государствахъ. Съ этого момента началась *политическая*—эпоха, которая возвела въ принципъ идею государства, и вмѣстѣ съ тѣмъ идею *равенства*. Всюду началось, такъ называемое, освободительное движеніе, которое Штирнеръ дѣлилъ на три категоріи политическій либерализмъ, соціальный и гуманный.

Испивъ почти до дна всю чашу, такъ называемой, абсолютной монархіи, говоритъ Штирнеръ, люди XVIII вѣка ясно стали замѣчать, что напитокъ содержавшійся въ ней, не имѣетъ человѣческаго вкуса, и стали люди домогаться иного кубка.

Будучи „людьми“—они хотѣли, чтобы ихъ *признавали* за „людей“.

Будемъ, говорили люди, единодушны и станемъ охранять другъ въ другѣ—*человѣка*; тогда въ нашемъ единеніи мы найдемъ необходимую защиту. Въ тоже время, въ насъ самихъ, сплотившихся вмѣстѣ, мы найдемъ такую общину, которая будетъ охранять насъ, и назовемъ нашъ союзъ—государствомъ.

Въ этомъ коллективѣ, называемомъ націей или государствомъ всѣ будутъ *„только люди“*.—Всѣ наши индивидуальные особенности, наши желанія и поступки, все это, должно быть отодвинуто на задній планъ, на степень—частныхъ, приватныхъ дѣлъ. Надъ всѣмъ же должна царить жизнь общественная, публичная, которая одна только и является—истинно человѣческой жизнью.

„Такъ говоритъ—мѣщанство“,—пишетъ Штирнеръ.

Быть добрымъ гражданиномъ—въ этомъ мѣщанинъ усматриваетъ высшую честь, выше которой онъ незнаетъ ничего. Такимъ образомъ, угнетенное абсолютизмомъ человѣчество, въ своемъ стремленіи освободиться изъ подъ власти деспота, монарха, нашло успокоеніе въ государствѣ; въ этой—*свободѣ народа*, которая получила имя—*политической свободы*..

Теперь понятнымъ станетъ презрѣніе Штирнера къ политическому либерализму. Личность, всетаки осталась въ рабствѣ, если не у *монарха*, то у *закона*. Люди вмѣсто самодержца стали подчиняться законамъ государства. Дѣйствительно, политическая свобода—означаетъ свободу государства, точно также, какъ религіозная свобода—свободу религіи. Но это вовсе не значитъ—что „*я*“ свободенъ!

Политическій либерализмъ, какъ одна изъ формъ освободительнаго движенія — не освободилъ личности: измѣнилась лишь форма власти.

Мы—люди свободные по рожденію, но куда бы мы ни посмотрѣли, мы увидимъ, что насъ закрѣпостили эгоистамъ. Почти каждый изъ насъ—находится въ матеріальномъ угнетеніи со стороны другихъ. Что же дѣлать? Сторонники соціальнаго либерализма сразу даютъ опредѣленный и короткій отвѣтъ: *никто ничего не долженъ имѣть, что бы всѣ имѣли что нибудь.* Кто же эти—*всѣ?*—Общество!

Владѣть собственностью должно—общество, подобно тому какъ приказывать можетъ только—государство.

Уничтожить личную собственность! Кричатъ сторонники соціальнаго либерализма. Пусть никто ничего не имѣетъ! Пусть всѣ будутъ *нищими*! И пусть всѣ, передъ лицомъ единаго, верховнаго собственника—общества—представляютъ собою лишь „орду оборванцевъ“! Что же по существу предлагаютъ эти цѣлители соціальныхъ язвъ?

Они сулятъ... новое рабство. Теперь мы находимся въ рабствѣ у отдѣльныхъ лицъ. Богачъ — держитъ въ своей власти бѣдняка. Но это теперь. А послѣ,—собственность станетъ коммунистической, а мы всѣ станемъ рабами коммунистическаго государста. И что же? Развѣ сторонники соціальнаго либерализма освобождаютъ насъ отъ экономическаго рабства? Ничуть! Становясь совсѣмъ нищими, мы попадаемъ въ экономическую кабалу вмѣсто богача, капиталиста, къ обществу, на сторонѣ котораго стоитъ грозная сила въ образѣ „свободнаго государства“!

Политическій либерализмъ—стремится уничтожить мою личность, соціальный либерализмъ—хочетъ экономически закабалить меня обществу, наконецъ третій либерализмъ—гуманный, хочетъ совсѣмъ стереть съ лица земли мою личность... Онъ хочетъ, чтобы я мыслилъ о себѣ, какъ о человѣкѣ абстрактномъ, отвлеченномъ. Во имя нравственности, этой абстрактной идеи „человѣка“—я долженъ принести въ жертву все, что во мнѣ есть индивидуальнаго, „моего“...

Я долженъ самъ себя критиковать, долженъ „подравнивать“ себя подъ идею „человѣка“—таковы задачи и цѣли „человѣчнаго“—„гуманнаго“ либерализма.

Интереснѣе всего то, что гуманный либерализмъ—

оказывается въ положеніи нападающаго на соціальный либерализмъ.

Гуманный либерализмъ заявляетъ: Работникъ, эта высшая цѣнность для коммуниста, дѣлаетъ все для собственнаго благополучія, для себя; для „человѣчества“ же онъ ничего не дѣлаетъ. Поэтому, работникъ самый матеріалистическій и эгоистическій человѣкъ. Далѣе, коммунисты—эти пророки соціальнаго либерализма—уничтожили собственность, уничтожили деньги,—но вѣдь у меня осталась еще одна собственность и ее у меня не такъ легко отнять—это *„мое“*—мнѣніе! И поэтому, я все-таки остаюсь—эгоистомъ, я исповѣдую „мою“ мысль и тѣмъ самымъ удаляюсь отъ служенія идеѣ—„человѣка“ отвлеченнаго, абстрактнаго! Прежде всего я *имѣю*—„мою“ мысль, а потомъ уже я „думаю“ или могу думать о „человѣчествѣ“.—Вотъ на что набросились—гуманисты.

„Со скрежетомъ зубовнымъ“—они утверждаютъ:—не для собственнаго блага, не для себя долженъ трудиться человѣкъ, а для блага *всего человѣчества!* Весь свой досугъ, всѣ свои мысли, свои идеалы каждый долженъ нести на служеніе человѣчеству. Все должно быть *отдано* „человѣку.“ — Такъ требуютъ сторонники—гуманнаго либерализма! У меня, индивида, личности—ничего не должно быть *своего.* Все надо бросить въ пламя „человѣчества“, которымъ оно освѣщаетъ міръ!

Таковы, по мнѣнію Штирнера, результаты, къ которымъ приходятъ сторонники политическаго либерализма, стремящіеся урегулировать взаимоотношеніе между силой и правомъ, сторонники соціальнаго либерализма, стремящіеся урегулировать отношенія между собственностью и трудомъ, и сторонники гуманнаго либерализма, стремящіеся установить этическіе принципы современнаго общества.

Отрицая власть вообще и государство въ частности, чего же хочетъ Штирнеръ? Какая организація общественныхъ силъ должна существовать? И Штирнеръ отвѣчаетъ: *„союзъ эгоистовъ“*, или *„ферейнъ эгоистовъ“*. Государство и подобныя ему организаціи должны быть уничтожены, ибо государство, прежде всего основано на порабощеніи и принужденіи. Между тѣмъ, *мое личное*

благо требуетъ, чтобы сожительство людей было основано на началахъ моихъ личныхъ побужденій и предписаній. Лишь одно *мое, собственное* волевое побужденіе можетъ быть моимъ повелителемъ. Либералы кричатъ:— это эгоизмъ, это людоѣдство, человѣко-ненавистничество!

Между тѣмъ: „я люблю людей, говоритъ Штирнеръ, и не только отдѣльныхъ единицъ, но каждаго человѣка, и даже всѣхъ живущихъ существъ. Ихъ страданія причиняютъ мнѣ боль; я люблю, какъ эгоистъ, такъ какъ эта любовь для меня удовольствіе и даже счастье. Я признаю любовь—но не какъ обязанность, находящуюся внѣ меня и приказывающую мнѣ любить, а какъ одно изъ нашихъ чувствъ".

Итакъ, дѣло не въ людоѣдствѣ!

Связывать людей въ союзъ должна та польза, какую всякій извлекаетъ изъ этого союза.

Если я могу воспользоваться моимъ ближнимъ, то я сговариваюсь съ нимъ и сближаюсь для того, чтобы благодаря такому соглашенію, усилить свою власть и соединенной силой достигнуть большаго, чѣмъ могъ бы достигнуть отдѣльный человѣкъ. Въ этомъ объединеніи я не вижу ничего другого, кромѣ увеличенія моей силы.

Если, наконецъ, такой добровольный союзъ эгоистовъ потребуетъ жертвъ со стороны моего „я", то я принесу ихъ во имя моего собственнаго блага, а не во имя блага общественнаго. Какъ только такой союзъ перестанетъ отвѣчать моимъ потребностямъ, я могу въ любой моментъ выйти изъ него и меня не удержатъ никакія цѣпи. Союзъ существуетъ только для меня, тогда какъ въ государствѣ, личность приносится въ жертву для чего то другого.

Не имѣя возможности болѣе подробно остановиться на идеѣ „ферейна эгоистовъ" мы отсылаемъ читателя къ самому произведенію: „Единственный и его собственность". Какъ примѣры такихъ „союзовъ эгоистовъ" Штирнеръ указываетъ, на союзы дѣтей, заключаемые ими для совмѣстной игры, потому что каждый изъ нихъ „хочетъ", союзъ двухъ любящихъ душъ, которымъ каждому въ отдѣльности нужно такое единеніе; союзъ двухъ хорошихъ знакомыхъ, собравшихся провести вечеръ за стаканомъ вина и т .д. и т. д.

Среди теоретиковъ анархизма, Максъ Штирнеръ, является крайнимъ индивидуалистомъ. Въ то время какъ его предшественники и затѣмъ всѣ послѣдующіе анархисты, отрицали власть институтовъ, стѣснявшихъ человѣчество, Штирнеръ выступаетъ, главнымъ образомъ, противъ власти идей и старыхъ шаблонныхъ правилъ морали. Конечно, отсюда естественно исходитъ и рѣзкое отрицаніе имъ власти вообще—въ чемъ бы она ни проявлялась...

М. Неттлау.

ВЗАИМНАЯ ОТВѢТСТВЕННОСТЬ И СОЛИДАРНОСТЬ ВЪ БОРЬБѢ РАБОЧАГО КЛАССА.

Въ этой статьѣ, я хочу поднять важный вопросъ о нѣкоторыхъ новыхъ видахъ и формахъ борьбы въ рабочемъ движеніи. На данный вопросъ, насколько мнѣ извѣстно самому и приходилось слышать отъ другихъ, до сихъ поръ было обращено недостаточно вниманія. А между тѣмъ желательно, чтобы анархисты обсудили его тщательно и высказались бы, въ какой мѣрѣ здѣсь предлагаемые способы цѣлесообразны для достиженія полнаго освобожденія, и стоитъ ли намъ, анархистамъ, защищать ихъ.

По моему убѣжденію, рабочее движеніе развивается очень медленно. Мракъ невѣжества и застарѣлыя предубѣжденія народныхъ массъ такъ еще всесильны, что самыя ясныя мысли и до наглядности простыя истины, легко доступныя каждому изъ насъ, остаются чуждыми и недоступными громадному большинству; сомнительно даже, чтобы народныя массы могли усвоить ихъ безъ фактическаго ихъ примѣненія къ дѣйствительной жизни. Даже въ странахъ, гдѣ эти примѣненія къ жизни до извѣстной степени осуществлены, гдѣ экономическая солидарность рабочихъ доказана не на словахъ, а дѣйствительной матеріальной выгодой, хотя и не очень значительной—какъ, напримѣръ, въ

трэдъ-юніонахъ (англійскихъ рабочихъ союзахъ) и въ кооперації,—массы народныя до сихъ поръ остаются чуждыми имъ, несмотря на цѣлое столѣтіе пропаганды и агитаціи.

Вѣренъ или нѣтъ этотъ пессимизмъ, во всякомъ случаѣ онъ вызываетъ полезное стремленіе найти новые пріемы для большаго усиленія борьбы пролетаріата, и уже были предлагаемы, даже пробовались за послѣдніе годы, нѣкоторые виды такой борьбы. Такъ, напримѣръ, дѣлаются попытки организовать всеобщую стачку, стачку военныхъ, международную стачку рудокоповъ, устраивать массовые походы рабочихъ безъ работы и стачечниковъ на столицы, какъ то было нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Соединенныхъ Штатахъ и въ послѣднее время во Франціи; нѣкоторыми французами предлагается каботажъ, или медленная и плохая работа, „go canny“ („работай исподволь“), какъ выражаются англичане. Съ другой стороны, пытаются воспользоваться существующими рабочими организаціями для непосредственнаго экономическаго осуществленія солидарности, какъ то видно въ нѣсколькихъ устроенныхъ кооперативныхъ колоніяхъ, въ совмѣстномъ дѣйствіи потребительныхъ обществъ и трэдъ-юніоновъ, въ устройствѣ „биржъ труда“ для прямого обмѣна продуктовъ вольнаго труда по американской системѣ.

Съ своей стороны, и я беру на себя смѣлость указать еще на нѣкоторые пріемы дѣйствія, по отношенію къ которымъ анархистамъ слѣдуетъ держаться той же тактики, какой они держатся относительно выше перечисленныхъ; а именно, содѣйствовать имъ на дѣлѣ, но—сохраняя въ чистотѣ пропаганду нашихъ принциповъ и соціальнаго строя, основаннаго на свободѣ личности въ свободномъ обществѣ.

Одновременно съ пропагандой анархистическихъ идей и истинно революціонной борьбы, слѣдовало бы всѣми силами пробудить въ народѣ сознаніе свободы и личнаго достоинства, взаимной солидарности и желаніе жить согласно этому сознанію. Особенно важно, чтобы люди сознали, какъ тѣсно связаны между собою эти начала. Безъ такого сознанія, свобода и личное достоинство, истолко-

ванныя поверхностно, могутъ породить личную дѣятельность исключительно ради своей индивидуальной выгоды, даже въ ущербъ товарищамъ; а что касается до взаимной солидарности безъ свободы и личнаго достоинства, то современный строй, съ его возмутительными учрежденіями, съ его конкурренціей, патріотизмомъ, съ религіей, политическими партіями и прочее, есть тоже плодъ компактнаго единства большинства невѣжественныхъ массъ. Поэтому, полное и сознательное представленіе о неотдѣляемости свободы отъ солидарности становится обязательнымъ, особенно въ виду того, что люди съ подобнымъ передовымъ пониманіемъ, конечно, будутъ воспріимчивѣе къ нашимъ воззрѣніямъ.

Мнѣ кажется, это положеніе можетъ быть принято за основное, за своего рода пробный камень при выборѣ средствъ и пріемовъ дѣйствія, при чемъ послѣдніе должны быть, по возможности, приспособляемы къ нему.

Но, прежде чѣмъ приступить къ изложенію моего доклада, мнѣ слѣдуетъ оговориться по двумъ пунктамъ, въ которыхъ, мнѣ кажется, я немножко еретикъ относительно господствующихъ экономическихъ воззрѣній,— во всякомъ случаѣ, относительно обычныхъ доводовъ, употребляемыхъ въ агитаціи. Мои послѣдующіе выводы основаны на этихъ двухъ пунктахъ.

Первый пунктъ касается такъ называемой публики, значеніе которой въ рабочемъ движеніи, по моему, было мало оцѣниваемо. Члены даннаго ремесла организованы и упорно борются за улучшеніе ихъ экономическаго положенія; то же самое дѣлаютъ хозяева, которые могутъ быть вынуждены на уступки труду удачными стачками, или единодушнымъ и сильнымъ трэдъ-юніономъ. Но потребители продуктовъ ремесла, обыкновенно, вовсе не организованы и не дѣлаютъ ничего для огражденія своихъ интересовъ потребителей, для полученія лучшихъ продуктовъ по наименьшей ихъ стоимости. Вслѣдствіе этого, капиталисты стараются, да и успѣваютъ, вернуть всю сумму, уступленную ими труду, усиленною эксплуатаціей неорганизованнаго потребителя. Какъ извѣстно, рабочіе ни мало не думаютъ о публикѣ и ея интересахъ въ ея борьбѣ съ капиталомъ, а это неизбѣжно ведетъ либо къ повыше-

нію цѣнъ на продукты, либо къ ухудшенію ихъ достоинства. Такимъ образомъ, публика платитъ изъ своего кармана капитализму всю ту сумму, которая бываетъ вырвана у него борющимися рабочими.

А изъ кого, спрашивается, состоитъ публика?— Изъ потребителей, конечно. Одна часть ихъ состоитъ изъ людей достаточныхъ и богатыхъ, для которыхъ повышеніе цѣнъ на продукты имѣетъ малое значеніе, и мы, въ нашемъ анализѣ, можемъ оставить ихъ въ сторонѣ. Другую и гораздо болѣе многочисленную часть составляютъ люди малыхъ достатковъ и бѣдняки. Для нихъ повышеніе цѣнъ означаетъ лишенія, обрѣзываніе расходовъ, а часто и обѣднѣніе. Многіе изъ нихъ, убѣжденные соціалисты и анархисты, съ удовольствіемъ несутъ возросшее бремя, зная, что оно есть результатъ успѣха товарищей рабочихъ; другіе готовы терпѣть это повышеніе по чувству солидарности и по любви къ справедливости: не даромъ мы возлагаемъ всѣ наши надежды на лучшее и свѣтлое будущее. Но было бы большой ошибкой предполагать, что и та часть народныхъ массъ, до которой не коснулись ни прогрессивныя идеи, ни возвышенныя чувства, питаетъ въ этомъ случаѣ симпатію къ организованному труду. Если бы этой массѣ не были чужды прогрессивныя идеи,—развѣ современный строй могъ бы долго просуществовать! Ихъ отсутствію я и приписываю, что масса не только остается безучастной къ побѣдамъ организованныхъ рабочихъ, но, можетъ быть, встрѣчаетъ ихъ даже враждебно. Вообразимъ себѣ, напримѣръ, семейнаго чернорабочаго, сочувствующаго стачкѣ углекоповъ и охотно подписывающаго нѣсколько пенсовъ на поддержку ея. Врядъ ли его жена, которой приходится еле-еле сводить концы съ концами по ихъ грошовому хозяйству, будетъ вполнѣ раздѣлять его симпатію, такъ какъ при томъ же заработкѣ мужа ей придется покупать уголь по очень возросшей цѣнѣ. Если при этомъ между ними не будетъ прямого разлада, то особеннаго согласія тоже быть не можетъ.

Такимъ образомъ, стачки этого рода въ общемъ ничего не измѣняютъ „экономически и нравственно, даже въ случаѣ побѣды стачечниковъ. Денежная уступка хозяевъ взваливается на плечи потребителей и тя-

желѣе всего чувствуется бѣднѣйшими изъ рабочихъ; и нравственный подъемъ духа у стачечниковъ и ихъ энтузіазмъ вполнѣ уравновѣшиваются сѣтованіями и глухой враждой дѣйствительныхъ плательщиковъ выигрыша.

Поэтому, было бы хорошо и полезно найти средства заинтересовать большинство рабочаго населенія въ матеріальныхъ выгодахъ стачки, а не ограничиваться одной нравственной стороной дѣла. Разъ заинтересованные матеріально, потребители могутъ помочь стачкѣ гораздо существеннѣе, чѣмъ сборами и симпатіями: они, какъ потребители, могутъ наложить бойкотъ на хозяевъ,— всемогущее средство въ экономической борьбѣ.

Таковъ мой первый пунктъ.

Вторая моя ересь касается отвѣтственности рабочихъ за исполняемую ими работу. Объ этой отвѣтственности до сихъ поръ не было и рѣчи. Принято считать честнымъ всякаго, кто работаетъ за жалованье, не разбирая, что, именно, онъ дѣлаетъ. Нѣтъ, кажется, такого низкаго и презрѣннаго вида труда, который вызвалъ бы угрызеніе совѣсти у людей, имъ занятыхъ. Не говоря о возмутительномъ соперничествѣ людей всякихъ профессій и общественныхъ положеній, заявляющихъ желаніе занять мѣсто палача—развѣ не самое задушевное стремленіе многихъ стать въ одинъ прекрасный день полицейскимъ? И не полицейскихъ ли съ солдатами откармливаютъ простодушныя кухарки и другія нищія духомъ? Англійскіе солдаты, напримѣръ, вербуемые добровольно, знаютъ очень хорошо, что ихъ назначеніе вовсе не „защита родины“, на которую никто и не думаетъ нападать, а что имъ придется усмирять—то бунтъ ихъ бѣдныхъ согражданъ, то возстанія плохо вооруженныхъ дикарей, и что усмирять эти бунты и возстанія имъ слѣдуетъ самымъ безпощаднымъ и кровавымъ образомъ, дабы задушить ихъ въ зародышѣ и помѣшать имъ распространиться. И молодые люди безъ угрызенія совѣсти поступаютъ добровольно на эту службу полицейскаго и палача, и никому не придетъ въ голову постыдиться водить дружбу съ солда-

томъ. Точно такъ же никогда не бывало недостатка въ сборщикахъ податей, арендныхъ и квартирныхъ денегъ, или въ поземельныхъ агентахъ въ Ирландіи, ни въ ихъ судейскихъ крючкахъ и сутягахъ. А общественное мнѣніе, падкое на разглагольствованія о человѣчности и о цивилизаціи, какъ бы не замѣчаетъ присутствія въ нашей средѣ этихъ хищниковъ, а ежели и вспоминаетъ объ нихъ, то развѣ для того, чтобы пожалѣть объ нихъ, какъ о неповинныхъ жертвахъ.

Но и этого мало. Названные хищники, въ концѣ концовъ, считаются единицами или десятками, тогда какъ вредными ремеслами и производствами занято несравненно большее число людей, которыхъ никто и не думаетъ укорять въ этомъ. Здѣсь я имѣю въ виду громадное число рабочихъ, занятыхъ постройкой скверныхъ домовъ, выдѣлкой плохой одежды, дурной пищи и такъ далѣе, и тѣмъ самымъ отравляющихъ жизнь и понижающихъ умственную дѣятельность и энергію организма ихъ же собственныхъ товарищей рабочихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, кто строитъ трущобы и—что еще хуже—кто ихъ постоянно поддерживаетъ, замазывая, подпирая, подкрашивая? Кто шьетъ скверное платье и приготовляетъ отвратительную пищу и напитки,—продукты, покупаемые исключительно бѣдняками? И кто, въ довершеніе всего, сбываетъ, навязываетъ ихъ бѣднотѣ со всевозможными ухищреніями, съ лживыми увѣреніями и прямо обманомъ послѣ того, какъ другіе подмазали и подчистили ихъ снаружи, лишь бы сбыть съ рукъ? Все это продѣлывается взрослыми, добросовѣстными, хорошо организованными и всѣми уважаемыми строителями, ткачами и приказчиками; хотя, конечно, дѣлаютъ они это по приказанію и по требованію капиталистовъ, и единственно для ихъ выгоды. По моему, особенно возмутительно тутъ то,—и я не нахожу этому факту оправданія,—что до сихъ поръ никто не только не пытался уничтожить это зло, но даже никому не приходило въ голову изучить или хотя бы констатировать его.

А все, въ сущности, сводится къ давнишнимъ оправданіямъ, что, молъ, „моя хата съ краю“. „Я обязанъ работать; у меня нѣтъ другого выбора“. „Если не я, такъ кто-нибудь другой это сработаетъ“. „Мнѣ отъ

этого нѣтъ выгоды; и самъ бы я радъ работать надъ чѣмъ-нибудь дѣйствительно полезнымъ". „Не моя въ томъ вина; отвѣтъ на хозяинѣ, приказавшемъ мнѣ такъ работать".

По моему мнѣнію, пока подобныя лицемѣрныя и грошовыя увертки будутъ признаваться правильными, все будетъ идти по старому, и лучшему, свѣтлому будущему никогда не осуществиться. Согласно съ этими взглядами, капиталистамъ всегда удастся имѣть одну часть рабочихъ для угнетенія другой половины. Капиталисты могутъ еще очень долго держать массы въ умственномъ и нравственномъ униженіи, въ состояніи истощенія, дряблости и невѣдѣнія даже о существованіи самыхъ высшихъ наслажденій жизнью: мрачная и подавляющая обстановка, отвратительное питаніе организма, ослабляя мозговую дѣятельность, мѣшаютъ развитію энергіи въ массахъ. И всѣ эти условія создаются самими же рабочими, непосредственно и лично страдающими отъ нихъ вмѣстѣ съ другими! Какъ прямое убійство, хотя бы солдатами стачечниковъ, такъ и косвенное убійство производствомъ отвратительной пищи, ужасныхъ жилищъ и прочее, надъ чѣмъ работаютъ сами же потребители и чѣмъ они губятъ другихъ рабочихъ,—и то и другое одинаково пагубно и должно быть признано таковымъ прежде всего, даже раньше, чѣмъ думать объ общественной реформѣ.

Это и есть то, что я разумѣю подъ о т в ѣ т с т в е н н о с т ь ю р а б о ч и х ъ з а п р о д у к т ъ и х ъ т р у д а Я даже прибавлю, что отсутствіе подобнаго сознанія о нравственной отвѣтственности одинаково унижаетъ какъ рабочихъ, такъ и ихъ жертвы. Никто не станетъ отрицать, что полицейскіе и солдаты нравственно изуродованы ихъ гнуснымъ ремесломъ охотниковъ на людей, коварно убивающихъ издали. Я безъ стѣсненія заявляю, что то же самое происходитъ съ рабочими ремеселъ, занятыхъ недобросовѣстнымъ производствомъ. Возьмемъ, напримѣръ, водяника, увѣряющаго всѣхъ и вся, что онъ чинитъ водяныя и сточныя трубы, хотя въ дѣйствительности онъ и не думаетъ объ ихъ починкѣ; или возьмемъ приказчика, цѣлый день навязывающаго покупателю не тотъ товаръ, который нуженъ послѣднему, а тотъ, отъ котораго онъ самъ хочетъ

избавить хозяина, потому ли, что товаръ залежался, или потому, что на немъ выручается больше барыша. Не думаю, чтобы характеръ этихъ людей, какъ бы честны, трудолюбивы и добросердечны они ни были при началѣ, могъ улучшиться отъ такой практики; вѣроятнѣе, что они станутъ скорѣе черствыми и равнодушными, чѣмъ чуткими и отзывчивыми. Точно такъ же и толпы производителей продуктовъ низшаго качества не могутъ быть заинтересованы въ ихъ собственномъ трудѣ. А человѣкъ не можетъ жить безъ интереса къ своей работѣ,— безъ этого его способности глохнутъ, мозгъ тупѣетъ и, въ концѣ концовъ, онъ не будетъ въ состояніи думать ни о свободѣ, ни о возстаніи противъ несправедливости, а еще меньше объ ихъ выполненіи. Сравнивъ подобныхъ людей съ описанными Вилльямомъ Моррисомъ въ „Возрожденіи Ремеслъ“, „Вѣсти ниоткуда“ и другихъ, станетъ ясно, что я хочу сказать.

Такимъ образомъ, каждый обреченъ быть жертвой указаннаго отношенія къ труду, какъ всякій, кто дѣйствуетъ противъ интересовъ общества, рано или поздно становится жертвою своихъ собственныхъ поступковъ. Всякій рабочій презираетъ шпіоновъ и доносчиковъ; большинство изъ нихъ презираютъ замѣстителей стачечниковъ; и до тѣхъ поръ, пока не установится подобнаго же отношенія ко всѣмъ, занятымъ производствомъ, вреднымъ для общества, пагубнымъ для ихъ же собратій рабочихъ,—до тѣхъ поръ мало надежды на будущее.

Таково мое второе предварительное положеніе. Теперь я приступаю къ моей основной мысли, въ изложеніи которой я могу быть очень кратокъ, благодаря изложеннымъ вступительнымъ объясненіямъ.

Мнѣ хотѣлось бы найти пріемы дѣйствія, облегчающіе народу усвоеніе настоящихъ понятій о свободѣ, о человѣческомъ достоинствѣ, солидарности и нераздѣльности ихъ интересовъ, объ ихъ единствѣ.

Подобные пріемы могутъ быть выработаны, если только что нами указанные два элемента будутъ какъ слѣдуетъ примѣняемы на дѣлѣ; если будетъ сознана

необходимость заинтересовать экономически общество (большинство все рабочіе) въ каждой стачкѣ въ такой же мѣрѣ, какъ въ ней заинтересованы стачечники; и съ другой стороны, если въ рабочихъ будетъ пробуждено сознаніе отвѣтственности передъ обществомъ за характеръ и родъ ими исполняемой работы, и тѣмъ вызвана въ нихъ рѣшимость не браться за вредящія человѣчеству производства.

Это возвысило бы чувство личнаго достоинства и самоуваженія, чувство взаимной солидарности, и повело бы народныя массы къ желанной свободѣ, расположило бы ихъ къ воспріятію нашей пропаганды, ибо въ этомъ случаѣ уже не будетъ существовать, какъ теперь, противорѣчія между идеаломъ и дѣйствительностью.

Практическое выполненіе такой задачи, по моему, требуетъ, чтобы рабочіе, отказавшись выполнять работу, вредную для общества, въ то же время выступали съ объясненіемъ къ самому обществу, насколько оно обмануто, какъ страдаютъ его интересы. Что же до сочувствующихъ стачкѣ, то ихъ долгъ звать общество на поддержку подобной стачки, защищающей его интересы, и стараться вызвать симпатію и организовать бойкотъ. Такая стачка будетъ прямымъ выигрышемъ и для общества, и для стачечниковъ; если въ ней кто пострадаетъ, то, разумѣется, капиталистъ, и на этотъ разъ онъ пострадаетъ фактически черезъ пониженіе спроса, а стало быть и прибыли. Конечно, этимъ еще не будетъ вырванъ съ корнемъ существующій строй, какъ и вообще стачка не подрываетъ корней существующаго порядка. Этого можетъ достигнуть народъ только рѣшительнымъ отказомъ работать на другихъ, всенародной общей стачкой, соціальной революціей. Но такой способъ борьбы экономической можетъ еще тѣснѣе связать рабочій классъ; стачки потеряютъ ихъ нынѣшній частный характеръ и станутъ дѣломъ общественнымъ, и поддерживаться будутъ онѣ не личными симпатіями отдѣльныхъ лицъ, въ силу ихъ идейной солидарности, какъ теперь, а въ силу экономическихъ общественныхъ интересовъ.

На дѣлѣ этотъ новый пріемъ борьбы можетъ принимать самыя разнообразныя формы. Лишь бы только

онъ былъ усвоенъ трэдъ-юніонистами и соціалистами; а потомъ въ практическихъ попыткахъ недостатка не будетъ.

Если, напримѣръ. организованныя строительныя ремесла рѣшили бы, что ни одинъ ихъ членъ не приложитъ рукъ ни къ починкѣ, ни къ поправкѣ, ни къ постройкѣ зловонныхъ лачугъ и трущобъ для бѣдныхъ, и если въ то же время они обратятся къ обществу съ разоблаченіями вреднаго и губительнаго характера этихъ построекъ въ санитарномъ отношеніи,—то вопросъ о здоровыхъ жилищахъ для бѣдныхъ въ большихъ городахъ былъ бы поставленъ на обсужденіе и разрѣшеніе несравненно рѣзче и энергичнѣе, чѣмъ то дѣлается теперь комитетами, митингами, прессою и агитаціей. Нечему тутъ удивляться, если до сихъ поръ народъ остается безучастнымъ къ агитаціи по этому вопросу. Они видятъ воочію, что все остается попрежнему; что ихъ друзья и сосѣди, если они члены строительныхъ ремеслъ, своими починками, заплатами и подмалевываніями увѣковѣчиваютъ существованіе грязныхъ лачугъ и притоновъ нищеты и заразы. А съ другой стороны, мелкіе торговцы и приказчики, быть можетъ и сами-то живущіе въ этихъ лачугахъ, воздаютъ лишь должное строителямъ, продавая имъ гнилую пищу и отравленные напитки. Одни другихъ надуваютъ и душатъ на пользу капитализму. Правда, иногда эти гнилыя лачуги объявляются вредными разсадниками заразы, раздаются требованія объ ихъ разрушеніи; но это, обыкновенно, происходитъ не по иниціативѣ строившихъ и чинившихъ ихъ, не по требованію ихъ обитателей, а подъ давленіемъ санитарныхъ властей, старающихся оградить отъ опасности заразы, распространяемой этими логовищами бѣдноты, жилища богатыхъ. У самихъ же жертвъ этой системы слишкомъ ничтожно развито чувство личнаго достоинства и вполнѣ отсутствуетъ иниціатива. Всѣми силами надо стараться вызвать у нихъ и то, и другое, и сознаніе о взаимной отвѣтственности есть одно изъ средствъ для того.

Пусть члены строительныхъ ремеслъ Лондона рѣшатъ не прикасаться ни одной рукою къ безчисленнымъ гнилымъ лачугамъ Восточной и Южной части

города. Однимъ этимъ рѣшеніемъ былъ бы выдвинутъ на первый планъ не только вопросъ о жилищахъ рабочихъ, но сразу былъ бы поставленъ ребромъ вопросъ о поземельной собственности и о лендлордахъ. Отвѣтомъ публики на подобное рѣшеніе было бы: „Долой наемную плату“! А приказчики могли бы помочь, отказавшись отъ дальнѣйшей продажи отвратительной, испорченной пищи. Это могло бы вызвать у обитателей бѣдныхъ кварталовъ желаніе поближе взглянуть на дома богатыхъ и попристальнѣе присмотрѣться къ доставкѣ пищи въ гавани и въ доки. Во всякомъ случаѣ, явилась бы нѣкоторая возможность отдѣлаться отъ гнуснѣйшихъ сторонъ жизни бѣдныхъ кварталовъ,— а это чего-нибудь да стоитъ!—тогда какъ строительныя ремесла вполнѣ бы вознаградили себя за свою стачку заработками на постройкахъ новыхъ хорошихъ домовъ и въ здоровой обстановкѣ.

Такъ могли бы отказаться и ткачи производить дрянныя сукна изъ старыхъ лоскутьевъ и гнилой шерсти. Даже меньшинство изъ нихъ, тѣ, кто заняты наведеніемъ ворса и лоску на эти сукна, достигли бы кое-чего уже простымъ отказомъ и заявленіемъ публикѣ о причинѣ своего рѣшенія.

То же самое относительно химической техники, съ ея адомъ производства свинцовыхъ бѣлилъ и подобныхъ продуктовъ. Тутъ уже сама работа убійственна для организма и никакими соболѣзнованіями и административными мѣрами дѣлу нельзя помочь. Чтобы подобныя мастерскія могли когда-нибудь запустѣть, слѣдуетъ стыдомъ и презрѣніемъ преслѣдовать тѣхъ, кто продаетъ себя въ нихъ на смерть. Ихъ слѣдуетъ стыдить, потому что они поддерживаютъ своимъ трудомъ существованіе подобныхъ заведеній; а пока послѣднія будутъ существовать, они будутъ притягивать къ себѣ новыя жертвы, часто даже не понимающія всей вредности своей работы.

Развѣ приказчики не добились бы отъ хозяевъ многихъ изъ своихъ требованій, если бы они рѣшили, что лгать передъ покупателемъ ради хозяйской выгоды унизительно для ихъ человѣческаго достоинства? Конечно, публика въ этомъ случаѣ стала бы за приказчиковъ и бойкотировала бы лавочника съ его лавкою

и скверным товаромъ. При теперешнемъ же положеніи дѣла въ торговлѣ—публикѣ трудно сочувствовать приказчикамъ и рабочимъ. Мы можемъ соболѣзновать объ ихъ долгомъ рабочемъ днѣ, можемъ добродушно переносить раннее закрытіе лавокъ, но мы хорошо знаемъ, что всѣ наши симпатіи не помѣшаютъ приказчику всучить намъ гнилую пищу за свѣжую, если того потребуетъ хозяинъ.

Однимъ словомъ, какъ потребители, мы не можемъ сочувствовать слугамъ капиталистовъ, а такъ какъ въ обоихъ случаяхъ большинство состоитъ изъ рабочихъ, то они и остаются разбитыми на два враждебныхъ лагеря, объединить которые удастся только практическимъ осуществленіемъ взаимной солидарности.

Убѣжденіе и чувство—прекрасныя вещи, но они далеко не во всѣхъ случаяхъ пригодны для этой цѣли.

Приведенными примѣрами моя основная мысль болѣе или менѣе выяснена, хотя она ими не исчерпывается. Я вполнѣ сознаю всю трудность почина въ этомъ дѣлѣ, почему я и предлагаю на первое обсужденіе вопросъ о взаимной отвѣтственности. Разъ данная мысль усвоена, хотя бы и немногими, неминуемо появятся желающіе осуществить ее, сначала, быть можетъ, даже неподготовленные и неорганизованные для практическаго дѣйствія. Движеніе можетъ начаться самой ничтожной мастерской, рабочіе которой могутъ побросать свои инструменты и рѣшительно отказаться отъ продолженія вреднаго, противообщественнаго труда; или же оно можетъ быть начато обычнымъ порядкомъ—черезъ рѣшенія конгрессовъ, и прочее. Во всякомъ случаѣ, моя мысль является шагомъ впередъ къ альтруизму. Вѣдь мы презираемъ являющагося на работу во время стачки замѣстителя за его содѣйствіе хозяину, въ борьбѣ противъ своихъ товарищей, за его противообщественный поступокъ. Почему же мы дѣлаемъ исключеніе и допускаемъ другое отношеніе къ другимъ родамъ противообщественныхъ поступковъ, какъ вредная для общества работа и тому подобнымъ? Если часть рабочихъ съ перваго раза не усвоитъ подобнаго отноше-

нія, пусть сама публика установить его и дѣйствуетъ согласно съ нимъ.

Все это можетъ показаться жестокимъ безсердечіемъ. Но передъ вами только два выбора: или быть сентиментальными и, не слушая голоса разсудка, соболѣзновать всякому, прощать все и вся, проливать слезы надъ убитыми и ранеными солдатами, надъ потерпѣвшими полицейскими при выполненіи ихъ обязанностей; или же быть логичными, и въ такомъ случаѣ мириться съ господствующимъ характеромъ отношеній развѣ только въ виду неподготовленности общественнаго мнѣнія, надъ выработкой котораго мы и должны работать. Игнорировать или прямо отрицать принципъ отвѣтственности возможно только при поверхностномъ сентиментализмѣ или же при той степени нравственной дряблости, когда люди готовы свалить вину со своей головы на чужую, вмѣсто того, чтобы смѣло вдуматься въ истину, хотя бы и нежелательную. Нежелательной я называю ее потому, что она увеличиваетъ нашу подготовительную работу соціальнаго переворота; но вѣдь настоящій переворотъ и не можетъ совершиться, пока люди останутся при нынѣшнихъ нравственныхъ отношеніяхъ.

Изъ всего сказаннаго легко видѣть, что я предлагаю двѣ вещи: во-первыхъ, развитіе сознанія отвѣтственности; а во-вторыхъ, примѣненіе этого сознанія къ организаціи, такъ сказать, общественныхъ стачекъ въ интересахъ всего общества, какъ то было указано выше. Если окажется, что подобныя стачки неосуществимы, слѣдуетъ искать иныхъ способовъ примѣненія этого сознанія отвѣтственности, вѣрнаго въ своей основѣ и могущаго вліять благотворно. По моему глубокому убѣжденію, наносить какой бы то ни было вредъ своему ближнему по приказу капиталиста не простительно никому, и оправданіе, что „я-де только орудіе“, прямо постыдно. Все это подъ стать мирящимся съ существующимъ общественнымъ строемъ, довольнымъ своимъ положеніемъ слѣпого орудія капитализма и поработителей. Но тѣ, кто отрицая современный строй, въ то же время совершаютъ подобнаго рода противообщественные поступки, являются, допустимъ, безсо-

знательно, его пособниками, которымъ никогда не разбить его.

Мнѣ хочется, чтобы люди стали прежде всего свободными умственно; потомъ, чтобы они отказались отъ работъ, способствующихъ развитію нищеты и укрѣпленію современнаго порабощенія, и тѣмъ самымъ вызвали бы въ массахъ ту широкую волну взаимной симпатіи и солидарности, которая станетъ самымъ могущественнымъ связующимъ началомъ въ дальнѣйшей борьбѣ.

Важность экономической борьбы, по моему, лучше цѣнится тѣми, кто сознаетъ себя свободнымъ и видитъ въ свободѣ окружающихъ лучшую гарантію для своей собственной свободы. Если своимъ отказомъ работать на капиталиста они не положатъ конца современной системѣ, то, во всякомъ случаѣ, они постараются не работать больше во вредъ себѣ подобнымъ, не заботясь о томъ, отвѣчаютъ ли послѣдніе немедленно взаимностью и солидарностью, а повинуясь въ своемъ рѣшеніи лишь голосу совѣсти и чувству личнаго достоинства. Таковъ настоящій способъ дѣйствія анархистовъ: „дѣлай самъ то, что ты хочешь, чтобы дѣлали другіе“.

Люди, признающіе политическое дѣйствіе и власть, обыкновенно омываютъ руки отъ этого и всенародно провозглашаютъ неизбѣжность вышеуказаннаго, чѣмъ они содѣйствуютъ дальнѣйшему процвѣтанію злоупотребленій, а вмѣстѣ съ тѣмъ—надѣются, что кто-нибудь да совершитъ то, чего они сами не могутъ или не хотятъ дѣлать. Но мы, отвергнувшіе эти софистическія тонкости въ политикѣ, обязаны отвергнуть ихъ и въ области соціальныхъ отношеній въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, а потому мы и выдвигаемъ на первое мѣсто требованіе объ отвѣтственности каждаго въ исполняемой имъ работѣ.

Оговорюсь еще, что при обсужденіяхъ этого вопроса слово „нравственность“ должно быть употреблено не въ томъ смыслѣ, будто бы я требую отъ рабочихъ быть нравственнѣе. Не въ этомъ смыслѣ я употребилъ его. Я желаю рабочимъ быть прежде всего свободными и

полными сознанія своего личнаго достоинства, самоуваженія; а тогда ужъ ихъ собственное чувство подскажетъ имъ рѣшеніе отказа отъ всякаго противообщественнаго дѣла, какъ теперь они отказываются стать доносчиками и паршивыми хозяйскими затычками во время стачекъ. Легко говорить: прежде всего уничтожимъ капитализмъ и современный строй, а тогда уже рабочіе пріобрѣтутъ эти качества. Но, спрашивается, кто будетъ разрушать современный строй, когда мнимый законъ Маркса, что капиталисты современемъ поѣдятъ другъ друга, насъ больше не убаюкиваетъ, какъ издавна убаюкивалъ соціалъ-демократовъ?

Въ заключеніе повторяю, что у меня нѣтъ ни малѣйшаго намѣренія уменьшать важность какого бы то ни было пріема современной пропаганды; но мнѣ было бы желательно, чтобы предлагаемый методъ пропаганды былъ обсуждаемъ, особенно при встрѣчѣ анархистовъ съ трэдъ-юніонистами. Это можетъ, въ концѣ концовъ, повести къ превращенію борьбы съ трэдъ-юніонистами изъ обыкновенной узко-ремесленной—въ борьбу за общественное освобожденіе, что неминуемо вызвало бы симпатію всѣхъ свободныхъ людей, которымъ дорога и свобода другихъ.

ВОПРОСЪ О МИЛИТАРИЗМѢ.

Мы всѣ сойдемся во мнѣніи, что международныя войны не зависятъ отъ произвола того или иного монарха, того или иного правительства; что и монархи и правительства—не болѣе какъ слѣпыя орудія, какъ маріонетки въ рукахъ людей, стоящихъ за сценой, на заднемъ планѣ. Власть у насъ принадлежитъ не коронѣ, не расшитому золотомъ мундиру, а настоящимъ нашимъ царямъ—финансистамъ, банкирамъ, капиталистамъ. Они сами знаютъ это, и то, что мы говоримъ, для нихъ не новость; но въ народъ, къ несчастью, эта истина еще недостаточно проникла.

Вотъ примѣръ, наглядно показывающій справедливость нашихъ словъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одинъ изъ моментовъ, когда Европѣ грозила война, въ Парижѣ былъ данъ большой балъ, на которомъ присутствовали, между прочимъ, нѣсколько дипломатовъ, а также госпожа Ротшильдъ. Одинъ изъ дипломатовъ рѣшилъ воспользоваться случаемъ и, во время танцевъ, узнать какъ нибудь отъ жены Ротшильда ея мнѣніе о положеніи дѣлъ, чтобы такимъ образомъ вывѣдать мнѣніе ея мужа. И вотъ, гуляя съ ней подъ руку по роскошно убранной залѣ, онъ, послѣ нѣсколькихъ незначущихъ фразъ, какъ бы невзначай спросилъ ее: „Что вы думаете о настоящемъ положеніи дѣлъ? Будетъ война, или нѣтъ?“

Отвѣтъ получился краткій и ясный, настолько простой, что каждый рабочій можетъ надолго запомнить его, и болѣе краснорѣчивый, чѣмъ всѣ длинныя разсужденія и ученые трактаты. „Нѣтъ“,—сказала госпожа Ротшильдъ, „войны не будетъ, потому что мужъ не даетъ денегъ“.

И она была права. Если банкиры не дадутъ денегъ, монархи и правительства не въ состояніи будутъ вести войнъ. Старинная французская поговорка: „нѣтъ денегъ—нѣтъ швейцарцевъ“ *) совершенно справедлива: деньги, дѣйствительно,—главная причина войны.

Чѣмъ вызывались войны въ древности и чѣмъ вызываются онѣ теперь? Вначалѣ человѣка толкалъ голодъ; въ первобытныя времена война была выгодна дикарю, потому что, если побѣда была на его сторонѣ, побѣжденный врагъ служилъ ему пищей. Позднѣе положеніе дѣлъ измѣнилось, но сущность войны осталась та же. Побѣдитель заставлялъ побѣжденнаго работать на себя, отнималъ у него землю, скотъ и, такимъ образомъ, получалъ возможность богатѣть. Такъ происходило въ средніе вѣка, такъ происходитъ и въ наше время. Фабриканты и капиталисты постоянно производятъ все большее и большее количество товаровъ, но что же дѣлать съ этими товарами? Приходится искать для нихъ рынковъ и поэтому наши современныя войны становятся войнами торговыми, имѣющими соціальную подкладку. Вмѣсто того, чтобы увеличивать число потребителей у себя дома и такимъ образомъ находить сбытъ для своихъ продуктовъ, капиталисты ищутъ рынковъ внѣ страны. Наши политико-экономы говорятъ „перепроизводствѣ, потому что всѣ торговые склады томятся подъ тяжестью товаровъ, а между тѣмъ сами ороизводители почти что не пользуются ими. Такое лперепроизводство“ ни болѣе, ни менѣе какъ ложь. Вѣрнѣе было бы сказать, что у насъ не п е р е-производство, а н е д о-потребленіе, и Фурье былъ совершенно правъ, когда говорилъ, что мы страдаемъ отъ бѣдности, именно потому, что имѣемъ всего въ избыткѣ. Мы голодны, потому что кругомъ слишкомъ много

*) Въ старину короли н а н и м а л и солдатъ—преимущественно швейцарцевъ, чтобы воевать.

хлѣба; плохо одѣты, потому что у насъ слишкомъ много одежды; мы ходимъ босыми, потому что на свѣтѣ слишкомъ много обуви. То, что намъ преподаютъ съ оффиціальныхъ кафедръ, есть, слѣдовательно, не болѣе какъ ученая чепуха.

Войны предпринимаются теперь съ цѣлью найти въ различныхъ мѣстахъ земного шара сбытъ для накопившихся товаровъ; въ основѣ ихъ лежатъ наши несправедливыя общественныя отношенія. Кромѣ того, вслѣдствіе войнъ уменьшается европейское населеніе, происходитъ „подчистка", — какъ выразился недавно одинъ генералъ. Многочисленные рабочіе безъ работы въ концѣ концовъ, становятся опасными, и война, уносящая эти безпокойные элементы, является настоящимъ предохранительнымъ клапаномъ для современнаго общества. Она имѣетъ, такимъ образомъ, двѣ цѣли: избавить капиталистовъ отъ лишнихъ товаровъ и избавить ихъ отъ лишныхъ людей. Войны нужны также буржуазіи потому, что онѣ даютъ ей возможность набить свои карманы, что для нея гораздо важнѣе, чѣмъ человѣческая жизнь: нажива—высшая цѣль буржуазіи и вы можете быть увѣрены, что всякій буржуа готовъ, скорѣе продать свою собственную страну, чѣмъ упустить удобный случай къ наживѣ. Развѣ не англійскіе капиталисты поставляли для южно-африканскихъ республикъ тѣ самыя пушки и тѣ самые боевые запасы, которые должны были послужить противъ англійскихъ солдатъ? Развѣ министръ Чэмберленъ не состоитъ однимъ изъ крупныхъ акціонеровъ оружейнаго завода, обогатившагося поставкой оружія южно-африканскимъ республикамъ? Развѣ не англійскіе и не нѣмецкіе заводы продали китайцамъ артиллерійскіе снаряды и ружья, которыми теперь пользуются китайцы противъ соединенныхъ державъ? Чтобы показать на примѣрѣ, изъза чего ведутся войны, разсмотримъ закулисную сторону хотя бы послѣдней китайско-японской войны.

Серебро, вообще, стоитъ недорого: въ то время какъ фунтъ золота стоитъ немного болѣе 640 рублей, фунтъ серебра стоитъ немного больше сорока рублей; прибавимъ къ тому же, что серебра гораздо больше, чѣмъ золота. Въ виду такой разницы въ цѣнѣ легко понять, что для того, чтобы получить одинаковую цѣн-

ность серебра, нужно взять его въ 32 раза больше вѣсомъ, чѣмъ золота. Если я мѣняю золотой на серебро, я долженъ получить по вѣсу въ 32 раза больше серебра, чѣмъ вѣситъ мой золотой; а такъ какъ золотой двадцати—франковикъ (8 рублей) вѣситъ около $1^1/_2$ золотника, то четыре серебряныя монеты, въ 5 франковъ каждая, должны бы вѣсить въ 32 раза больше, то-есть около 50 золотниковъ. Если же онѣ вѣсятъ меньше, то, очевидно, государство насъ обкрадываетъ. И дѣйствительно, монета въ 5 франковъ вѣситъ меньше шести золотниковъ, а четыре такихъ монетъ вѣсятъ вмѣстѣ $23^1/_2$ золотника, такъ что на каждые 20 франковъ государство крадетъ у гражданъ около 27 золотниковъ серебра. Мы видимъ, такимъ образомъ, гдѣ находятся настоящіе фальшивые монетчики; но выдѣлка фальшивой монеты—монополія государства, и если ею займется частное лицо, то его сажаютъ въ тюрьму.

Недавно мнѣ пришлось видѣть интересную карикатуру. За столомъ, покрытымъ зеленою скатертью, сидитъ министръ юстиціи. Двое полицейскихъ вводятъ хорошо одѣтаго господина, въ цилиндрѣ и съ тросточкой, который всячески старается отъ нихъ вырваться. Это—голландскій министръ финансовъ, Пьерсонъ, бывшій директоръ нидерландскаго банка.

— „Оставьте меня“,—кричитъ господинъ,—„я предводитель нидерландскаго государства!“

— „Все это, братъ, побасенки“,—отвѣчаетъ полицейскій,—онъ просто предводитель шайки мошенниковъ, которые пускаютъ въ обращеніе флорины, стоющіе всего $47^1/_2$ центовъ!“ (во флоринѣ же считается 100 центовъ).

Вотъ какъ сами правительства подаютъ примѣръ фабрикаціи фальшивыхъ денегъ!

Въ Америкѣ есть очень много серебряныхъ долларовъ—монета, которая принята также и въ Китаѣ и Японіи. Чѣмъ больше падаетъ цѣна серебра, тѣмъ больше теряютъ тѣ, которые получаютъ серебряные доллары, а, слѣдовательно, отъ этихъ долларовъ, отъ этого серебра слѣдуетъ какъ можно скорѣе избавиться.

Но что же тутъ дѣлать? Китаю и Японіи хватаетъ имѣющихся тамъ долларовъ на обычные расходы, но, въ случаяхъ какихъ-нибудь чрезвычайныхъ событій,

имъ, конечно, понадобится больше. И вотъ банкиры взялись за это дѣло. Въ обѣ эти страны были посланы европейскіе и американскіе агенты—отнюдь не для подкупа ихъ правительствъ, о нѣтъ! правительства всегда честны и неподкупны. . . . Но, такъ или иначе, а Китай сталъ покупать въ Америкѣ массу серебра, а черезъ полгода была вдругъ объявлена война. Оставалось рѣшить вопросъ о томъ, на чьей сторонѣ будетъ побѣда. Для банкировъ было выгоднѣе, чтобы Китай былъ побѣжденъ, потому что побѣжденная сторона платитъ военную контрибуцію, а Японія, хотя и большая страна, но, во всякомъ случаѣ, не можетъ сравниться по обширности съ Китаемъ. Китаю, поэтому, благодаря естественнымъ богатствамъ страны, легче достать денегъ. И вотъ Японія должна была побѣдить, а Китай долженъ былъ заплатить убытки.

Для банкировъ это была очень выгодная операція. Китайское правительство прежде сдѣлало заемъ въ 400 милліоновъ франковъ серебромъ, затѣмъ еще въ 72 милліона, также серебромъ, наконецъ—въ 44 милліона, опять таки серебромъ. Оно получило такимъ образомъ большое количество серебра, съ обязательствомъ платить проценты золотомъ, а это составило новый источникъ барышей для банкировъ, которые купили все это серебро за сравнительно малое количество золота. Они наживали, такимъ образомъ, громадныя состоянія. Кромѣ того, они вошли въ соглашеніе со всѣми кораблестроительными компаніями, со всѣми оружейными заводами, чтобы тѣ требовали за всѣ заказываемые Китаемъ и Японіей въ Европѣ товары уплаты золотомъ. Это также давало большіе барыши.

Итакъ, китайско-японская война была не болѣе какъ заранѣе обдуманное банкирское предпріятіе. И всѣ войны вообще бываютъ всегда такими же результатами разсчетовъ банкировъ, то-есть буржуазіи.

Солдаты! когда буржуазія говоритъ вамъ, что служить своей родинѣ—честь, и когда вы оказываетесь настолько глупыми, что вѣрите ей,—она сама въ душѣ смѣется надъ вами. Она отлично знаетъ, что обманываетъ васъ. Все то, что вамъ говорятъ о „любви къ отечеству“, о „преданности престолу“, о храбрости,

вѣрности и такъ далѣе—все это говорится только для того, чтобы одурманить вамъ голову, чтобы помѣшать вамъ понять, какимъ цѣлямъ васъ заставляютъ служить. Вы просто—часовые, стоящіе на стражѣ у денежныхъ сундуковъ буржуазіи; войско существуетъ только для того, чтобы защищать богатства, нажитыя банкирами. Имущіе классы слишкомъ трусливы, чтобы самимъ защищать свою собственность; они и устроили свои дѣла такъ, что защищаетъ эту собственность тотъ, у кого нѣтъ ничего. Съ ихъ точки зрѣнія оно такъ и должно быть. Но, что сказать о глупости людей, не имѣющихъ ничего, людей, которымъ нечего терять, и которые позволяютъ обращать себя въ пушечное мясо ради интересовъ своихъ враговъ,—имущихъ классовъ? Если овцы позволяютъ себя стричь, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что онѣ слабы; но что сказали бы мы объ овцѣ, которая сама выбрала бы человѣка, который долженъ ее зарѣзать? Это уже—верхъ глупости, и такимъ людямъ поневолѣ хочется сказать: „сами виноваты, на себя и пеняйте; лучшей участи вы не заслуживаете!“

Войны возможны только благодаря той любви къ военщинѣ, которую искусственно развиваютъ въ народѣ. Неужели вы думаете, что какой нибудь Чэмберленъ или Сесиль Родсъ могли бы начать войну, если бы не чувствовали за собою сильной партіи? Но втеченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ англійская печать только и дѣлала, что систематически возбуждала англичанъ противъ буровъ *). Пресса считается благодѣтельной силой, а между тѣмъ, въ рукахъ капиталистовъ, она стала средствомъ для отравленія всѣхъ источниковъ здоровой народной жизни. Существуютъ общества противъ фальсификаціи товаровъ, общества покровительства животнымъ; но общество, которое защищало бы народъ отъ отравляющаго общественное мнѣніе дѣйствія прессы,

---

*) Впродолженіи десяти лѣтъ, консервативная, имперіалистическая печать подготовляла Англію къ войнѣ,—воскрешая память «героевъ», ставя въ театрахъ военныя пьесы, убытки которыхъ оплачивались однимъ народомъ, и такъ далѣе. Шестидесятилѣтній юбилей королевы, какъ это тогда замѣтили всѣ радикальныя газеты, имѣлъ ту-же цѣль.

нѣтъ нигдѣ; и вотъ она ежедневно, капля по каплѣ, вливаетъ свой ядъ въ умы цѣлыхъ милліоновъ людей.

Говорятъ, будто бы любовь къ военщинѣ въ наше время ослабѣваетъ; но въ чемъ же это проявляется? Дѣйствительность показываетъ намъ какъ разъ обратное: вся человѣческая жизнь, съ самаго ранняго возраста, подчинена вліянію военнаго духа—вліянію, гораздо болѣе могущественному, гораздо болѣе распространенному, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ маломыслящіе люди. Въ доказательство того, какъ сильно еще общество проникнуто духомъ военщины, возьмемъ хотя бы большинство дѣтскихъ игрушекъ. Войдите въ любую игрушечную лавку и посмотрите: повсюду—сабли, ружья, эполеты, барабаны, знамена, кивера, которые пріучаютъ ребенка съ самаго ранняго возраста особенно любить эти орудія убійства. Затѣмъ идутъ оловянные, пѣшіе и конные солдатики, большія крѣпости, пушки и тому подобныя забавы. Вмѣсто того, чтобы удалять отъ дѣтей такого рода предметы, ихъ, наоборотъ, пріучаютъ къ нимъ. Игра въ солдаты—любимая игра мальчиковъ, и взрослые отлично пользуются этими наклонностями. Мы видимъ это, напримѣръ, когда по улицѣ проходятъ солдаты съ музыкой, играющей веселые, увлекающіе за собою мотивы; за ними всегда бѣжитъ толпа ребятишекъ, которые навѣрно думаютъ: „вотъ когда я выросту, я тоже буду гулять по улицамъ въ красивомъ мундирѣ!“

Не меньшую роль играетъ военный духъ и въ школьномъ преподаваніи. Посмотрите на дѣтскія книжки съ картинками: какое огромное мѣсто тамъ занимаютъ солдаты и сраженія! Наши хрестоматіи полны всевозможныхъ разсказовъ о геройскихъ подвигахъ на полѣ битвы. А кто наши главные герои? Это не люди, прославившіеся въ наукѣ или искусствѣ, не люди, сдѣлавшіе какія-нибудь полезныя открытія или изобрѣтенія, а всегда и вездѣ—солдаты. Исторія наша также часто представляетъ лишь перечень битвъ, и въ ней постоянно, какъ припѣвъ, звучитъ одна и та же фраза: такой-то побѣдилъ такого-то и сдѣлался такимъ образомъ могущественнымъ правителемъ. Военный духъ развивается въ ребенкѣ всѣми средствами—и игрушками, и книгами; дѣтскій умъ уже въ самыхъ играхъ получаетъ

ложное направленіе, очень часто даже помимо воли воспитателей.

Развѣ—изображать, какъ героевъ, въ глазахъ дѣтей только тѣхъ, кто боролся огнемъ и мечемъ и отличался на поляхъ сраженія, не есть чистая ложь? Когда Лютеръ отправлялся на Вормскій соборъ вопреки совѣтамъ друзей и говорилъ имъ, что онъ все равно поѣхалъ бы, „если бы даже въ Вормсѣ было столько же чертей, сколько черепицъ на крышахъ", развѣ онъ не проявилъ большей храбрости, чѣмъ сражающіеся на „полѣ чести", когда они, подъ вліяніемъ возбужденія, становятся просто звѣрями по отношенію къ противнику?

Развѣ Золя въ своемъ письмѣ „J'accuse" („Обвиняю"), брошенномъ въ лицо всему военному и политическому міру, не обнаружилъ большаго героизма, чѣмъ войска, направляющія свою усовершенствованную артиллерію противъ плохо-вооруженныхъ туземцевъ какой-нибудь другой части свѣта? Наконецъ, врачъ, рискующій жизнью, ухаживая за заразительными больными, или изучающій опасныя болѣзни, не обладаетъ, развѣ, большей нравственной смѣлостью, чѣмъ офицеръ, котораго тѣмъ больше восхваляютъ, чѣмъ больше людей онъ убилъ? Вѣдь и у остъ-индскихъ даяковъ точно также воина тѣмъ больше почитаютъ, чѣмъ, больше онъ можетъ показать череповъ собственноручно обезглавленныхъ имъ враговъ? А между тѣмъ названія Великаго, Храбраго и такъ далѣе раздаются лишь людямъ, отличившимся на полѣ битвы, и намъ постоянно твердятъ о „священныхъ войнахъ", о „патріотическомъ долгѣ" и тому подобныхъ вещахъ, служащихъ только для омраченія умовъ.

Монархи всѣхъ странъ—прежде всего солдаты. Едва только какой-нибудь князекъ научится ходить, какъ его уже сразу назначаютъ командиромъ какого-нибудь полка, и всѣ находятъ совершенно естественнымъ, что всѣ члены царствующихъ фамилій командуютъ чѣмъ-нибудь на сушѣ или на морѣ.

Идеалъ императора Вильгельма II, это—имѣть десять сыновей и назначить каждаго изъ нихъ главнокомандующимъ однимъ изъ корпусовъ. Почему монархи являются всегда и повсюду въ военномъ мундирѣ? Почему они открываютъ засѣданія парламентовъ въ гу-

сарскомъ или походномъ мундирѣ? Не для того ли, чтобы показать парламентамъ, что въ случаѣ надобности они отлично пренебрегутъ парламентскими рѣшеніями и покажутъ еще лишній разъ, что мечъ имѣетъ большій вѣсъ, чѣмъ сотни рѣчей? Зачѣмъ у президента французской республики существуетъ военный штатъ? Зачѣмъ такой же штатъ у молодой голландской королевы? Для чего все это? Почему министръ, завѣдующій войсками, носитъ названіе „военнаго“? Развѣ его функція въ томъ, чтобы вести войны? Министровъ военнаго и морского лучше было бы назвать министрами „драки на сушѣ“ и „драки на водѣ“.

Вся наша печать проникается, такимъ образомъ, военнымъ духомъ, и если каждый человѣкъ, взятый въ отдѣльности, относится къ войнѣ съ ненавистью, то, взятые вмѣстѣ, люди дѣлаютъ все, отъ нихъ зависящее, чтобы ей содѣйствовать. Прудонъ еще могъ мечтать, что девятнадцатый вѣкъ увидитъ установленіе мира, но мы не можемъ быть такими оптимистами и не беремся даже сказать съ увѣренностью, осуществится ли это въ двадцатомъ вѣкѣ.

Все, что было сдѣлано въ послѣдніе годы, привело только къ тому, что къ военщинѣ прибавилось еще лицемѣріе. На словахъ, всѣ правительства выражаютъ любовь къ миру, на дѣлѣ же—всѣ готовятся къ войнѣ. Самая удивительная комедія, какую только могли выдумать люди, власть имѣющіе, какъ финалъ девятнадцатому вѣку это—комедія мира, разыгранная въ Гаагѣ въ 1899 году.

Ни въ одной странѣ, ни одинъ бюджетъ не уменьшился ни на грошъ послѣ этой комедіи мира! Англійскій бюджетъ на 1899—1900 годъ превысилъ предыдущій на 25 милліоновъ франковъ; въ то же время контингентъ войска увеличился на 1493 человѣка и 5 пушечныхъ батарей, съ перспективой еще 10-ти батарей въ 1900 году *).

Нѣмецкое правительство тотчасъ же послѣ этого

*) Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ того, какъ написанъ былъ этотъ докладъ, началась война противъ буровъ, представляющая самый наглый актъ насилія и грабежа за послѣднія сто лѣтъ.

предложило увеличить войско на 23,277 человѣкъ впродолженіи четырехъ лѣтъ, что и было принято, съ уменьшеніемъ этого числа на треть. Кромѣ того, были въ принципѣ приняты проекты германскаго императора относительно флота.

Ужъ не любовь ли къ миру побуждаетъ державъ все больше и больше вооружаться? Не для того ли онѣ такъ страшно увеличиваютъ военные расходы и контингентъ войскъ, чтобы доказать миролюбивость своихъ намѣреній?

Вотъ, что писалъ Монтескье полтораста лѣтъ тому назадъ (и эти слова остаются справедливыми и до сегодняшняго дня):

„По Европѣ распространилась новая болѣзнь, охватившая всѣхъ нашихъ монарховъ и заставляющая ихъ содержать непомѣрно-многочисленныя войска. Болѣзнь эта—возвратная; при этомъ она заразительна: какъ только какое-нибудь государство увеличитъ свое войско, то же самое дѣлаютъ и всѣ остальныя, и единственнымъ результатомъ этого является общее разореніе. Каждый монархъ держитъ наготовѣ все это войско, какое только онъ могъ бы собрать въ случаѣ, если бы его народу грозила опасность истребленія, и это постоянное напряженіе силъ каждаго государства противъ всѣхъ остальныхъ называется миромъ. Европа, поэтому, такъ разорена, что если бы въ такомъ положеніи, въ какомъ находятся три самыхъ богатыхъ державы, оказалось какое-нибудь частное лицо, то оно не могло бы существовать. Имѣя въ рукахъ богатство и торговлю всего міра, мы все таки бѣдны; у насъ такъ много солдатъ, что скоро никого не будетъ кромѣ нихъ, и мы станемъ похожи на татаръ. Послѣдствіемъ этого является постоянное возростаніе податей, и никакое улучшеніе этого положенія невозможно, потому что государства уже не считаются со своими доходами, а употребляютъ на военныя цѣли самый капиталъ. Нерѣдко они, даже въ мирное время, отдаютъ подъ залогъ свои фонды и прибѣгаютъ для своего разоренія къ средствамъ, которыя они называютъ экстренными, и которыя, дѣйствительно, такъ необычны, что самый расточительный маменькинъ сынокъ едва можетъ выдумать лучшія“.

Развѣ эти слова Монтескье не походятъ буквально и къ нашему времени? Развѣ наши правительства точно также не соперничаютъ другъ съ другомъ въ дѣлѣ скорѣйшаго доведенія своего народа до полнаго разоренія?

Намъ говорятъ иногда, что войну можно сдѣлать гуманнѣе, но это—ничто иное, какъ самое ужасное лицемѣріе. Сдѣлать войну гуманнѣе, это—такая же нелѣпая затѣя, какъ улучшить тюрьмы. Если не считать нѣсколькихъ мелкихъ измѣненій въ ихъ устройствѣ, то единственное, что можно сдѣлать съ тюрьмами, это—ихъ уничтожить. То же самое можно сказать и о войнахъ. Развѣ „человѣколюбивыя“ пули не будутъ убивать? Или, можетъ быть, къ нимъ будетъ придѣланъ пластырь, который будетъ самъ накладываться на сдѣланную рану? Какая безсмыслица! Чѣмъ употреблять „человѣколюбивыя“ пули, не лучше ли упразднить всякія пули вообще?

Внести гуманность въ войну! Ужъ не подъ покровительствомъ ли нѣмецкаго императора Вильгельма, который воюетъ во имя цивилизаціи съ нецивилизованными китайцами, причемъ его войска не даютъ пощады никому, закалывая штыками женщинъ и дѣтей? И европейцы не стыдятся подобнаго варварства!

Нецивилизованные китайцы, однако, отлично разгадали цивилизованныхъ европейцевъ; вотъ что писалъ недавно о нихъ одинъ китайскій ученый: „Сначала къ намъ являются люди въ черныхъ одеждахъ (миссіонеры) и обѣщаютъ даромъ открыть намъ врата неба. Въ сущности же они—только агенты другихъ людей, въ бѣлыхъ одеждахъ, которые пріѣзжаютъ, чтобы торговать, обманываютъ и грабятъ насъ. Если же мы начинаемъ требовать у этихъ бѣлыхъ людей отвѣта, то тогда являются люди въ одеждахъ разноцвѣтныхъ, съ пушками и ружьями, и . . . убиваютъ насъ!“

Вотъ она, характеристика международнаго, всемірнаго капитализма: алтарь, кошелекъ и войско!

Намъ предстоитъ, если я не ошибаюсь, періодъ реакціи. Католицизмъ теперь сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, благодаря своимъ капиталамъ и арміи священниковъ, въ которой согласно правилу: **perinde ac cadaver**, онъ находитъ полную поддержку. Цер-

ковь и войско дѣйствуютъ за одно, и при капиталистическомъ строѣ несомнѣнно скорѣе римскій папа сдѣлается главою міра, чѣмъ какія бы то ни было права будутъ даны народу. Буржуазіи, якобы ненавидящей войну, нужно сильное правительство для того, чтобы удержать въ повиновеніи рабочія массы, и нуженъ парламентъ, который давалъ бы поступкамъ этого правительства внѣшнее оправданіе. Безразсудно закрывая глаза на недостатки экономическаго положенія, она говоритъ, что ненавидитъ войну, а между тѣмъ дѣлаетъ все возможное, чтобы ее вызвать; презираетъ цѣль, и вмѣстѣ съ тѣмъ употребляетъ какъ разъ тѣ средства, которыя должны неизбѣжно къ ней привести.

Реакціонныя силы включаютъ всѣ государственныя партіи, отъ Рима до соціаль-демократіи, отъ папы до Маркса; всѣ онѣ составляютъ одну реакціонную массу, противъ которой стоятъ только анархисты. Мы уже видѣли, какъ старый соціалистъ Луи Бланъ вотировалъ, вмѣстѣ со всей клерикальной шайкой, одобреніе Тьеру, Макъ-Магону и Галифэ, потопившихъ парижскую Коммуну въ крови ея участниковъ; теперь мы видимъ, какъ соціаль-демократы дѣйствуютъ за-одно съ убійцами коммунаровъ: одинъ изъ нихъ (Фольмаръ) заявилъ, что парижане лучше бы сдѣлали, если бы въ 1871 году сидѣли смирно; другой (Мильеранъ)—вошелъ въ составъ министерства, гдѣ его товарищемъ состоялъ одинъ изъ самыхъ свирѣпыхъ усмирителей Коммуны.

Власти невозможно обойтись безъ войска, безъ силы, которая могла бы защитить ее отъ всякой оппозиціи. Поэтому намъ, анархистамъ, приходится разсчитывать только на себя самихъ и на соціалистовъ-революціонеровъ.

* * *

Каково же должно быть наше отношеніе къ военщинѣ? Это для насъ самый важный вопросъ. Однихъ фразъ и платоническихъ заявленій о томъ, что правящіе классы отвѣтственны передъ исторіей и передъ человѣчествомъ за зло военщины, еще недостаточно. Этого рода рѣшенія годятся, можетъ быть, для раз-

ныхъ конференцій и конгрессовъ мира; но правительства только смѣются надъ ними и продолжаютъ дѣлать свое дѣло по прежнему.

Я думаю (представьте себѣ, что я настолько наивенъ!), что если бы на брюссельскомъ международномъ конгрессѣ 1891 года у соціалистовъ хватило смѣлости рѣшить, что въ случаѣ объявленія войны, они отвѣтятъ на это общей стачкой, то, при дѣятельной пропагандѣ этой идеи, мы за эти десять лѣтъ ушли бы гораздо дальше впередъ, чѣмъ теперь. Но прошло то время, когда Гэдъ писалъ:

„Мы рѣшились—и всѣ соціалистическія партіи должны придти къ тому же рѣшенію—преградить дорогу войскамъ революціей. Заряженнымъ пушкамъ мы крикнемъ: мы не пропустимъ васъ, мы не позволимъ вамъ стрѣлять!“.

Чтобы выполнить свою революціонную и освободительную миссію, соціализмъ долженъ обладать смѣлостью, и когда бѣдствія войны будутъ, по винѣ державъ, грозить міру, у соціализма должно хватить рѣшимости повторить слова Дантона: „Бросимъ имъ въ видѣ вызова коронованную голову“!—слова, сказанныя сто лѣтъ тому назадъ о войскахъ союзныхъ монарховъ и имѣвшія въ виду судьбу Людовика XVI. И если у Дантона хватило смѣлости сказать это, когда рѣчь шла о политическомъ освобожденіи, то въ дѣлѣ соціальнаго освобожденія—гораздо болѣе важномъ—на насъ тѣмъ болѣе лежитъ обязанность быть рѣшительными. Пусть всѣ знаютъ, какой отпоръ встрѣтятъ тѣ, кто ради своихъ выгодъ посылаетъ народъ на бойню.

Но какъ противодѣйствовать преступнымъ замысламъ правительствъ и капиталистовъ? Средство очень простое. „Если только солдаты научатся думать, то ни одинъ не останется въ войскѣ“. Измѣненіе въ положеніи народа совершится, слѣдовательно, тогда, когда люди начнутъ думать; въ этомъ направленіи толкаетъ ихъ соціализмъ вообще, и въ этомъ же направленіи мы должны прилагать свои силы, не упуская ничего, что можетъ оказаться полезнымъ.

Исторія учитъ насъ, что въ борьбѣ съ милитаризмомъ менѣе всего слѣдуетъ разсчитывать на духовенство.

Войны повсюду возникали, или, по крайней мѣрѣ, поддерживались, именно благодаря священникамъ, и никогда еще послѣдніе не помѣшали ни одной войнѣ. Повсюду священники благословляютъ оружіе и знамена; повсюду они служатъ молебны ради доставленія побѣды одному войску и пораженія другого. Это лицемѣріе со стороны религіи представляетъ собою одну изъ самыхъ ужасныхъ низостей, которыми позорятъ память Іисуса Христа.

Ни откуда не раздалось ни слова протеста, когда Вильгельмъ II, въ своей рѣчи къ солдатамъ по случаю принесенія присяги, сказалъ между прочимъ: „Вы принадлежите мнѣ тѣломъ и душою. Для васъ теперь нѣтъ другого врага, кромѣ того, кто мой врагъ. При теперешней агитаціи соціалистовъ можетъ случиться, что я прикажу вамъ стрѣлять въ вашихъ собственныхъ родныхъ—въ вашихъ братьевъ, или даже въ вашихъ отцовъ и матерей (да хранитъ насъ отъ этого Богъ); даже и тогда вы должны безпрекословно повиноваться моимъ распоряженіямъ“.

Итакъ, этотъ христіанинъ (!) открыто говоритъ (и христіанская церковь не протестуетъ противъ этого), что всякій, кто служитъ въ арміи, служитъ ему и долженъ быть готовъ ради его выгоды, убить своего брата, отца или мать! Возмущенный этими святотатственными словами, Толстой писалъ: „Этотъ больной, жалкій, опьяненный человѣкъ оскорбляетъ своими словами все, что можетъ быть святого для человѣка, и всѣ, христіане, свободомыслящіе, образованные люди—вообще всѣ, не только не возмущаются такимъ оскорбленіемъ, но даже не замѣчаютъ его“.

Существуетъ Интернаціоналъ желтый—союзъ капиталистовъ, которые гораздо сплоченнѣе между собою, чѣмъ борющіеся съ ними рабочіе; существуетъ Интернаціоналъ черный—Римъ и его армія священниковъ, монаховъ и монахинь, проникающихъ для своей глухой, подземной работы въ самые тѣсные семейные круги. Намъ нуженъ Интернаціоналъ красный—рѣшительно революціонный. Война никогда не можетъ быть

полезной для рабочихъ и какъ только они это поймутъ, они положатъ конецъ правительственнымъ кознямъ. Трудъ и война—двѣ противуположности.

Солдатъ не только не служитъ обществу какимъ нибудь производительнымъ трудомъ, но, наоборотъ, самъ живетъ на счетъ производительнаго труда другихъ. Представьте себѣ общество въ 5,000 человѣкъ, изъ которыхъ 1,000 взрослыхъ поддерживаютъ своимъ трудомъ все общество, и представьте себѣ, что 200 человѣкъ изъ ихъ числа взяты на военную службу. Каковы будутъ результаты для общаго благосостоянія населенія? Раньше, каждый работникъ содержалъ пять человѣкъ—себя самого и еще четверыхъ; теперь же 800 человѣкъ должны содержать не только остальныя четыре тысячи, но и 200 бывшихъ работниковъ, то-есть 4,200 человѣкъ. На каждаго работника приходится поэтому 5,000: 800, то-есть шесть съ четвертью, а не пять человѣкъ, какъ было прежде. И, по мѣрѣ того, какъ усиливается войско, увеличивается и это число, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ и этотъ тяжелый налогъ на общественное благосостояніе. Но мало того, что солдатъ ничего не производитъ, что онъ—работникъ, ставшій безполезнымъ: онъ, кромѣ того, уничтожаетъ плоды труда другихъ.

Животныя, по крайней мѣрѣ, убиваютъ свою добычу для того, чтобы жить, и въ этомъ отношеніи они стоятъ выше человѣка: человѣкъ-же—самое жестокое изъ всѣхъ существъ, потому что только онъ одинъ убиваетъ ради убійства. Люди убиваютъ съ такимъ утонченнымъ звѣрствомъ, что игра кошки съ мышью по сравненію съ нимъ—дѣтская забава. Есть въ животномъ мірѣ одна птица, называемая каріама, которая питаетъ отвращеніе къ зрѣлищу ссорящихся птицъ. Ее можно видѣть въ нѣкоторыхъ зоологическихъ садахъ; она легко поддается прирученію и ее обыкновенно помѣщаютъ въ курятникъ, гдѣ она исполняетъ роль судьи и полицейскаго. Если два пѣтуха начнутъ драться на смерть изъ-за курицы, блюститель порядка дѣлаетъ свое дѣло, безпристрастно раздавая обоимъ противникамъ удары клювомъ. Если бы такой блюститель нашелся среди людей, то у него не было бы недостатка въ дѣлѣ.

У Новикова мы находимъ слѣдующій разсчетъ: „Во-первыхъ мы имѣемъ 3.300,000 человѣкъ, отбывающихъ воинскую повинность; если бы, вмѣсто того, чтобы служить, они занимались какими-нибудь полезными ремеслами и зарабатывали хотя бы четыреста рублей на человѣка, это составило бы одинъ милліардъ 320 милліоновъ рублей производительнаго труда. Затѣмъ, 1,800 милліоновъ рублей, поглощаемые теперь военными расходами, приносили бы, если бы они были вложены въ какія нибудь земледѣльческія или промышленныя предпріятія, извѣстную прибыль,—скажемъ хоть въ одну двадцатую. Это составило бы еще 90 милліоновъ. Кромѣ того, двадцать восемь дней военной службы, которые отбываютъ резервисты, обходятся, по меньшей мѣрѣ, въ 80 милліоновъ. Итакъ, вотъ уже совершенно очевидный расходъ въ 1.690.000,000 рублей. А сколько колоссальныхъ, ненужныхъ затратъ, не поддающихся никакому вычисленію! Всѣ эти капиталы производили бы новые капиталы, и если бы милліарды, сбереженные на счетъ военныхъ расходовъ, были вложены въ какія нибудь новыя предпріятія, они дали бы такіе доходы, вычислить которые положительно невозможно“.

Итакъ, трудъ производитъ, а война разрушаетъ произведенное. Каковы же отношенія между этими двумя противуположными силами? Рабочихъ ведутъ на войну, какъ скотъ на убой, причемъ они даже не знаютъ, за что они дерутся. Помните вы рисунокъ Германа Поля въ газетѣ „Gri de Paris“? На пароходѣ, идущемъ въ Китай, сидятъ два солдата—французъ и нѣмецъ—и дружески бесѣдуютъ, чтобы скоротать какъ-нибудь время въ безконечномъ путешествіи, изъ котораго они, можетъ быть, не вернутся. „Странно“, говоритъ одинъ, „я не помню, изъ-за чего мы дрались въ 1870 году!“—„Я тоже не помню“,—отвѣчаетъ другой.

И вотъ теперь пароходъ везетъ ихъ на китайскую войну, и они опять-таки не знаютъ, изъ-за чего имъ предстоитъ драться.

Не глупо ли въ самомъ дѣлѣ отдавать свою жизнь ради выгоды и удовольствія другихъ? и что за польза можетъ быть отъ войны рабочему? Соединеніе рабочихъ всѣхъ странъ въ концѣ концовъ приведетъ къ

тому, что они положатъ конецъ жаднымъ и честолюбивымъ разсчетамъ сильныхъ міра сего. Международный союзъ монарховъ, это—война для униженія народовъ и для удержанія ихъ въ рабствѣ и подчиненіи волѣ своихъ господъ. Международный союзъ рабочихъ, это—миръ, потому что миръ необходимъ рабочимъ для того, чтобы процвѣтало производство.

Возьмемъ хотя бы примѣръ такого императора, какъ Вильгельмъ II. Развѣ онъ не представляетъ собою постоянной опасности? Учрежденія вродѣ президентовъ, сенатовъ, монарховъ и парламентовъ отжили свой вѣкъ и, будучи орудіемъ въ рукахъ капиталистовъ,—орудіемъ, которымъ эти послѣдніе пользуются ради своихъ интересовъ, противуположныхъ интересамъ народа,—они являются постоянной угрозой для мира.

Въ нашъ вѣкъ желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ и телефоновъ, даже существованіе пословъ является полнымъ анахронизмомъ. Каждый министръ отлично можетъ входить въ сношенія со своимъ коллегой изъ другой страны помимо этихъ дорого стоющихъ посредниковъ. Въ большихъ странахъ они положительно опасны, потому что дипломаты всегда прежде всего стараются создать всевозможныя усложненія и интриги, чтобы потомъ имѣть случай изъ нихъ выпутываться. Это—настоящая работа Пенелопы, которая пряла днемъ и уничтожала свою работу ночью. Въ данномъ случаѣ люди умышленно стараются создать опасныя положенія, чтобы потомъ, въ качествѣ ловкихъ дипломатовъ улаживать дѣла и упрочивать миръ. Въ маленькихъ же странахъ, дипломатическіе агенты—ничто иное, какъ украшеніе парадныхъ обѣдовъ и баловъ. Съ этой же мыслью соглашается и Леруа-Болье: онъ говоритъ, что не понимаетъ пользы существованія пословъ.

Борясь съ милитаризмомъ, мы не должны оставлять безъ вниманія современное преподаваніе исторіи. Что такое представляетъ собою исторія въ большинствѣ учебниковъ? Разсказъ о разныхъ сраженіяхъ и корольхъ, безъ всякаго отношенія къ тому, какъ жилъ и

что чувствовалъ въ это время народъ. А между тѣмъ, исторія крестьянъ, ремесленниковъ, рабочихъ—вообще народа—гораздо интереснѣе жизнеописаній разныхъ тунеядцевъ—монарховъ, дворянъ и духовныхъ лицъ. Исторія плуга и тачки гораздо важнѣе для человѣческой цивилизаціи, чѣмъ жизнь Габріели д'Эстрэ, Дюбарри или Помпадуръ, или любовныя приключенія королей. Исторія должна быть исторіей цивилизаціи, а бойни и убійства входятъ скорѣе въ исторію людоѣдства, не имѣющаго съ цивилизаціей ничего общаго. Поэтому, духъ военщины долженъ быть съ самаго начала совершенно устраненъ изъ воспитанія: не нужно ни игрушекъ, возбуждающихъ воинственное настроеніе, ни книгъ съ картинками того же характера—словомъ, ничего того, что развиваетъ умъ ребенка въ военномъ направленіи. Я знаю, что кое-гдѣ уже совершилось измѣненіе въ этомъ смыслѣ, но все-таки дѣла еще остается много, особенно для народныхъ учителей: они еще до сихъ поръ являются орудіемъ въ рукахъ капиталистовъ, которые пользуются ими, чтобы воспитывать изъ дѣтей покорныхъ и податливыхъ подданныхъ.

Война вытекаетъ изъ существованія войска съ такою же правильностью, съ какою растеніе развивается изъ зерна. И даже вопросъ еще, что нелѣпѣе и вреднѣе: вооруженный миръ, или война? Война продолжается нѣкоторое время, но, наконецъ, прекращается, тогда какъ вооруженный миръ,—это постоянное зло постоянный бичъ для общества. Сколько денегъ отнимается у общества для постояннаго войска! Сколько силъ отвлекается отъ производства! Здѣсь тоже происходитъ нѣкотораго рода подборъ, но только подборъ не естественный, а скорѣе искусственный. Это не та борьба за существованіе, о которой говоритъ Дарвинъ, а скорѣе борьба противъ существованія, противъ жизни. Вотъ что говоритъ знаменитый дарвинистъ профессоръ Геккель въ своей „Исторіи происхожденія живыхъ существъ по естественнымъ законамъ": „Совершенно неизвѣстное до нашего времени явленіе—господство милитаризма, этого бича современной Европы,—привело, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ всеобщая обязательная воинская повинность, къ тому, что рес-

публиканскія учрежденія совмѣщаются съ постоянными войсками, годными только для защиты династическихъ интересовъ абсолютныхъ монарховъ, и образуютъ вмѣстѣ нѣчто вродѣ уродливаго, противуестественнаго существа *). Изъ всѣхъ слоевъ общества ежегодно выхватываютъ для возможно большаго увеличенія арміи самыхъ сильныхъ и здоровыхъ молодыхъ людей. Наиболѣе крѣпкій и нормальный молодой человѣкъ имѣетъ, такимъ образомъ, и наибольше шансовъ быть убитымъ современными ружьями, пушками и другими орудіями цивилизаціи, тогда какъ люди слабые, больные или калѣки избавляются отъ службы, остаются во время войны дома, женятся и производятъ на свѣтъ потомство. Чѣмъ молодой человѣкъ слабѣе и чѣмъ больше въ немъ физическихъ недостатковъ, тѣмъ больше для него вѣроятности избѣгнуть военной службы и завести семью. Цвѣтъ молодежи погибаетъ на полѣ битвы, а худшая часть ея пользуется возможностью имѣть дѣтей и передавать имъ всѣ свои недостатки.

„Такимъ образомъ, вслѣдствіе законовъ наслѣдственности, слабость, тѣлесная и духовная неизбѣжно усиливается съ каждымъ поколѣніемъ и распространяется все больше и больше. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго въ томъ, что и сила физическая, и сила характера все уменьшаются у цивилизованныхъ народовъ, а одновременно съ этимъ становится все рѣже и духъ свободы и независимости".

Итакъ, въ нашемъ обществѣ выживаютъ и размножаются не наиболѣе сильные, не лучшіе, а наоборотъ самые слабые. Тотъ же профессоръ говоритъ совершенно справедливо: „Сравнительно съ удивительнымъ развитіемъ естественныхъ наукъ, наша правительственная система, наша администрація, наше правосудіе,

---

*) Эти слова находятся въ первыхъ изданіяхъ книги, включая пятое изданіе 1874 года, но въ послѣдующихъ они уже исчезли, такъ какъ авторъ за это время привѣтствовалъ „человѣка крови и желѣза",—Бисмарка—какъ героя, которому и Германія, и все человѣчество обязаны очень многимъ. Мы видимъ на этомъ примѣрѣ, насколько правъ былъ такой замѣчательный человѣкъ, какъ Дюбуа-Реймонъ, когда говорилъ, что университетъ, это—духовный оплотъ Гогенцоллерновъ. Наука—покорная служанка монарховъ; что можетъ быть позорнѣе этого!

наше воспитаніе и вся наша общественная и нравственная организація, находятся еще на ступени варварства.

А пагубное вліяніе казарменной жизни—этой „школы цивилизаціи“, какъ называютъ ее господа милитаристы? Мы знаемъ, увы, что эта казарменная цивилизація есть скорѣе „сифилизація“. До тѣхъ поръ, пока существуютъ постоянныя войска, мы всегда будемъ видѣть передъ собою угрожающую перспективу войны, потому что сами по себѣ эти войска—одна изъ причинъ, порождающихъ войну.

Когда между жителями цивилизованной страны возникаютъ несогласія, они не дерутся другъ съ другомъ, а обращаются къ третейскому суду; почему же бы не дѣлать того же самаго въ случаѣ столкновенія между различными странами? Еще знаменитый Гуго Гроціусъ писалъ въ своемъ сочиненіи о Войнѣ и Мирѣ, что „ту сторону, которая отказывается отъ третейскаго суда, можно заподозрить въ недобросовѣстности“. Когда намъ говорятъ о „правѣ войны“, это всегда возбуждаетъ въ насъ смѣхъ, потому что это—все равно, что говорить о четырехугольномъ кругѣ: „понятіе о „правѣ“ исключаетъ понятіе о „войнѣ“. Даже то международное право, о которомъ намъ читаютъ въ университетахъ, кажется намъ не болѣе, какъ какою-то любопытною рѣдкостью, потому что на практикѣ никому нѣтъ до этого права рѣшительно никакого дѣла. Мы видѣли это на примѣрѣ пуль „думъ-думъ“, употребляемыхъ англичанами въ Африкѣ, и мы должны волей-неволей признать тотъ отвратительный, но дѣйствительный фактъ, что того, кто побѣдилъ, пренебрегая всѣми рѣшеніями женевской и всякихъ конвенцій, будутъ считать гораздо большимъ героемъ, чѣмъ того, кто оказался побѣжденнымъ, благодаря своей вѣрности европейскимъ конвенціямъ. Если бы какой-нибудь генералъ изобрѣлъ средство уничтожить въ одну минуту цѣлое непріятельское войско, онъ вернулся бы въ свою страну, какъ тріумфаторъ, и соотечественники осыпали бы его цвѣтами. Посмотрите хотя бы на такихъ палачей, какъ лордъ Китченеръ, Маршанъ и многіе другіе (они существуютъ во всѣхъ странахъ).

Конечно, третейскій судъ не является вѣрнымъ

средствомъ для всѣхъ случаевъ; но все-таки, этимъ путемъ уже удавалось предотвращать войны и даже чаще, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Почему же не пойти дальше по этому пути, разъ онъ можетъ предупредить хотя бы небольшое число войнъ?

Въ прежнія времена отдѣльныя провинціи Соединенныхъ Штатовъ, также какъ и отдѣльные города, вели между собою войны, но эти войны прекратились, когда они объединились въ государство. Въ настоящее время государства точно также воюютъ, но и это кончится, разъ только они образуютъ между собою федерацію, при сохраненіи автономіи за отдѣльными странами. Такіе вопросы, какъ финляндскій и польскій въ Россіи, шлезвигъ-гольштейнскій, польскій и эльзасъ-лотарингскій въ Германіи, ирландскій въ Англіи, польскій, чешскій и другіе въ Австріи, исчезнутъ сами собою, какъ только создастся такая федерація. Это лишь вопросъ времени и степени цивилизаціи, но что къ этому когда-нибудь придутъ, это—несомнѣнно.

Въ своей книгѣ „Gaspillage des sociétés modernes“ (Расточительность въ современныхъ обществахъ) Новиковъ говоритъ о федераціи слѣдующее: „она произойдетъ—и вовсе не тогда, когда мы станемъ кротки, какъ голуби, и проникнемся братской любовью другъ къ другу, а просто тогда, когда мы найдемъ ее для себя выгодною. Достаточно, чтобы правящіе классы этого захотѣли. И тогда, избавившись отъ кошмара взаимнаго ограбленія, каждый изъ насъ сможетъ наконецъ,—впервые съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ,—пользоваться вполнѣ продуктами своего труда“. Мы знаемъ, конечно, что это преувеличено и что такихъ послѣдствій европейская федерація имѣть не будетъ: если бы это было такъ, то правящіе классы никогда не захотѣли бы ея. Привести къ такимъ результатамъ можетъ только одинъ анархизмъ.

Еще въ 1868 году на конгрессѣ Международнаго Союза рабочихъ было единогласно принято слѣдующее рѣшеніе:

„Конгрессъ въ особенности приглашаетъ рабочихъ къ прекращенію всякой работы въ случаѣ, если въ ихъ странахъ начнется война. Конгрессъ настолько

разсчитываетъ на воодушевляющій рабочихъ всѣхъ странъ духъ солидарности, что надѣется, что они не откажутся оказать поддержку этой борьбѣ народовъ противъ войны".

Уже тогда шла, такимъ образомъ, рѣчь о стачкѣ на случай войны. Но когда я предложилъ военную стачку на брюссельскомъ конгрессѣ 1891 года, то мое предложеніе встрѣтило сильный отпоръ и было признано несбыточнымъ и фантастическимъ. И это называется успѣхами соціализма! За двадцать лѣтъ онъ, къ сожалѣнію, сильно шагнулъ назадъ.

Если во всѣхъ странахъ рабочіе откажутся явиться въ моментъ мобилизаціи, что сдѣлаютъ тогда правительства? Примѣръ немногихъ увлечетъ за собою другихъ, а когда такихъ людей будутъ тысячи, то развѣ можно будетъ посадить ихъ всѣхъ въ тюрьму? Очевидно, нѣтъ. Можно, конечно, ради примѣра разстрѣлять нѣсколько человѣкъ, но вѣдь и у рабочихъ будутъ въ рукахъ средства отвѣтить на этотъ актъ жестокости, а съ другой стороны, его послѣдствіемъ можетъ оказаться всеобщее вооруженное возстаніе. Если соціалисты будутъ систематически отказываться повиноваться, то никакое, самое сильное, правительство не сможетъ принудить ихъ къ братоубійственной войнѣ.

Я предпочитаю гражданскую войну войнѣ между различными націями, потому что въ первой люди дерутся изъ-за идеи, а во второй—изъ-за удовольствія и выгоды другихъ. Кромѣ того, въ гражданской войнѣ борьба ведется противъ настоящихъ враговъ. Для французскаго рабочаго, напримѣръ, кто является дѣйствительно врагомъ? Вовсе не нѣмецкій или англійскій рабочій, а свой, французскій капиталистъ, несмотря на то, что онъ говоритъ на томъ же языкѣ и что онъ уроженецъ той же страны. Рабочіе всѣхъ странъ могутъ быть только друзьями, потому что ихъ интересы одни и тѣ же; повсюду угнетателями рабочихъ одинаково являются правящіе классы; поэтому, побѣда надъ ними вездѣ означаетъ освобожденіе рабочихъ отъ давящаго ихъ ига.

„Отечество"—не болѣе какъ пустой звукъ, потому что заслуживаетъ-ли такого названія страна, гдѣ васъ

заставляютъ такъ много работать и умирать съ голоду? Нѣтъ, то, что должно быть отечествомъ, у васъ украдено, а такое отечество вы любить не можете.

Пусть правительства знаютъ заранѣе, что анархисты не будутъ настолько наивны или глупы, чтобы убивать другъ-друга ради выгоды своихъ враговъ. Самый прекрасный моментъ Коммуны 1871 года это— моментъ, когда солдаты братались съ рабочими. Будемъ же и мы вести какъ можно энергичнѣе нашу пропаганду въ этомъ направленіи, и пусть величественное зрѣлище этого единенія на глазахъ у военной власти заставитъ эту власть поблѣднѣть отъ страха.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, нужно, чтобы рабочіе вооружались такъ, чтобы быть въ силахъ, въ случаѣ нужды, сопротивляться насилію. Совѣтъ Фридриха Энгельса, который сказалъ когда-то: „дайте каждому гражданину хорошее ружье и пятьдесятъ патроновъ— и это будетъ лучшей гарантіей народной свободы", слѣдуетъ только распространить и расширить.

Но у рабочихъ есть въ рукахъ еще и другія средства помѣшать какой бы то ни было войнѣ. Представьте себѣ, что рабочіе, занятые при водныхъ и сухопутныхъ путяхъ сообщенія—портовые и желѣзнодорожные—вступили въ стачку: какъ тогда правительствамъ перевозить солдатъ? Вражескія войска не могутъ такимъ образомъ встрѣтиться другъ съ другомъ, а этой именно встрѣчѣ и слѣдуетъ помѣшать. Недавно намъ пришлось читать о томъ, какъ происшедшая въ Новомъ Орлеанѣ стачка англичанъ-кочегаровъ и погонщиковъ муловъ помѣшала отправкѣ 1400 муловъ въ Южную Африку. Вотъ это прекрасно! Именно съ этого нужно начинать! Если помѣшать перевозкѣ солдатъ, лошадей, муловъ, пушекъ, боевыхъ запасовъ и провизіи, то война станетъ невозможной.

Будемъ же продолжать нашу пропаганду для того, чтобы привить мысль объ отказѣ отъ военной службы и о всеобщей стачкѣ въ моментъ войны— и наша идея проложитъ себѣ путь. Приложимъ же всѣ свои усилія къ тому, чтобы анархисты—единственные настоящіе революціонеры и интернаціоналисты — поняли, что единственная борьба, въ которой пролетаріатъ всего міра можетъ проливать свою кровь, это—

борьба противъ его единственнаго и дѣйствительнаго врага—капитализма.

То, что стачка дѣлаетъ коллективно, то, для отдѣльной личности, представляетъ собою пассивное сопротивленіе. Это одно изъ средствъ вывести изъ терпѣнія всякое правительство. Но оно требуетъ необычайной нравственной силы, потому что для того, чтобы вытерпѣть всѣ слѣдующія за этимъ лишенія, нужна почти сверхъестественная стойкость характера. Всѣмъ извѣстно мужество и упорство русскихъ духоборовъ, настойчиво отказывающихся отъ воинской повинности, несмотря ни на какія мученія; мы можемъ только преклониться передъ этими героями, и не только для Россіи, но и для всѣхъ странъ. У насъ, въ Голландіи, въ прошломъ году двое молодыхъ людей тоже отказались отъ военной службы. Одинъ изъ нихъ—христіанскій анархистъ—просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ и уступилъ; другой анархистъ-индивидуалистъ—вынесъ цѣлый годъ тюремнаго заключенія. Въ маѣ этого года его выпустили и снова, на вопросъ—согласенъ ли онъ отбывать воинскую повинность? онъ отвѣтилъ отказомъ; въ качествѣ рецидивиста, онъ былъ осужденъ еще на годъ и четыре мѣсяца тюремнаго заключенія. Онъ остается по прежнему вѣрнымъ себѣ и проявляетъ удивительную силу характера; нѣсколько времени тому назадъ онъ писалъ изъ тюрьмы: „Мои убѣжденія мнѣ дороже жизни. Жизнь можно у меня отнять, но убѣжденія—никогда!“ И вотъ, когда человѣкъ говоритъ, что онъ не хочетъ убивать, правительства, послѣ двадцати вѣковъ христіанской цивилизаціи, не находятъ другого отвѣта, какъ: „въ тюрьму его, злодѣя! ему нѣтъ мѣста въ нашемъ обществѣ, его присутствіе опасно для существующаго порядка!“

По моему мнѣнію, мы не можемъ не выражать подобнымъ борцамъ нашего глубочайшаго уваженія; мы должны заявить, что считаемъ ихъ дѣйствія гораздо болѣе геройскими, чѣмъ всѣ военные подвиги. Общество, позволяющее лучшимъ изъ своихъ дѣтей страдать по тюрьмамъ, недостойно существованія. И единичные поступки подобныхъ молодыхъ людей должны неизбѣжно оказать большое вліяніе: такіе примѣры

будутъ повторяться все чаще и чаще, и эти смѣлыя личности станутъ піонерами новой эпохи, эпохи настоящей цивилизаціи, не имѣющей ничего общаго съ лицемѣрной цивилизаціей нашего времени.

Если у людей есть чѣмъ дорожить, то въ ихъ интересахъ—поддержать міръ. Придетъ время, когда война будетъ считаться остаткомъ варварства, переживаніемъ той эпохи, когда люди не знали другого средства для огражденія своихъ яко-бы правъ и для разрѣшенія несогласій, кромѣ силы. Многіе думаютъ, что въ борьбѣ народовъ, какъ прежде въ борьбѣ монарховъ, рѣшающій голосъ будетъ въ будущемъ принадлежать оружію; но мы съ этимъ не согласны, и вся исторія цивилизаціи подтверждаетъ наше мнѣніе. Было время, когда дуэль считалась единственнымъ средствомъ возстановленія чести; теперь же становится все болѣе и болѣе нелѣпымъ думать, что честь можетъ имѣть что-нибудь общее съ кровопролитіемъ. Тоже самое будетъ и съ войной. Вопросъ не въ томъ, прекратятся ли всѣ раздоры, и будетъ ли общество состоять изъ ангеловъ, а въ томъ,—зачѣмъ человѣку, разумному существу, рѣшать свои несогласія грубой силой?

Мыслящее существо борется не насиліемъ, а аргументами, и вотъ почему Фридрихъ II былъ совершенно правъ, когда говорилъ, что разъ только солдаты начнутъ разсуждать, никто изъ нихъ не останется въ войскѣ.

Что такое войско? Собраніе недумающихъ людей, служащихъ послушными орудіями въ рукахъ начальства, которое можетъ дѣлать съ ними все, что хочетъ. Войско, поэтому, есть сила въ дѣйствительности вредная для человѣчества: оно враждебно всему, что дѣлаетъ изъ человѣка мыслящую личность, что образуетъ его характеръ, его индивидуальность. Главный принципъ военнаго дѣла, это—принудительное совмѣстное дѣйствіе; а что же это такое, какъ не то же рабство и не тотъ же деспотизмъ, только подъ другимъ названіемъ? Вотъ почему военщина — прямой врагъ цивилизаціи. Еще великій Кантъ говорилъ въ своемъ проектѣ вѣчнаго мира, что всѣ „кратіи“—все равно, автократія, аристократія, или демократія (то-есть, правленіе одного, правленіе лучшихъ или правленіе народа)—одинаково вредны и

деспотичны. А поэтому, не нужно никакихъ „кратій“! Но что же это значитъ, какъ не провозглашеніе анархіи, то-есть, „акратіи“, безвластія?

Соединяясь подъ краснымъ знаменемъ, мы забываемъ всѣ національныя знамена; когда же послѣдняя пушка будетъ уничтожена анархизмомъ—человѣчнымъ и цивилизующимъ, такимъ, какимъ его изображаетъ на одной изъ своихъ картинъ бельгійскій художникъ Вирцъ—то повсюду воцарится бѣлое знамя мира. Торжество пролетаріата, это—соціальный и международный миръ, это—всемірная республика, безъ различія національностей, пола, расъ и цвѣта. Лучшій путь къ этому—отказъ отъ работы и отказъ отъ военной службы; это именно и значитъ: „преградить революціей дорогу двигающимся войскамъ“.

Когда правительства объявляютъ войну, они совершаютъ революціонный актъ, и мы не только имѣемъ право, но даже обязаны отвѣтить на него революціей.

Когда на человѣка нападаютъ, онъ имѣетъ право защищаться. Война, это—нападеніе на нашу свободу, на все человѣчество; и мы, во имя цивилизаціи, защищаемъ человѣчество отъ пушекъ и ружей его угнетателей.

„Смѣлости! смѣлости! больше смѣлости!“—вотъ, что намъ нужно—и побѣда за нами, потому что а н а р х і я—э т о п о р я д о к ъ, м и р ъ, у н и ч т о ж е н і е б ѣ д н о с т и и с в о б о д а.

Библіотека
Соціалистической
Академіи

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стра.
Отъ редакціи		3
Элизе Реклю.—	Эволюція и революція	5
Б. Тэккеръ.—	Государственный соціализмъ и анархизмъ	20
Д. Маккей.—	Анархія	39
Ж. Этьеванъ.—	Право на жизнь	47
П. Кропоткинъ.—	Государство, его роль въ исторіи.	65
А. Толстой.—	Объ отношеніи къ государству .	131
* * *	Михаилъ Бакунинъ—о государствѣ.	144
Вл. Тэ.—	Жозефъ-Прудонъ—о государствѣ.	164
Вл. Тэ.—	Максъ-Штирнеръ—о государствѣ.	181
М. Неттлау.—	Взаимная отвѣтств. и солид. въ борьбѣ раб. класса	191
Домела-Ньювангуисъ.—	Вопросъ о милитаризмѣ	206